**РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

ЕРЕЩЕНКО Маргарита Владимировна

**КОНСТРУКЦИИ СО СЛУЖЕБНЫМ СЛОВОМ «И»
И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Г.Ф. Гаврилова**

Ростов-на-Дону

2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ		2
ГЛАВА 1.	Теоретические основы исследования особенностей семантики, синтаксической неоднозначности и функционирования служебного слова «и»	10
	1.1. Описание семантики и функционирования служебного слова «и» как сочинительного союза в лингвистической литературе	12
	1.2. Принципы лексикографического описания служебного слова «и»	26
ГЛАВА 2.	«И» в функции союза в системе разноуровневых синтаксических конструкций	33
	2.1. Функции союза «и» в выражении разновидностей отношений однородности – соединения и суммирования при соподчинении словоформ и придаточных. Изоморфизм функций слова «и» в простом и сложном предложениях	33
	2.2. Синонимичность союза «и» и других сочинительных союзов в простом и сложном предложениях	61
	2.3. Употребление в простых и сложносочинённых предложениях конкретизаторов служебного слова «и»	67
	2.4. «И» в репликах диалога	78
ГЛАВА 3.	Функции союза «и» в разных текстовых образованиях	88
	3.1. «И» в монологическом тексте (в ССЦ)	88
	3.2. Служебное слово «и» в присоединительных конструкциях	98
	3.3. «И» как элемент вставных конструкций	105
ГЛАВА 4.	Служебное слово «и» в функции союза-частицы и частицы	109
	4.1. Служебное слово «и» в функции союза-частицы	109
	4.2. Релятивные свойства частицы «и»	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		130
БИБЛИОГРАФИЯ		135

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистических исследованиях, посвящённых синтаксису современного русского языка, значительное место занимают вопросы, связанные с типологией и систематизацией показателей связности в простом и сложном предложениях не только на семантической но и функциональной основе (см. работы Ю.И. Леденева, Т.А. Колосовой, М.И. Черемисиной, Н.Н. Холодова, Н.А. Андрамоновой, Г.Ф. Гавриловой, Р.Л. Кузнецовой, А.Ф. Прияткиной и др.). В центре внимания исследователей при функциональном подходе оказывается изучение и описание тех неполнозначных слов, которые, в силу определённых структурно-синтаксических и функциональных особенностей, не имеют однозначной грамматической квалификации. Из числа указанных средств большим семантическим потенциалом и широкими синтаксическими возможностями обладает слово «И», функционирование которого в качестве полифункционального показателя синтаксической связи изучено ещё недостаточно в теоретическом плане и не представлено в лексикографической практике.

В русле именно функционального подхода к исследованию служебного слова «И» выполнена и предлагаемая диссертационная работа.

Предметом её изучения является анализ полифункционального служебного слова «И» – союза и частицы. Изучение разнообразных семантико-синтаксических отношений, выражаемых словом «И», в рамках как простого, так и сложного предложений. Подобный ракурс изучения определяется тем фактом, что данное неполнозначное слово способно не только отражать внешние отличительные особенности оформляемой им единицы, но и совмещать в себе разнообразные функции, относящиеся к глубинному плану синтаксиса.

Новизна проблемы анализа конструкций со служебным словом «И» в функциональном аспекте определяется тем, что до сих пор в русистике слово это рассматривалась в основном лишь как центр, организатор синтаксической конструкции (моно- или полипредикативной) определённой семантики

[Прияткина А.Ф., 1977; Усова Н.В., 1982; Кичева И.В., 1988 и др.]. Однако представляется целесообразным комплексный анализ данного слова в функции как соединителя двух сообщений или их частей, так и уточнителя какого-либо смыслового отрезка сообщения или при совмещении им указанных функций. Трудности, возникающие в этой области синтаксиса русского языка, определяются парадигматической и синтагматической диффузностью компонента «И», его способностью выражать различные оттенки значения.

Неполнозначное слово «И» активно участвует в семантическом оформлении самых разнообразных как моно-, так и полипредикативных конструкций, причём, входя в структуру данных конструкций, оно выступает не только в роли их конструктивного, но и в роли функционального элемента синтаксической организации. Из этого следует, что исследование служебного слова «И» должно быть комплексным и включать различные аспекты.

Отсутствие всестороннего исследования функций служебного слова «И» затрудняет, в свою очередь, комплексное изучение смысловых отношений в рамках сложносочинённого предложения и явлений переходности между простым и сложным предложением. Другими словами, посредством определения условий реализации неполнозначным словом «И» своих значений можно, на наш взгляд, более точно определить границы и разновидности той конструкции, которую оно оформляет.

Многие исследователи указывают, что главное назначение неполнозначных слов как функциональных элементов – это не только быть средствами связи между частями предложения или монологического текста, но и выступать специализированными средствами субъективной интерпретации информативного содержания тех конструкций, в состав которых они входят. Комплексное исследование роли служебного слова «И» в выражении коммуникативно-прагматических особенностей структур, в которых оно функционирует, также составляет актуальную задачу синтаксиса русского языка. В нашем диссертационном исследовании мы рассматриваем

такие субъективные осложнения смысла, которые выражаются служебным словом «И», оно совмещает в себе функции выразителя основного смысла и одновременно указателя субъективного осложнения основного смысла.

К числу вопросов, не получивших в лингвистике полного освещения, относится и вопрос о специфике выражаемых служебным словом «И» разновидностей семантико-синтаксических отношений. В рамках как простого, так и сложносочинённого предложений, элементы, которые мы привыкли рассматривать как однородные и сочинённые, могут при одних и тех же средствах выражения их связи по-разному относиться друг к другу семантически: в одних случаях они могут быть связаны отношениями соединения, а в других – суммирования. Отсюда вытекает необходимость системного изучения союзных функций служебного слова «И» в выражении разновидностей отношений однородности – соединения и суммирования – при соподчинении словоформ и придаточных.

Новым в анализе показателей связности частей предложения и монологического текста является то, что и они изучаются с учётом их взаимодействия друг с другом. В нашей диссертации обнаруживаются и получают объяснение формы и взаимодействия служебного слова «И» с различными конкретизаторами и обусловленная этим взаимодействием градация различных степеней спаянности членов комплекса (служебное слово «И» – конкретизатор), а также их различная семантическая выразительность и структурно-строевая роль в составе высказывания. В последнее время всё чаще и чаще высказывается мнение, что большая часть союзных средств отличается динамикой, а частицы в современном русском языке всё шире используются в функции союзов, принимая на себя роль выразителя синтаксических отношений между связываемыми сегментами. В данной связи целесообразным предстаёт исследование синтагматического аспекта неполнозначного слова «И». Сочетания служебного слова «И» и его конкретизаторов мы анализируем как самостоятельные лексико-синтаксические единицы, поскольку неопорные компоненты данных

связующих средств сообщают всему сочетанию семантические оттенки, отличные от значения опорного слова «И».

В настоящий момент нельзя признать до конца решённым и вопрос относительно и вопрос относительно синонимических отношений служебного слова «И» (как союза). Предложения с союзом «И» могут совмещать с соединительными отношениями противительно-уступительные и сопоставительные, то есть выступать синонимами речевых образований с союзами «А», «НО». Комплексный анализ семантики служебного слова «И» в парадигматическом плане также представляет актуальную проблему русского синтаксиса. Этим диктуется *актуальность* исследования, проводимого нами.

Цель настоящей диссертации – системное описание функциональных, семантических и коммуникативно-прагматических возможностей служебного слова «И» при выражении разнообразных смыслов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить *следующие задачи*:

1. Выявить потенциал служебного слова «И» в функции союза, описать все возможные реализации его значения в разных синтаксических конструкциях.

2. Проанализировать взаимодействие служебного слова «И» с семантикой оформляемой им конструкции (функционального контекста), а также возможности взаимодействия с затекстовой информацией.

3. Уточнить синтаксический статус служебного слова «И» в структуре разноуровневых синтаксических единиц, учитывая способность данного слова выступать как в качестве сочинительного союза, частицы, так и союза-частицы, а также условия и особенности его речевого функционирования в разных текстовых образованиях.

4. Определить специфику функционирования в разных синтаксических конструкциях конкретизаторов служебного слова «И» как выразителей конкретных семантических отношений, употребление которых связано с полисемантизмом синтаксических моделей с союзом «И».

5. Изучить условия синонимии союза «И» с другими сочинительными союзами в их отношении к значению и форме сочетающихся предикативных единиц, создаваемых речевой семантикой.

Поставленные задачи определили принципы отбора материала и методы его исследования.

Для контекстуального и функционального анализа служебного слова «И» была произведена выборка примеров из прозаических произведений отечественных авторов XIX-XX вв. Общая картотека выявленных контекстов составила более 3 тыс. примеров.

Основным методом, использованным для решения поставленных задач, послужил метод лингвистического описания, который включает методику контекстологического, а также элементы сопоставительного анализа. Эти методы исследования обеспечили адекватное изучение грамматических, семантических и коммуникативных свойств такого подвижного в функциональном отношении элемента языка, каким является служебное слово «И», в составе разных синтаксических конструкций.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Служебное слово «И» полифункционально и может выступать в простых предложениях, в сложных предложениях, а так же в связном тексте (монологическом и диалогическом) как а) сочинительный союз; б) усилительная частица; в) синкретичная союз-частица. Конкретная функциональная реализация определяется тем набором потенциальных сем, которым представлено в языке неполнозначное слово «И» и типом синтаксической структуры.

2. В сложносочинённых предложениях союз «И» имеет абстрактное синтаксическое значение: поскольку когнитивная модель требует одинаковых (или почти одинаковых) языковых средств воплощения, отношения в них оказываются “изосемичными” с предложениям с однородными сказуемыми. Изосемичность союза «И» определяется механизмом отношений сходства соединяемых им компонентов как в простом, так и в сложном предложениях.

3. Союз «И» в сочетании с последующим контактирующим конкретизатором может с семантической точки зрения как согласовываться с последним, так и не иметь с ним соответствия. В первом случае между компонентами сочетания (при возможности их неконтактного расположения) тесного сращения не происходит, во втором – данное сочетание приобретает идиоматичность. При актуализации в сложном предложении отношений суммирования конкретизаторы и союз «И» не образуют идиомы.

4. В семантико-семантическом отношении частица «И» способна уточнять значение контактирующего с ней подчинительного союза, причём как в простом, так и в сложном предложениях. В условных и сравнительных конструкциях частица «И» выполняет, фактически, одну и ту же функцию, поскольку в обоих случаях она вносит уступительный оттенок. Кроме того, частица «И» способна иметь значение ограничительной частицы.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что впервые служебное слово «И» комплексно исследуется во всех ипостасях своих функциональных реализаций. Рассматривается их система как при оформлении синтаксически открытых рядов членов перечисления, так и при участии в организации связности монологического и диалогического текста. Анализ служебного слова «И» производится с учётом того факта, что семантика данного слова воплощает в себе способность языка отражать моделируемые говорящим синтаксические отношения сходства во всём их многообразии.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней впервые системно представлен и описан выражаемый служебным словом «И» спектр значений: максимальное допущение уступки, категорическая достоверность уступки, субъективные смыслы (оттенок сожаления и т.д.), указываются семантические и прагматические условия переходных частично-союзных явлений, присущих неполнозначному слову «И», выявляется степень универсальности отношений, выражаемых союзом «И», их изосемичность на

разных синтаксических уровнях, определяемая наличием общей для них когнитивной модели.

Результаты, полученные в работе при исследовании семантического потенциала и синтаксических возможностей служебного слова «И», могут служить базой для последующего уточнения синтаксической квалификации простых и сложных предложений.

В диссертации разработан комбинированный подход к системному описанию неполнозначных слов как средств оформления синтаксических связей и отношений, включающий структурно-семантический и функционально-коммуникативный аспекты их изучения.

Практическая значимость проведённого исследования определяется тем, что его результаты могут найти отражение в вузе в курсе синтаксиса современного русского языка, в спецкурсах по явлениям переходности синтаксических конструкций для студентов филологических факультетов, но факультативных занятиях в старших классах средней школы, лицейских классах по углубленному изучению структурно-синтаксического аспекта русского языка, позволяя по-новому, интегративно изучать сочинительные отношения как в простом, так и в сложном предложении с учётом их изосемичности.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка Ростовского-на-Дону государственного педагогического университета, научной конференции РГПУ 1999 г., а также на межвузовской научно-методической конференции 2000 г. По материалам диссертации опубликовано четыре статьи.

**ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИКИ, СИНТАКСИЧЕСКОЙ
НЕОДНОЗНАЧНОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СЛУЖЕБНОГО СЛОВА «И»**

Для отечественной русистики конца XX века характерен все возрастающий интерес к изучению семантико-синтаксического аспекта языковых единиц, что позволило выдвинуть на новый уровень проблему систематизации связующих средств и по новому осмыслить структурные типы предложений. Особую актуальность в этом отношении приобретают исследования тех служебных слов, которые, выступая в качестве показателей связи, не обладают однородной грамматической классификацией. Разнообразие семантико-семантических характеристик даёт возможность подобным неполнозначным словам принимать участие в формировании разных аспектов предложения. Кроме того, участвуя в синтаксической организации предложения то в роли союза, то в роли частицы, одно и то же служебное слово привносит в семантическое представление предложения новые компоненты смысла, создаёт наряду с другими языковыми средствами модальный план высказывания в целом.

Согласно “Лингвистическому энциклопедическому словарю” под служебными словами понимаются такие единицы, у которых основной функцией является синтаксическая, состоящая в выражении различных семантико-синтаксических отношений между словоформами, предложениями и частями предложений, “а также для выражения разных оттенков субъективной модальности” [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 472]. По мнению Г.Е. Крейдлина, к служебным функциям следует отнести и синтаксическую функцию дублирования, выявления смысла, уже имеющегося в предложении [Крейдлин Г.Е., 1982: 106-107].

Исходя из подобного понимания, служебные слова русского языка можно разделить на две большие группы. В одну группу входят предлоги и союзы, служащие для связи слов частей предложений; во вторую – частицы,

объединяемые общей функцией “выражения отношения говорящего к высказыванию с особым выделением или уточнением какого-либо момента или стороны в этом высказывании” [Ахманова О.С., 1966: 433]. Обе группы слов объединяет неспособность выступать самостоятельно в функции членов предложения, но они в то же время служат структурными показателями синтаксических единиц и их разновидностей, средствами связи и выразителями семантико-синтаксических отношений [Леденев Ю.И., 1988: 4].

Полное представление об истории существования в языке служебного слова «и» дают исследования Н.Н. Холодова. Возраст «и» - тысячелетия. Без него не могли обходиться славяне в эпоху их племенного единства. За долго до нашей эры его предок служил праиндоевропейцам. Однако, несмотря на тысячелетнюю историю его функционирования, «и» не изменяло своего фонетического облика – по крайней мере, существенным образом. Наблюдаются лишь изменения в силе и в долготе его произношения. Десятки веков оно было и остаётся союзом и частицей соединительного типа [Холодов Н.Н., 1991: 19-20].

К числу вопросов, не получивших в лингвистике полного освещения, относится вопрос о специфике выражаемых служебным словом «и» семантико-синтаксических отношений и его синтаксической роли. Данное неполнозначное слово в семантическом аспекте и в плане синтаксического функционирования можно отнести к особому в грамматическом отношении разряду слов, поскольку в современном русском языке оно способно употребляться и как сочинительный союз, и как частица, и как элемент частично-союзных сочетаний. Всё это свидетельствует о том, что служебное слово “и” обладает большим семантическим потенциалом и широкими синтаксическими возможностями, являясь специализированным средством субъективной интерпретации информативного содержания высказывания. Целесообразно, следовательно, рассмотреть более детально грамматические и коммуникативные свойства такого подвижного в семантическом отношении элемента языка, каким является неполнозначное слово “и”.

Полифункциональность этого слова определяется типом конструкции и тем набором сем, которыми оно представлено.

1.1. Описание семантики и функционирования служебного слова “и” как сочинительного союза в лингвистической литературе

С семантической точки зрения, отдельные компоненты сложного предложения связаны между собой в одно смысловое целое. Формально эти типы связи могут быть выражены при помощи двух грамматических способов – сочинения и подчинения. Сочинение – это “синтаксическая связь грамматически равноценных единиц языка, из которых ни одна не может быть сведена на положение компонента другой, располагающая своей системой средств выражения – сочинительными союзами” [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 484]. Логически всякое сочинение представляет собой соподчинение [Кондаков Н.И., 1971: 214], не прямое, опосредованное отношение между двумя понятиями [Левицкий Ю.А., 1980: 5-6]. Опосредованность отношения обусловлена тем, что каждое из двух понятий (А и Б) оказывается подчинённым третьему понятию (В), выступающему в качестве некоего объединяющего, родового, подчиняющего. Так, например, *сахар и снег* логически ничем не связаны, кроме того, что оба они могут оказаться в подчинении у понятия *белые предметы*, то есть они являются связанными только через связь с этим подчиняющим понятием: *сахар и снег белого цвета*.

Сложносочинённое предложение должно рассматриваться на фоне субъективной перспективы текста [Онипенко Н.К., 1993: 21]. Сочинительные компоненты, считает

Г.Ф. Гаврилова, объединяются в ряд на основе синтаксического равноправия своего отношения к распространяемому ими слову или предикативной основе предложения, и этим они отличаются от подчинённых друг другу компонентов [Гаврилова Г.Ф., 1979:11].

Причину для образования сочинительной конструкции, как указывает Е.Ф. Троицкий, следует искать в экстралингвистических факторах [Троицкий Е.Ф., 1988: 73]. Сочинительный союз «и», например, один и тот же и в сложносочинённом предложении, и в предложении с разнофункциональными членами, он всегда выполняет двойную функцию: связывает равноправные компоненты и относит их к одному общему для них третьему. Найти это общее третье означает обнаружить причину образования конструкции. Сочинительные конструкции отражают свой аспект мира. В описываемых с их помощью ситуациях есть предметы и явления, входящие в одно множество. Коммуникативная установка вызывает выбор говорящим из реальной действительности элементов одного множества. В случае с союзом «и», по мнению говорящего, названные им факты равноправны в самой описываемой ситуации. Ср.: *Пришли брат и отец – Пришёл брат отца.*

По мнению А.М. Пешковского, коммуникативная цель может привести к тому, что как равноправные подаются неоднородные по форме (т.е. относящиеся к разным множествам) элементы. В этом случае обнаруживается только однородность/одинаковость в отношении одной целеустановки. Ср.: *Я уезжаю на каникулы, и к родным, и в деревню ...* [Пешковский А.М., 1956: 442-443].

Языковые способы выражения связей и отношений между предикативными частями сложного предложения достаточно разнообразны, что приводит зачастую к тому, что одно и то же отношение может быть выражено при помощи различных союзов, как сочинительных, так и подчинительных. С другой стороны, сопоставление формальных особенностей, значений и функций сочинительных и подчинительных союзов позволяет обнаружить существенное различие между ними, которое заключается в их отношении к значению и форме соединительных компонентов. Согласно Р.Д. Кузнецовой, основным компонентом значения всех сочинительных союзов является значение соединения, которое фиксирует одинаковое отношение соединяемых величин к одному и тому же общему

признаку [Кузнецова Р.Д., 1997: 39]. «Сочинительный союз, – пишет в связи с этим она, – указывая на определённые отношения, не участвует в формировании номинативного и функционально-синтаксического значений соединяемых частей» [Кузнецова Р.Д., 1998: 19].

Семантика сочинительных союзов заключается в том, что они семантически тем или иным образом маркируют сочетаемость однородных членов. Вместе с тем, по мнению Г.Ф. Гавриловой, функции сочинительных союзов шире, чем соединение синтаксически однородных структур. Вслед за Л.Д. Чесноковой, она считает, что они включают в себя выражение сходства значений соединяемых ими компонентов; «значения сочинительного союза и характеристика его функций представляют собой колебания – от показания синтаксической (грамматической) однородности до выражения общей идеи сходства» [Гаврилова Г.Ф., 1988, 1993: 12]. В предложениях однородного состава сочинительные союзы выполняют роль носителя семантики сложного предложения; в предложениях же неоднородного состава они играют роль фиксатора тех отношений (причинно-следственных, логического несоответствия и т.д.), которые уже выражены соотношением вещественного наполнения компонентов. Сочинительный союз лишь подчёркивает, актуализирует их. «Перечисленные отношения, – пишет в связи с этим Г.Ф. Гаврилова, – возможны только в сложном предложении между предикативными частями, выражающими развёрнутые сообщения о событиях, и невозможны между однородными словоформами» [Гаврилова Г.Ф., 1991: 42].

Сочинительные союзы традиционно делятся на три группы: соединительные, противительные и разделительные. По мнению А.Б. Пеньковского, общая семантическая структура сочинительных союзов может приниматься как двойственная дихотомия:

разделительные-----неразделительные

противительные-----непротивительные, причём эта последняя обнаруживает все признаки приватной оппозиции с первым

маркированным членом [Пеньковский А.Б., 1997: 192-193]. Это значит, что союз «и», не являясь носителем противительного значения, может использоваться и в высказываниях, целостное значение которых содержит «противительный» компонент (ср. *читает и пишет – читает и не пишет*). Следовательно, не следует связывать союзный элемент, даже, казалось бы, семантически однозначный и узко специализированный, только с одним типом смысловых отношений и квалифицировать смысловые отношения в сложносочинённом предложении, опираясь только на семантику представленного в данном предложении союзного средства. «Проблема описания сочинительного союза, – пишет по этому поводу Г.Ф. Гаврилова, – не может быть раскрыта вне характеристики семантики соединяемых им компонентов. Решение вопроса о том, что же представляют собой сочинительные союзы – являются ли они семантическими или же это слова, основная функция которых – грамматическая, лежит на пути наиболее полного описания их функционирования, а также анализа семантики соединяемых ими компонентов простого или сложного предложений» [Гаврилова Г.Ф., 1991: 11]. Подобная методика анализа должна применяться при исследовании, как нам представляется, прежде всего соединительных союзов, и союза «и», в частности.

По наблюдениям А.К. Киклевича, союз «и» является самым частотным из всех сочинительных союзов [Киклевич А.К., 1982: 86].

О союзе «и» Н.Н. Холодов писал: «Многие лингвисты считают, что союз «и» только указывает на наличие связей (отношений), никак не помечая их в семантическом плане, является «чистой скрепой» [Холодов Н.Н., 1976: 86]. Однако работы последних лет наглядно свидетельствуют о том, что реальная картина выглядит иначе. Ю.А. Левицкий в результате дистрибутивного анализа семантики русских сочинительных союзов определяет их значение следующим образом: И – сопоставление (идентификация), А – противопоставление (контраст), положительное противопоставление, НО –

отрицательное противопоставление, ИЛИ – модальное сопоставление (противопоставление) [Левицкий Ю.А., 1978: 91].

Рассмотрим семантическую специфику союза «и» более подробно. Ни в одной из словарных статей не говорится о значении служебного слова «и», описание союза «и» сводится к указанию контекстов, в которых оно употребляется. Широко распространено мнение, согласно которому «и» не располагает номинативной функцией, поскольку оно ничего не называет. Вслед за В.А. Белошапковой, И.Н. Кручининой, Г.Ф. Гавриловой, Н.Н. Холодовым, М.В. Ляпон, Ю.А. Левицким мы считаем, что союз «и» является носителем строго определённой семантики, так как несёт информацию об определённом типе семантико-синтаксических отношений или их разновидности, и, следовательно, семантичен. Основные вехи становления концепции семантической союзов «и» отражены, как уже отмечалось, в работе Н.Н. Холодова [Холодов Н.Н., 1991].

Союз «и», в отличие от всех других сочинительных союзов, имеет чрезвычайно широкое и отвлечённое значение, он выражает лишь общую идею рядоположенности, совместности и сосуществования тех явлений, о которых говорится в частях сложного предложения – «чистую идею соединения» [Пешковский А.М., 1956: 466], что сближает его по степени отвлечённости с синтаксическими подчинительными союзами.

Тот факт, что союз «и» не является «чистой конъюнкцией», поскольку предполагает некоторое трудноуловимое единство описываемых ситуаций, отмечался неоднократно: [см. Дейк Ван, 1978; Лакофф 1971; Николаева, 1997]. В частности, Р. Лакофф заметила, что союз *and* накладывает определённые ограничения на сочиняемые предложения: они должны иметь общую тему (*topic*), причём эта тема не обязательно выражена в сочиняемых предложениях лексически – она может выводиться из пресуппозиции, знания ситуации, смысловых выводов и т.п. Однако Р. Лакофф, по её собственным словам, «остановилась перед самым главным и интересным вопросом: «что же

представляют собой сочинительные союзы с точки зрения семантики?» [Лакофф Р., 1971: 148].

Один и тот же сочинительный союз способен выражать, по существу, не только связь (конъюнкцию), но и отношение (импликацию). Это обуславливает наличие двух типов сочинения – конъюнктивного и имплицативного.

Конъюнктивное сочинение чаще всего выражает сопоставление или противопоставление [Левицкий Ю.А., 1978: 106]. Союз «и» выражает, как правило, сопоставление в рамках простого предложения. Например: *Небо голубое и глаза голубые.*

Содержанием имплицативного сочинения является объективная связь (временная последовательность) событий, передаваемая посредством сложносочинённого предложения:

Я нажал на кнопку, и свет загорелся.

Было очень тепло, и я не надел зимнее пальто.

В приведённых предложениях союз «и» выражает объективную связь между первым событием и вторым, между причиной и следствием, без выражения характера самого причинно-следственного отношения. Формальным отличием предложений со значением сопоставления является различие синтаксических структур, а именно отсутствие синтаксического параллелизма; передаваемое сообщение содержит два разных утверждения, соответствующие двум различным пресуппозициям:

У нас есть деньги и мы можем купить это.

Пресуппозиция конъюнкции в этом случае, замечает Ю.А. Левицкий, эквивалента конъюнкции пресуппозиций [Левицкий Ю.А., 1980: 16].

С логической точки зрения, импликацию можно считать частным случаем конъюнкции. В данном отношении, на наш взгляд, особый интерес представляет собой фиксация многозначности «и» в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т. [БАС]. Кроме отношения «чистой конъюнкции» (куда могут быть включены отношения, называемые в словаре

«объединительными», «перечислительными», «присоединительными» и «отношением однородности»), [БАС] выделяет также следующие значения союза «и»:

«одновременности. *День был тих, и солнце сияло. Гоголь*»;

«последовательности. *Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости. Лермонтов*»;

«причинно-следственное. *Душно стало в скале, и я вышел на воздух освежиться. Лермонтов*»;

«условно-следственное. *Публика должна сознать свои права на литературу, и тогда литература неуклонно пойдёт вперёд. Чернышевский*»;

«сопоставительно-противительное. *Он хотел встать с дивана, и не мог, хотел выговорить слово – и язык не повиновался ему. Гончаров*»;

«результатное. *Готовлюсь нежным быть, а свяжусь – и простыну. Грибоедов*».

А.М. Пешковский считал, что было бы ошибкой видеть в союзе «и» выразителя распространительных, причинно-следственных, условно-следственных, противительных и т.п. отношений; это значило бы, что «в значение союза просто сваливается всё, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений» [Пешковский А.М., 1959: 142]. Аналогичную точку зрения разделяет и В.А. Белошапкина [Белошапкина В.А., 1967: 133].

В.З. Санников делает предположение, что все перечисленные выше значения (кроме, может быть, «причинно-следственного») выражаются не союзом «и», а другими средствами – интонацией, порядком следования компонентов, их морфологическими характеристиками, поскольку они сохраняются и в случае опущения союза и замены союзной конструкции бессоюзной или последовательностью двух простых предложений [Санников В.З., 1989: 185].

В защиту того, что союз «и» способен выдержать причинно-следственные отношения, В.З. Санников приводит следующие доводы. Союз «но» и «и»

находятся, на первый взгляд, в дополнительном распределении: «но» указывает на ненормальное следствие, «и» – на следствие нормальное. Ср.:

Обещал прийти, но не пришёл.

Обещал прийти, и пришёл.

Симметрия в употреблении союзов «но» и «и» мнимая: союз «но» действительно указывает на ненормальный ход событий (ср.: **Обещал прийти, но пришёл*); перестановка же союза «и» возможна в обоих случаях (ср.: *Обещал прийти, и пришёл*; *Обещал прийти, и не пришёл*). Следовательно, в приведённых примерах союз «и» не выражает причинно-следственных отношений; соответствующие смыслы индуцированы не союзом «и», а соотношением смысла частей, соединяемых этим союзом. Однако обнаруживаются бесспорные случаи, когда союз «и» привносит в смысл предложения причинно-следственную зависимость. Ср.:

Коля ушёл домой, а Петя остался в школе.

Коля ушёл домой, Петя остался в школе.

Коля ушёл домой, и Петя остался в школе.

В первых двух примерах события описываются как независимые. В третьем примере действия зависимы: Петя наверняка знал об уходе Коли и пребывании Пети в школе связано с уходом Коли, является нормальной реакцией на этот уход. «И приписать это значение нормального следствия, – резюмирует В.З. Санников, – можно лишь союзу и - поскольку все остальные компоненты во всех трёх примерах совпадают». Это значение «и» называется данным исследователем факультативным. Там, где факультативный причинно-следственный компонент значения не имеет места, союз «и» обозначает «чистую конъюнкцию», не осложнённую добавочными элементами смысла. Именно поэтому союз «и» может употребляться в таких условиях, где никакие другие сочинительные союзы невозможны.

При отсутствии причинно-следственного значения компоненты равноценны и мыслятся как действующие на описываемую ситуацию в одном направлении. При этом происходит взаимодействие смыслов компонентов,

соединяемых союзом «и»: более сильный влияет на более слабый, передавая ему свою оценку. Ср.: *«Весною ищу поцелуя У женщины милой и глупой»* (Н. Гумилёв).

В описываемой ситуации положительный признак («быть милой») смягчает отрицательный признак («глупость»); видимо, для лирического героя глупость женщины – не очень существенный недостаток, в противном случае была бы употреблена конструкция: ... милой, но глупой.

Как средство выражения сочинительной связи союз «и» также специализирован на выражении следования. Он передаёт его «в очень общем, крайне отвлечённом виде и сам по себе ещё никак не информирует о внутреннем соотношении действий, например, об их взаимной временной ориентации» [Кручинина И.Н., 1988: 20]. Конкретизация значения следования союзом «и» возможна в двух направлениях: с точки зрения очерёдности действий и состояний и со стороны способов их реализации (дополнительными к союзу «и» средствами следование может быть охарактеризовано, например, как мгновенное, замедленное, затянувшееся и т.д.). Способность союза «и» усиливать отношение последовательности событий во времени отмечает А.А. Потебня в связи с анализом древнерусского оборота «въставъ и рече» [Потебня А.А., 1958: 194-194]. Он же указывает на причастность союза «и» к выражению последовательности причины и следствия (в конструкциях с деепричастием несовершенного вида: *«гневаясь и (в силу этого) не впустишь»*), а так же его способность передавать «последовательность восприятия вещей, сопоставленных в пространстве»: «Обыкновенно же союз в *«кита и святови»* значит то же, что и в случаях отделения им причастия и деепричастия от глагола ... подлежащего от сказуемого ... именно: он служит указанием на субъективную последовательность восприятий явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим» [Потебня А.А., 1958: 218-219]. Следование может синтаксически проявляться как непрерывность и аналогичность. Эти признаки союза «и» указывает С.О. Карцевский: «... и

является сочинительным союзом непротивительным и неспецифицированным. Он указывает на отсутствие перерыва противопоставления, следовательно, обозначает непрерывность аналогии» [Карцевский С.О., 1961: 131]. В условиях диалогической речи непрерывность и аналогичность связи, обозначаемой союзом «и», обнаруживает себя в преемственности позиций участников диалога, на что также указывал С.О. Крацевский. Реплика, вводимая союзом «и», подхватывает и развивает содержание предшествующего высказывания: она в буквальном смысле слова вторит ему: – *Вам куда? – На Васильевский. – И мне на Васильевский*» (А. Белый. *Петербург*).

От аналогичности, указывает И.Н. Кручинина, закономерным предстаёт переход к значению сходства, к соединительному значению союза «и» [Кручинина И.Н., 1988: 21]. Для уяснения динамической природы последнего значения важно не упускать из вида роли этого союза в образовании гendiадиса – грамматической фигуры, суть которой сводится к разложению некоторой совокупной или множественной субстанции (например, родители) на отдельные составляющие (отец и мать).

Таким образом, грамматическим значением союза «и» представляет общее значение следования. Все другие его значения (последовательность, преемственность, сходство и т.д.) являются производными, обусловленными влиянием синтаксического контекста. Подобное утверждение исследователей о способности союза «и» выражать значения тождества, следования весьма интересно, однако оно не учитывает всего многообразия функционирования союза, вовлекает его в сферу логического неравноправия соединяемых им компонентов и создаёт необходимость исследования «и» в его системных связях и отношениях, которые отражают его потенциальные языковые и речевые возможности.

По мнению В.А. Белошапковой, соединительные союзы в составе открытых однотипных структур подчёркивают смысловую однотипность частей, выполняют по существу не функцию собственно союза, а

экспрессивную функцию частиц, создавая интонационную ритмичность текста [Белашапкина В.А., 1967: 133].

Союз «и» также способен выступать синтаксическим организатором экспрессивных смыслов синтаксической структуры. Оказавшись в условиях эмфазы, союз «и», в частности, развивает экспрессивные функции, в некотором отношении дополнительные к функциям повтора. Так, если повтор усиливает значение процесса и выявляет сопутствующие ему модальные коннотации (интенсивность, кумулятивность, целенаправленность и т.п.), то союз «и» концентрирует внимание на результате и подчёркивает самый факт его наступления. Интересным, как нам представляется, оказывается в этом отношении изучение синтаксических условий экспрессивного выделения союзом «и» некоего смысла, а именно результативности, процессуальности действия как такового. Немаловажную роль в приобретении экспрессивных наращений конструкциями с союзом «и» играет, как показала О.Б. Морозкина, единообразное количественное маркирование действий, обозначаемых глаголами-сказуемыми: последние могут быть представлены только формами, имеющими одинаковую количественную характеристику. Наиболее же очевидным средством соблюдения этого требования является однотипная маркированность видо-временных форм сказуемых [Морозкина О.Б., 1979: 55].

Результаты одного из последних исследований семантико-синтаксических особенностей служебного слова «и» отражены в статье Е.В. Урысона [Урысон Е.В., 2000: 97-121]. Основываясь на теориях В.З. Санникова, Ю.И. Левина, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Урысон определяет союз «и» как:

- маркер причинно-следственных отношений;
- маркер «нормального развития повествования, где союз «и» сигнализирует о том, что второе из сочинённых предложений – на ту же тему, что и первое предложение, т.е. повествование «развитие по прямой»; По мнению Е.В. Урысона, «функцию маркера нормального развития

повествования» выполняет союз «и» и тогда, когда первое из сочинительных предложений указывает на условие или обстоятельство того, о чём говорится во втором предложении. Ср.: *«У меня был с собой плащ, и я в него иногда заворачивался когда спал; Она не пошла в тот вечер в театр, и судьба отложила её встречу с отцом ещё на год; Она сидела молча, и ему вдруг стало её жалко»* [Урысон Е.В., 2000: 103];

- маркер закрытого множества (закрытого перечисления), где союз «и» указывает на объединение каких-то объектов в сознании говорящего, на формирование говорящим множества объектов, элементов;

- средство подчёркивания сходства ситуаций, где употребление союза «и» требует особой просодии: темы сочинённых предложений выделяются резким движением тона, между предложениями имеется отчётливая пауза. Такое употребление союза «и» Е.В. Урысон называет «и – сходства ситуаций». Например, *Коля рыжий и Петя рыжий*» [Урысон Е.В., 2000: 97-110].

Вслед за В.З. Санниковым [Санников В.З., 1989: 170], Е.В. Урысон выделяет в значении слова «и» как минимум три семантических компонента: нечто вроде «вызывать», нечто вроде «нормальный» и нечто вроде «ход событий».

В рамках теории Ю.Д. Апресяна [Апресян Ю.Д., 1995: 480] Е.В. Урысон называет союз «и» «национально – специфическим примитивом, т.к. он, союз «и», «не толкуем через реальные лексемы русского естественного языка» [Урысон Е.В., 2000: 101].

Среди средств выражения сочинительной связи у союза «и» имеется ряд дублёров. Одни из них имеют яркую стилистическую окрашенность (ДА, ДА И), другие являются полисемичными (как, например, бессоюзная реализация сочинительной связи в предложении). Кроме того, союз «и» способен брать на себя функции других сочинительных союзов. Например, *Но к северу и к югу (не всё ли равно?) – ... Летят эшелоны (Луговской)*.

Однородный ряд соединён соединительным союзом «и». Но в скобках содержится поправка: «не всё ли равно», которая означает необходимость

выбора между севером и югом и, следовательно, требует корректировки первоначального понимания (т.е. *к северу или югу ... летят эшелоны*). Таким образом, в приведённой фразе союз «и» выступает синонимом союза «или». Различие между союзами «и» и «или», полагает А.Б. Пеньковский, – «не в наличии-отсутствии семантики «соединения», а в том, что в первом эта семантика эксплицирована, тогда как во втором вынесена в пресуппозицию: невозможно «разделить» или разъединить то, что до этого не было соединено» [Пеньковский А.Б., 1997: 12, 14]. Равным образом, актуальным предстаёт рассмотрение семантических различий союза «и» с другими противительными союзами.

Кроме того, при вербализации смысла «сосуществование ситуаций» узус наряду с союзом «и» достаточно регулярно использует, по наблюдениям С.А. Шувалова, такие союзные средства как «а», «а также», «а (и) кроме того», «а (и) ещё» [Шувалов С.А., 1984: 33]. С помощью этих союзных средств также присоединяется последняя из изображаемых ситуаций. Например, *Путешественники остались без пресной воды, лишились карты, а (и), кроме того, возникла угроза эпидемии*. Для выявления закономерностей употребления указанных союзных средств при вербализации различных вариантов рассматриваемого смысла, как нам представляется, необходимо также провести специальное исследование. На близость по своему значению предложений с союзом «и» к сложносочинённым предложениям с сопоставительными союзами, в частности, указывает Г.Ф. Гаврилова [Гаврилова Г.Ф., 1987: 9]. Данные предложения могут совмещать противительно-уступительные и сопоставительные отношения, что является результатом контекстной синонимичности союза «и» союзам «но», «а». Изучение этих синонимических отношений также является актуальной проблемой синтаксической парадигматики сочинительных конструкций.

Определённое место в исследованиях занимает возможная линейная позиция союза «и». Ещё со времён А.М. Пешковского принято было считать, что сочинительный союз «и» всегда находится между сочинёнными

предикативными частями (это уже утверждает в своей книге «Сложное предложение» В.А. Белошапкова) [Белошапкова В.А., 1967]. Однако в трудах зарубежных учёных, в частности в работах В. Гирке утверждается, что союз «и» может быть в середине второй части ССП, но в этом случае, по словам В. Гирке, «с помощью «и» выражается тот факт, что некоторое утверждение справедливо для двух предметов» [Гирке В., 1985: 97]. К предметам автор относит и обстоятельственную характеристику. В качестве иллюстрации данного положения В. Гирке приводит пример: *Обращения к прошлому они (учёные древней Индии) рассматривали как неуважение к настоящему. Сходная картина наблюдается и в древней Греции.* Автор указывает на близость функции такого «и» к союзам «тоже», «также», которые отношение к предшествующему тексту характеризуют указанием на общее, сходное и различное. Для «и» в этом случае типичная анафорическая связь с предшествующим текстом и обязательно наличие сходство утверждаемых в сочинённых частях положений: такое «и» В. Гирке называет «аналогическим и». Специфическая функция его – сигнализировать об отношениях аналогии [Гирке В., 1985].

А. Богуславский [Богуславский А., 1969: 115-120] отмечает, что употребление «и» по сравнению с синонимичным «также» имеет свои ограничения, так как оно «делает» ударяемым и выделяемым в качестве ремы своего правого соседа, исключая из неё более отдалённых соседей. Между тем «также» это не свойственно: *Будет и на нашей улице праздник (Поговорка).* Ср.: *Будет также на нашей улице праздник*, где в качестве ремы выступает последнее слово. Нежелательно оно и перед сочетанием однородных членов с союзом «и»: *Он купит также книги и тетрадь*, ибо здесь «и» превращается в повторяющийся союз-частицу, выражающей перечисление.

Автор отмечает, что «и» также различается и стилистически. «Также» употребляется в книжной речи. «И» является нейтральным и в тоже время доминирующим в живой речи.

Актуальным представляется также выявление всего разнообразия конструкций, в которых семантика сходства компонентов допускает употребление между ними союза «и», однако «и», несмотря на всю отвлечённость своего значения, относится к их семантике избирательно, что также заслуживает внимания исследователя.

Итак, проблема описания сочинительного союза «и» не может быть раскрыта вне характеристики семантики соединяемых им компонентов. Это не знаменательное слово, а служебное и определить совокупность его семантических реализаций, которые могут быть включены в его словарные дефиниции, можно лишь описав всю совокупность возможных синтаксических употреблений, это элемент синтаксиса, и рассматривать синтаксическую структуру вне синтаксической конструкции невозможно. Семантическая структура любого служебного слова складывается из совокупности лексического наполнения частей и синтаксической конструкции, в которой оно употребляется. Здесь тесно переплетаются его лексико-морфологические и синтаксические отношения. Синтаксическое окружение – это не только актуализатор слова «и», а не посредственное проявление его семантики.

1.2. Принципы лексикографического описания служебного слова «и»

При лексикографическом описании служебного слова «и» необходимо учитывать его неполнозначность. Следует также определить, к какому разряду неполнозначных слов относится данное служебное слово.

Ю.И. Леденев отмечает, что «в ... словаре на первом плане должна быть релятивно-семантическая характеристика предлога, союза или частицы. Содержанием этой релятивной характеристики являются те категориально-семантические значения, которые выражаются предлогами, союзами или другими неполнозначными словами. (...) ограничения обусловлены принадлежностью данного неполнозначного слова к определённом лексико-грамматическому разряду (предлоги, союзы, частицы, связки, союзные слова,

вспомогательные глаголы). Поэтому первостепенное значение имеет определение принадлежности к той или иной неполнозначной части речи» [Леденев Ю.И., 1993: 6].

В качестве критерия определения семантической дефиниции служебного слова предлагается приём подбора синонимов с тождественными или сходными значениями и функциями. Кроме того, для разграничения синонимичных союзов, частиц признаётся необходимым использование компонентного анализа. При этом «критериями могут служить не только объём значения и характер сочетаемости с другими словами, но и особенность такого синтаксического окружения, в рамках которого реализуется функция данного неполнозначного слова» [Леденев Ю.И., 1993: 6].

На наш взгляд, данное утверждение верно и для разграничения омонимичных служебных слов, в частности для «и» – союза и «и» – частицы.

Существующие толковые словари не отражают полностью семантическую структуру служебного слова «и». Отметим, что семантические компоненты данного служебного слова актуализируются или погашаются в зависимости от типа конструкций в которой оно функционирует.

В одной из последних публикаций, посвящённых служебному слову «и», весьма интересен синопсис, приведённый автором Е.В. Урысоном [Урысон Е.В., 2000: 119]. «Синопсис – новый лексико-графический жанр, который постепенно пробивает себе дорогу и в большие и в малые словари. Это своего рода оглавление или путеводитель по словарной статье, облегчающий поиск новой информации» [Апресян Ю.Д., 1991: 11].

Блок 1

И 1.1. («и перечисления», союз): Идут Ваня и Петя;

И 1.2. («и исчерпанного множества», союз): Пришли и Ваня, и Петя, и Наташа;

И 1.3. («и включения во множество», частица): Пришёл и Петя;

И 1.4. («и усиления отрицания», частица): Я и не подозревал об этом.

Блок 2

И 2.1. («и нормального развития повествования», союз): Ваня сидел и ел творог, и творог был очень вкусным;

И 2.2. («и причинно-следственное», союз): Коля ушёл домой, и Петя остался в школе;

И 2.3. («и нормального развития событий», частица): Он начал ухаживать за Машей, на ней потом и женился.

Блок 3

И 3.1. («и сходства ситуаций», союз): Коля рыжий и Ваня рыжий;

И 3.2. («и ненавязчивого вопроса», союз): И зачем он это сделал;

И 3.3. («и восклицания», союз): И пел же он.

Блок 4

И 4.1. («и единства времени и места», частица): Тут отец и говорит ... ;

И 4.2. («и собственно дейксиса», частица): Я и не узнала вас.

Но синопсис как союза, так и частицы «и», отражая значимость, употребительность той или иной лексемы слова «и» в языке, всё же не вскрывает связи между лексемами, производность одного значения от другого – эти связи выявляет «логическая схема полисемии» [Урысон Е.В., 2000: 119].

I. (частица «и» собственно дейксиса) – (частица «и» единства времени и места).

II. (частица «и» единства времени и места) – (частица «и» нормального развития событий).

III. (частица «и» нормального развития событий) – (союз «и» причинно-следственное) – (союз «и» нормального развития повествования, союз «и» ненавязчивого вопроса, союз «и» восклицания).

IV. (союз «и» нормального развития повествования) – (союз «и» перечисления, союз «и» исчерпанного множества, частица «и» включения во множество).

V. (союз «и» перечисления) – (союз «и» сходства ситуаций).

Итак, исследователями отмечается значительное разнообразие синтаксических условий функционирования и богатство оттенков служебного

слова «и». Однако в научной литературе не уточняется перечень конструкций, в которых может функционировать неполнозначное слово «и», не определяются закономерности их организации; до конца не определён статус конструкций с «и» в системе синтаксиса русского языка, а также условия и особенности функционирования данных конструкций в речи как оценочных модальных средств, их синтагматические и парадигматические возможности. Необходимо также проанализировать взаимодействие служебного слова «и» с семантикой конструкций, его роль в организации функционального контекста, а также возможности взаимодействия с затекстовой информацией. Этим диктуется актуальность исследования, проводимого нами.

Немаловажным представляется лексикографический и грамматический аспект описания слова «и», ибо в силу недостаточной полноты изученности его, дефиниции этого слова в словарях представлены несколько поверхностно и недостаточно полно.

Большой семантический потенциал и широкие синтаксические возможности служебного слова «и» настоятельно требуют уточнения его лексическо-графического описания. Особенности семантики и функционирования данного неполнозначного слова определяют, как мы уже заметили, неоднозначность его толкования, что также необходимо учитывать в словарной дефиниции. Традиционно «и» относят к союзам, частицами или междометиям; подобное деление базируется на функционировании слова в определённых синтаксических конструкциях. Кроме того, говоря о слове «и», следует иметь в виду, что в отдельных случаях помимо «и»-союза и «и»-частицы, можно выделить слово, выполняющее синкретические функции. Поэтому при словарном описании данного слова целесообразно учитывать парадигматические отношения, в которые оно способно вступать в речи и на основе которых, собственно, определяется его грамматическая принадлежность.

Важно подчеркнуть, что семантические компоненты этого слова актуализируются или, наоборот, погашаются в зависимости от синтаксических

условий его функционирования; семантические оттенки «и» выявляются в высказывании в результате его взаимодействия с отдельным словом, группой слов или предложением в целом. В последнее время важность функциональной стороны при анализе языковых единиц подчёркиваются рядом исследователей. Так, например, Г.А. Золотова, анализируя «Толково-комбинаторный словарь русского языка» И. Мельчука, А. Жолтковского, пишет: «Аппарат так называемых лексических функций позволил выявить во множестве слов регулярные семантические элементы, организующие их значения и связи. Через тот или иной набор функций достигается единообразие, формализованное описание слова в его стандартных, типовых и идиоматичных компонентах ...» [цит. по Андромонова Н.А., 1976: 85].

Проанализируем словарные статьи, посвящённые данному служебному слову, в толковых словарях современного русского литературного языка. В 17-томном словаре слово «и», с точки зрения грамматической принадлежности, рассматривается как многозначное. Фактически, этому слову отводится в Словаре одна большая статья. Однако «и» как союз, частица и междометие в словаре рассматривается в качестве отдельных значений одной и той же лексемы; при этом в характеристике «и» – частицы не прослеживается связи её с семантикой «и» – союза. Интересно отметить принцип. Выделения семантических значений слова «и» в Словаре: при рассмотрении «и» как союза учитывается семантика соединяемых данным союзом синтаксических единиц (в зависимости от этого выделяются объединительное, соединительное, присоединительное и др. значения); при анализе же «и» как частицы используется принцип объяснения по средствам указания синонимов (выделяется соответствие частицы «и» таким словом, как «также», «даже», «уж», «хоть»). В данной словарной статье отсутствует упоминание о функционировании «и» в составе сложных союзов (данное упоминание мы находим в 4-х тт. Словаре [Словарь русского языка, 1935-1940: 860-862], хотя таким союзам как «и то», «да и», «ну и», «вот и» посвящены отдельные статьи).

Границы между служебными словами в русском языке не являются чёткими, что порой затрудняет определение их грамматической принадлежности. На наш взгляд, представляется целесообразным рассматривать «и»-союз и «и»-частицу как функциональные омонимы (обоснования этой позиции будут даны в главе IV на основании анализа). Союз «и», частица «и» и междометие «и» как омонимичные значения одного и того же слова рассматриваются, в частности, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (с. 192). В данном Словаре описание «и» обладает большой функциональной направленностью. Так, при анализе «и» как союза учитывается не только семантика соединяемых им синтаксических единиц (однородных членов предложения и частей сложносочинённого предложения), но и типы предложений по цели высказывания в которых оно способно употребляться. Например, 3-е значение «и»-союза представлено в Словаре следующим образом:

«3. Употр. В начале восклицательных, вопросительных и повествовательных предложений для усиления выразительности и подчёркивания связи с предшествующим высказыванием»; в качестве отдельного значения союза «и» С.И. Ожегов рассматривает его способность формировать фразеологизированные структуры. Так, союз «и» может также употребляться

«4. При наличии а другой части сложного предложения слов «да», «так»: И поехал бы, да времени нет». В этом случае союз «и» реализуется как уступительный (интересно отметить, что 17-ти томный Словарь это значение описывает как способность «и» вступать в синонимические отношения с союзом «хотя», «хоть»).

Таким образом, в толковых словарях русского языка в дефинициях служебного слова «и» в известной мере учитывается как семантика соединяемых им синтаксических единиц, его способность вступать в синонимические отношения с другими неполнозначными словами, так и функциональный контекст употребления данного слова.

Однако при описании дефиниций слова «и» не учитывается изоморфизм его функций в простом и сложном предложениях – сложносочинённом и сложноподчинённом (многокомпонентном); не определяются функции «и» в образовании единств однородного и неоднородного состава, в выражении отношений соединения и суммирования, не даны ограничения в сочетаемости «и» с другими союзами и частицами и т.д.

ГЛАВА 2. «И» В ФУНКЦИИ СОЮЗА В СИСТЕМЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

2.1. Функции союза «и» в выражении разновидностей отношений однородности – соединения и суммирования при соподчинении словоформ и придаточных. Изоморфизм функций слова «и» в простом и сложном предложениях

Человек способен видеть сходное в различном и различие в сходном и на основании этого сопоставлять и противопоставлять явления окружающего нас мира. Аналитический характер мышления человека позволяет обнаруживать сходство предметов или явлений объективной действительности при их сопоставлении. «Отражение этого сходства в языке в силу его регулярности приобретает характер особой языковой категории – категории сходства» [Чеснокова Л.Д., 1980: 96]. Осознание человеком различных предметов, признаков, явлений объективной действительности как подобных друг другу, как одинаковых в каком – то отношении приводит к их выражению в языке как равноценных, равносоотнесённых с чем-то общим.

Способом передачи сходства является сочинительная связь, а значит и союз “и”.

Сходство предполагает не только подобие, но и различие. Л.Д. Чеснокова считает, что «о сходстве можно говорить только тогда, когда у сопоставляемых явлений существует одновременно и подобие и различие. Полное подобие двух или нескольких явлений (предметов, признаков) при отсутствии различия между ними есть уже тождество, а не сходство» [Чеснокова Л.Д., 1980: 97]. Как видим, это высказывание чётко отграничивает понятие “сходства” от понятия “тождества”, чем отличается от точки зрения Н.Н. Холодова, который опирается при определении семантики сочинения на понятие «тождества» [Холодов Н.Н., 1991: 68].

Холодов выдвигает концепцию семантической слова «и». В основе его исследований лежит следующее утверждение: «... надо согласиться с тем, что

слово «и» не пустой звук, а семантически заряжено и что этот заряд есть значение сходства, аналогичности, тождественности и т.д.» [Холодов Н.Н., 1991: 68], т.е. понятия «сходство» и «тождество» им фактически не разграничиваются.

Утверждение Н.Н. Холодова весьма интересно, однако оно не учитывает всего многообразия функционирования союза, вторжение его в сферу логического неравноправия соединяемых им компонентов, что наталкивает на необходимость исследования «и» во всех его системных связях и отношениях, которые отражают его потенциальные речевые и языковые возможности.

На наш взгляд, было бы целесообразнее отграничивать понятие «сходства» от понятия «тождества», как это делает Л.Д. Чеснокова. Как уже отмечалось выше, в таком явлении, как сходство, может быть и подобие и различие, причём соотношение и того и другого может быть различным. Отсюда выделяются различные степени сходства. Сочинительные сочетания, служащие для выражения сходства, могут быть различными: *И всё холоднее и холоднее* (М. Булгаков. *Вьюга*); *Носил каракулеву шапку и пальто с каракулевым воротником* (А. Толстой. *Похождения Невзорова, и Ибикус*); *Гадать он мог лишь о том, где и как это произойдёт* (В. Максимов. *Заглянуть в бездну*). В данных ССП степень подобия и степень различия неодинаковы. В первом примере только полное подобие – тождество членов. Во втором – сходство сочинённых членов заключается в их функциях, а различие в том, что они обозначают разные предметы объективной действительности. В третьем предложении сходство членов, соединённых союзом «и», в их функции одинакового подчинения третьему компоненту. В данном примере сочинённые элементы выступают в функции союзных слов и служат для присоединения придаточного предложения к главному, а различны они по своим функциям в структуре придаточного, где выступают в качестве разных членов предложения.

Следует отметить, что, объединяя одни и те же слова в одной и той же форме, союз «и» создаёт конструкции тождества и сближения по функции с

усилительной частицей. Здесь нельзя говорить о двух действиях, двух признаках. В сочетаниях такого рода есть одно действие, но действие длительное, есть один признак, но очень интенсивно проявляющийся: *Прозрачные капли всё падали и падали на белую марлю (М. Булгаков. Крещение переворотом); А сверху сеет и сеет, и стынут кости (М. Булгаков. Полотенце с петухом); Тайные беседы велись многими и многими жителями города (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой); Тьфу ... что в голову лезет, когда тебя так называемый долг службы несёт и несёт (М. Булгаков. Пропавший глаз); И всё лето, и всё лето напирали и напирали новые; Металась и металась тревожная дремота (М. Булгаков. Белая гвардия).*

Однако, если же союз «и» объединяет одни и те же слова, но в разных формах (времени, склонения, залога, падежа, формах утверждения и отрицания), то это значит, что речь идёт о нескольких действиях, предметах, признаках, хотя и одинаковых, но в то же время и чем-то различающихся между собой. Здесь мы можем говорить об однородных членах предложения (в отличие от вышеприведённых примеров, где речь идёт об одном члене предложения). *Русь стояла и стоит на древних обычаях, и в одночасье их не изменить; Не было и не будет, должно, столетия, в которое бы мужчины ходили в костюмах, столь щедро расшитых диковинными узорами, цветами, колосьями, в белых и розовых чулках, в туфлях, украшенных драгоценными пряжками, в завитых надушенных париках (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой); На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).* Хотя следует отметить, что сочинённые ряды в этом случае обозначают одно длительное, не ограниченное во времени действие, явление, что возможно передать только с помощью «и».

«И» как показатель сочинения может соединять однофункциональные (однородные) члены и разнофункциональные члены. Чаще всего «и» соединяет однородные члены предложения и является одним из существенных

показателей однородности. «Однако понятие однородности шире, чем понятие сочинения, и их не следует отождествлять» [Чеснокова Л.Д., 1980: 94].

Весьма интригуют предложения, в которых «и» соединяет неоднородные, разнофункциональные компоненты. Здесь, посредством союза «и», подчёркивания или усиливается какая-то сторона в содержании предложения. Возможность таких построений обуславливается наличием определённого сходства, чего-то общего в этих разнофункциональных членах.

«Известно, насколько ошеломляющим оказывается сближение крайностей или попросту неожиданное соседствование не связанных между собой вещей: уже само, перечисление, сталкивание их вместе, обладает магической силой ... Если странность их встречи обнаруживается, то благодаря этому И, этому В, этому НА, прочность и очевидность которых гарантирует возможность их совмещения» [Фуко М., 1977: 32-33].

Вслед за Н.Н. Холодовым, воспользовавшись приёмом «экстрагирования (вычленения) значения из всего комплекса других значений», попытаемся найти сходство семантики компонентов, соединённых союзом «и» [Холодов Н.Н., 1991: 68].

Этот метод равно применим и к простым предложениям, и к сложным, так как функции союза «и» изоморфны на разных уровнях синтаксиса. А теория изоморфизма – «теория, постулирующая отсутствие качественного различия между разными уровнями (ярусами) языка и требующая поэтому применения к их исследованию и описанию одних и тех же методов и принципов» [Ахманова О.С., 1966: 473].

В основе изоморфизма функций союза «и» лежит его значение, вносимое им значение «сходства». Он может одинаково функционировать и в составе простого предложения и в составе сложного предложения.

В первую очередь рассмотрим простые предложения, в которых «и» соединяет однородные члены, и сложные предложения, где им соединены однородные придаточные.

При однородных членах «и» может обозначать сходство во многих аспектах. Например, в предложении: *Начальники станций прятались по ямам и погребам (А. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус)* «и» обозначает сходство членов в том плане,

- 1) что оба они отнесены к одному и тому же подчиняющему члену «*прятались*» и однооформлены,
- 2) что оба они занимают одну и ту же синтаксическую позицию (позицию обстоятельства),
- 3) что оба они утверждаются,
- 4) что оба они нейтральны по своему оценочному значению,
- 5) что оба они обозначают нечто такое, что может быть охвачено действием «*прятаться*».

А в предложениях *Вы увидите знаменитого писателя, – важно идёт в толпе и улыбается желчно и презрительно этому, сведённому до миниатюрнейших размеров, величию империи (А. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус); Господин говорил искренне и честно, улыбался добродушно и открыто (А. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус)* союз «и» обозначает сходство членов «*улыбается желчно и презрительно*» и «*говорил искренне и честно*» «*улыбался добродушно и открыто*» в их позициях обстоятельств, в их положительных оценочных значениях, в выражении ими качества действия, в равной отнесённости к подчиняющему члену.

Такому же анализу могут быть подвержены и сложноподчинённые предложения с однородным соподчинением придаточных. Всё это благодаря изоморфности функций союза «и» в простом и сложном предложениях: *Втайне я мечтала о том, чтобы поскорее все ушли и я могла бы лечь по-настоящему в постель, под одеяло (Е. Мецкерская. Жизнь некрасивой женщины).* Здесь сходство придаточных заключается

- 1) в равной отнесённости их к одному главному предложению,
- 2) в одной и той же синтаксической позиции, которую они занимают,

- 3) в нейтральности оценочного значения,
- 4) в их утвердительной форме,
- 5) в обозначении ими того, что может быть охвачено действием «мечтать».

Теперь перейдём к предложениям, где союзом «и» соединены разнофункциональные компоненты.

В предложениях со значением несоответствия «и» остаётся верным своему значению (одинаковости, соответствия, сходства) «... но вклад его в общую семантику предложения здесь, конечно, своеобразен. Он не унижает в подобных случаях противоположности и противоречивости содержания компонентов (слишком абстрактна его семантика!), но, подавая неодинаковое, противоречивое содержание компонентов как некое одинаковое, находясь в необычайной для него ситуации и экспрессивно окрашиваясь, он окрашивает в «тот же цвет» содержание второго компонента, противопоставляя его и в этом отношении первому и акцентируя значение несоответствия» [Холодов Н.Н., 1975: 83].

Для анализа представляют интерес предложения, в которых семантическое сходство частей обнаруживается с разной степенью отчётливости.

Таковы, например, простые предложения *И тут выбежал светловолосый юный человек с затравленными глазами и в брюках со свежезаутюженной складкой* (М. Булгаков. *Вьюга*); *И вот уже толпы людей высыпали на улицы поглазеть как едут верховники и сановники, писцы и лакеи, канцелярия и монетный двор, кареты и колымаги, дормезы и шлафвагоны, телеги и экипажи ...* (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметьевой*).

В первом предложении компоненты «*юный человек с затравленными глазами и в брюках со свежезаутюженной складкой*» объединены союзом «и» на основании их синтаксического сходства — оба они несогласованные определения, оба отнесены к одному денотату. Что касается сходства семантики, то в совокупности оба компонента обозначают деталь внешности.

То же можно сказать и о предложении *От них он отошёл лишь в ту минуту, когда на кафедру взобрался аукционист в клетчатых брюках «столетье» и бороде, ниспадавшие на толстовку русского коверкота (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).*

Во втором предложении сходство компонентов «*верховники и сановники, писцы и лакеи, канцелярия и монетный двор, кареты и колымаги, дормезы и шлафвагоны, телеги и экипажи*» заключается в выражении общего признака перемещения в пространстве, а также в одной синтаксической позиции.

В предложении *И нигде и ничего подозрительного я не нашёл (М. Булгаков. Звёздная сыпь)* союз «и» соединил компоненты, сходные в силу отрицания, выраженного в обоих словах элементом *ни-*.

Сходство компонентов выражено значением вопросительности в предложениях: *Младший же персонал как работал и где работал, так и остался, «бо де узаты других»?; Где и когда выгрузимся? (В. Астафьев. Весёлый солдат).*

В предложении *Так писали все и всегда (В. Максимов. Заглянуть в бездну)* сходство компонентов выражено элементом *все*. А, например, следующее предложение объединило в себе и компоненты с общим значением вопросительности, и компоненты с общим элементом *все*: *Ещё молодой, выгулявшийся мужик, неизвестно когда и куда раненый, со сросшимися по-кавказски на переносье бровями, вроде бы никогда никуда не спешащий и всё же везде поспевающий, всё и про всех знающий, не помощник – просто клад тихоходному и тугодумному Владыко был этот нештатный руководитель (В. Астафьев. Весёлый солдат).*

Ещё более ярко выступает различие в предложении *Всё открылось много позднее и сразу (Е. Мещерская. Жизнь некрасивой женщины)* однако и здесь есть сходство компонентов, оно создаётся особой коммуникативной направленностью предложения, коммуникативной установкой и общей временной характеристикой.

Сходство частей сложносочинённого предложения типа: *Искры появились у неё в глазах, и розовая краска тронула скулы* (М. Булгаков. *Звёздная сыпь*) несколько скрыто. События, обозначенные частями, как будто разные. С одной стороны, «*искры в глазах*», с другой – «*розовый цвет лица*». Однако, как свидетельствует пример, и то, и другое событие – это внешнее проявление радости, хорошего настроения. В этом и есть сходство. И наоборот, в предложениях: *Шея его и щёки побурели, и глаза загорелись* (М. Булгаков. *Белая гвардия*); *Вдруг Ипполит Матвеевич почувствовал жар в ладонях и прохладу в животе* (И. Ильф, Е. Петров. *Двенадцать стульев*) сходство частей заложено в выражении эмоции негодования, страха.

В предложении *А по улицам уже гремели грузовики, скрипя цепями, и ехали на площадках в украинских кожухах, из-под которых торчали разноцветные плахты, ехали с соломенными венниками на головах девушки и хлопцы в синих шароварах под кожухами, пели стройно и слабо* (М. Булгаков. *Белая гвардия*) сходство компонентов «*гремели грузовики*» и «*ехали девушки и хлопцы*» скрыто от непосредственного наблюдателя ещё в большей степени. Однако и здесь сходство налицо. В предложении обращается внимание на сходство предметов по признаку перемещения их в пространстве. Различие же по конкретному характеру способов перемещения как бы отодвигается на второй план.

Трудно найти сходство в частях сложного предложения типа: *Письмо на бланке лежало на ночном столике в круге света от лампы, и рядом стояла спутница раздражительной бессонницы, с щетиной окурков пепельница* (М. Булгаков. *Морфий*). Однако и здесь есть сходство. Оно как бы вынесено за скобки в виде общего множителя: *На ночном столике (лежало письмо и стояла пепельница)*. Семантика «*На ночном столике*» отнесена и к первой, и ко второй части.

Так и в простом предложении общая семантика выносится за скобки: *На тройках была вся его сила – и пехота, и кавалерия, и пулемёты, и пушки, и обоз* (А. Толстой. *Похождения Невзорова, или Ибикус*). Семантика

словосочетания «*вся его сила*» включает в себя семантику всех сочинённых компонентов.

Что сходного в лексической семантике слов «*город*» и «*поле*» и в противоположной семантике антонимичных слов «*кончаться*» и «*начинаться*» в предложении *За заводами кончался город и начиналось поле* (А. Чехов. *Степь*)? Ответ прост. Здесь, как и в предыдущих предложениях, общая семантика выносится за скобки. Ведь семантика «*за заводами*» отнесена и к первой и ко второй части.

Иногда эта общая семантика не «выносится за скобки» и в каждой части используется одно и то же слово (или сочетание) *И так же, как сейчас, за окнами висела пелена дождя, и так же тоскливо никли жёлтые последние листья на берёзах* (М. Булгаков. *Пропаший глаз*).

В сложноподчинённых предложениях чаще всего объединяются однофункциональные, но с разными союзными словами придаточные. Сходство значений придаточных заключается в их вопросительности: *Сидел и думал о том, зачем и откуда он появился на этой земле, где и как его жизнь кончится, и что останется после него на ней* (В. Максимов. *Заглянуть в бездну*); *С тихим плачем входила Лиза в его комнату и с распущенными волосами в мягких туфлях металась от постели к столу, не зная что ей предпринять, и что делать, и как облегчить участь больного* (М. Зощенко. *О чём пел соловей*).

Иногда семантика сходства, обозначается союзом «и», выражается целым придаточным предложением: *Когда совершился переворот, я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной Думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом* (В. Максимов. *Заглянуть в бездну*).

Итак, позиция однородности наделена способностью выражать имплицитно дополнительную информацию, поскольку по своей природе она предполагает соединение, «столкновение» в одной конструкции нескольких

единиц, характеризующихся разными особенностями семантики и грамматики.

В однородных конструкциях появление скрытого смысла чаще всего связано с видоизменением семантической структуры слова, то есть с появлением у слова приращённых значений. Под приращёнными значениями, вслед за А.А. Камыниной, понимаем «такой элемент смысла, который не выражается никакими специальными средствами и тем не менее релевантен для языковой единицы» [Камынина А.А., 1986: 19].

Столкновение в тексте явлений, достаточно далёких друг от друга, делает такую «семантическую одинаковость» фактом чисто текстовым, что объясняет регулярность появления у слова в сочинительной конструкции семантических приращений, выявляемых с помощью «обертонов смысла», т.е. тех элементов, которые, образуются «из взаимодействия совокупности слов» и находятся в минимальном и более широком контексте [Ларин Б.А., 1974].

Однородные компоненты могут при одних и тех же средствах выражения их связи по-разному относиться друг к другу с точки зрения их семантики. «В одних случаях они могут быть связаны отношениями соединения, а в других - суммирования» [Гаврилова Г.Ф., 1979: 145]. Причём «... показатели соединения ... могут быть омонимичны с показателями ... семантического процесса, эквивалентного арифметическому суммированию» [Вейнрейх У., 1970: 197]. Соединение «представляет собой результат такого грамматического связывания двух знаков, которое влечёт за собой логическое перемножение их диссигнантов» [Вейнрейх У., 1970: 189], чего не наблюдается при суммировании.

Неоднозначность грамматических средств соединения однородных элементов может возникнуть за счёт неясности того, что именно имеется в виду – соединение или суммирование, как при одинаковых словоформам, так и при однородных придаточных.

Рассмотрим пример, где союз “и” является показателем и соединения и суммирования. *Во всех комнатах вазы благоухали букетами белой и лиловой*

сирени, окна в парк были настезь открыты, и толстые, коричневые, важные майские жуки залетали в окна, наполняя комнаты жуужжанием (Е. Мещерская. Жизнь некрасивой женщины). Сочетание “*букетами белой и лиловой сирени*” можно понимать двояко. С одной стороны, здесь “и” – показатель соединения компонентов (одни и те же букеты белой и лиловой сирени), с другой стороны, “и” – показатель суммирования (одни букеты белой сирени, а другие лиловой). И аналогично: *Нарыли очень много глубоких и больших ям (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев)* «много глубоких и больших ям» – (одни ямы большие, другие глубокие) и (одни и те же ямы большие и глубокие).

То же мы наблюдаем и в сложноподчинённом предложении с однородным соподчинением придаточных: *С улицы заметить никак нельзя, потому что брандмауэр 13-го номера проходил к улице косо, не под прямым углом, и потому что высоко висит вывеска швейной мастерской (М. Булгаков. Белая гвардия).* В данном предложении “и” может выступать и как показатель соединения (действие главной части возникает только при наличии явлений, о которых говорится в обоих придаточных, в совокупности обозначающих одну причину, по которой “с улицы заметить никак нельзя”), и как показатель суммирования. Ср.: *С улицы заметить никак нельзя, потому что брандмауэр 13-го номера подходил к улице косо, не под прямым углом, а также заметить нельзя потому что высоко висит вывеска швейной мастерской.*

В лингвистической литературе распространено положение о том, что между соподчинёнными придаточными существуют отношения, которые наблюдаются между компонентами сложносочинённого предложения. И одним из определяющих признаков данных конструкций является наличие сочинительной связи между придаточными [Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В., 1964: 430; Валимова Г.В., 1964: 20].

Однако однородные придаточные связаны друг с другом такими отношениями не всегда и следует отметить, что “внутри конструкций,

относимых к предложениям с однородным соподчинением придаточных, отчётливо выделяются две разновидности” [Гаврилова Г.Ф., 1979: 146].

К первой разновидности относятся предложения, где “и” – показатель соединения. Придаточные в таких предложениях характеризуются обязательной совместностью в отношении всей главной части. Они подчинены главной части своей совокупности. *И когда подошёл корабль к острову и лодка выбросила людей-спасателей, он – отшельник – встретил их револьверной стрельбой, приняв за мираж, обман пустого водяного поля (М. Булгаков. Пропавший глаз). И вот, когда у него уже, кроме долгов, ничего не было и граф подумывал о самоубийстве, один жучок дал ему за пятьдесят рублей замечательный совет (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). Он загорелся какой-то новой идеей, которая полностью им овладела и которую он держал в секрете (Е. Мецгерская. Жизнь некрасивой женщины).*

“Говорить о соподчинении придаточных в данных конструкциях можно лишь условно, ибо они функционируют не порознь, а совместно в своей совокупности..., образуя сложносочинённое придаточное” [Гаврилова Г.Ф., 1979: 146].

Такие конструкции характеризуются факультативностью второго подчинительного и сочинительного союза:

Что имеются в городке “большие уши, маленькие глаза”, нацеленные на государеву крамолу, и недалёк уж час, когда до Петербурга донесутся обрывки тех слов и будет из них сделано небывалое по жестокости дело (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой); Линии ума и искусства давали возможность надеяться, что вдова бросит торговлю бакалеей и подарит человечеству непревзойдённые шедевры в какой угодно области искусства, науки или обществоведения (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Иногда встречающийся второй подчинительный союз не служит формированию структуры предложения, а употребляется в определённых коммуникативных целях, и его, как правило, можно опустить: *А иностранец окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, причём заметно*

стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Ср.: А иностранец окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, причём заметно стало, что видит это место он впервые и оно его заинтересовало. Структурная избыточность наблюдается обычно тогда, когда в этих предложениях налицо и второй подчинительный и сочинительный союзы. Здесь функции сочинительного и подчинительного союзов совпадают: уже один из этих элементов обеспечивает маркированность придаточного как соподчинённого. В силу этого предложения со сложносочинёнными придаточными, например, могут иметь четыре варианта: 1. Можно в самом деле подумать, что на Руси не перевелись громадные, широко шагающие люди вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника и что ещё не вымерли богатырские кони (А. Чехов. Степь).

Ср.: 2. Можно в самом деле подумать, что на Руси не перевелись ... люди вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника, что ещё не вымерли богатырские кони;

3. Можно в самом деле подумать, что на Руси не перевелись ... люди вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника и ещё не вымерли богатырские кони;

4. Можно в самом деле подумать, что на Руси не перевелись ... люди вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника, ещё не вымерли богатырские кони.

Обязательное употребление второго подчинительного союзного средства встречаются только тогда, когда союзные слова в составе предикативных частей выполняют разную функционально-синтаксическую роль. *Никому не известно, куда делась сама мадам Анжу и почему помещение её магазина было использовано для целей вовсе не торговых (М. Булгаков. Белая гвардия).*

Предложения, относящиеся к первой разновидности, состоят минимум из двух элементов. Здесь однородные придаточные могут рассматриваться как один элемент:

То же мы наблюдаем и в простом предложении, где однородные компоненты соединены отношениями суммирования:

В сложноподчинённых предложениях с однородными придаточными, где союз “и” – показатель суммирования, возможны те же логико-синтаксические отношения, что и в сложносочинённых предложениях: соединительные с оттенком одновременности, последовательности; противительно-сопоставительные, разделительные и т.д. Такие придаточные фактически образуют сложносочинённые предложения открытой или закрытой структуры и представляют собой грамматически оформленное целое, состоящее из элементов, связанных между собой на основе грамматической равнозначности. *В краткой вступительной речи Балаганов выразил надежду, что братья найдут общий язык и выработают они наконец конвенцию, необходимость которой диктует сама жизнь* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок).

Предложения второй разновидности отличаются тем, что каждое придаточное в отдельности относится к главной части и может функционировать независимо от другого однородного придаточного. Такие придаточные, одинаково относясь к главной части, не образуют в своей совокупности единого смыслового целого. *Сказанное при пробуждении “гут морген” обычно значило, что печень пошаливает, что пятьдесят два года –*

не шутка и что погода нынче сырая (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

В таких предложениях попытки опустить второй подчинительный союз ведут к разрушению структуры предложения. Ср. невозможное: *Сказанное значило, что пятьдесят два года – не шутка и погода нынче сырая; Его ловили тогда, когда он применял излюбленные им технические средства, и тогда, когда он обходился без них (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок) и Его ловили и тогда, когда он применял излюбленные им технические средства, и он обходился без них.* И в другом предложении ср.: *Благословляю небо, что остался в живых и что в море понатыканы такие рогульки для указания мели и так далее (М. Зощенко. Рогулька) и Благословляю небо, что остался в живых и в море понатыканы такие рогульки для указания мели и так далее* невозможно опустить союз.

Так как каждый соподчинённый компонент вступает в отношения с главным порознь, предложения с отношениями суммирования состоят минимум из трёх частей.

(И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев)

Фактически нет связи между событиями, представленными в предложениях второй разновидности. Но, как показали примеры, в языке они объединяются сходным отношением к третьему компоненту. На наш взгляд, в таких конструкциях опущены главные предложения. Ср.: *Вот смешна, скажем, попова грусть, смешно, что попова жена обещала технику денег, да не достать ей, смешно и то, что сказал дорожный техник про матушку: старая старуха* (М. Зощенко. Рыбья самка) и *Вот смешна, скажем, попова грусть, смешно, что попова жена обещала технику денег, да не достать ей, и что сказал дорожный техник про матушку: старая старуха.*

Различия между предложениями этих двух разновидностей особенно ярко проявляются в предложениях с тремя соподчинёнными придаточными, где два придаточных соединены между собой сочинительными отношениями и образуют единство, близкое к сложносочинённой придаточной части, а третье придаточное функционирует как однородное ко всему подчинённому сочинительному единству. *Я в состоянии в продолжении всего обеда мечтать о том, как Гнеккер окажется авантюристом, как Лиза и жена поймут свою ошибку и как я буду дразнить их, – и подобные нелепые мечты в то время, когда одною ногой я стою уже в могиле!* (А. Чехов. Скучная

история). Здесь два соподчинённых придаточных сочинены между собой и характеризуются смысловыми отношениями последовательности, они в совокупности относятся к главной части. Сравните в простом предложении: *Среди этого океана стульев, сделанных из ... красного дерева и карельской берёзы, среди стульев еловых и сосновых герои романа должны найти ореховый гамбсовский стул с гнутыми ножками ...* (И. Ильф, Е. Петров. *Двенадцать стульев*). Здесь словоформы, образующие группы «*стулья из красного дерева и карельской берёзы*» и «*стулья еловые и сосновые*» однородны по отношению друг к другу и связаны отношениями соединения и суммирования (*стульев еловых и стульев сосновых*). Сами же эти группы словоформ *стульев еловых и стульев сосновых* связаны между собой отношениями суммирования.

Анализ как простых предложений с однородными словоформами, так и сложных предложений с однородными придаточными ещё раз доказал изоморфность функций союза “и” на разных уровнях синтаксиса.

В работе с такими конструкциями “прежде всего необходимо обращать внимание на характер отношений между однородными компонентами: влечёт ли грамматическая связь между ними “логическое перемножение десигнантов” или же она является показателем семантического процесса, аналогичного простому арифметическому суммированию, ибо конструкции первой и второй разновидности имеют каждая свои грамматические средства выражения отношений между компонентами, во многом различающихся и лишь частично совпадающих” [Гаврилова Г.Ф., 1979: 149-150].

В предложениях, где между компонентами наблюдаются отношения соединения и суммирования, весьма интересны в простом предложении – позиции предлогов, а в сложном – подчинительных союзов, а также позиция союза «и». Он по-разному оформляет отношения соединения и отношения суммирования.

Лексическое значение союза, как и значение предлога, характеризуется определённой заданностью, которая конкретизирует функционально-

синтаксическое значение зависимого элемента и в силу этого выражает семантику отношений, в которые вступает словоформа или придаточное. «Обслуживающие эту связь служебные слова присоединяют к своему лексическому значению также и синтаксическое ... » [Мещанинов И.И., 1945: 10].

И союз и предлог обычное не обладают свободой размещения: они стоят в начале зависимого элемента, образуя с ним единый синтаксический комплекс. Наличие предлога или союза – признак оформления словоформы или придаточного как свободного синтаксического элемента. Присутствие служебных элементов перед каждым из сочинительных элементов свидетельствует о раздельности их отношений к опорному слову. *Что вы знаете о жизни и о жертвах; Граф был красив, молод, богат, счастлив в любви, счастлив в картах и в наследовании имущества; Треухов хотел сказать многое. И про субботники, и про тяжёлую работу, обо всём, что сделано и что можно ещё сделать (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).* Повторение предлога перед однородными словоформами и позиция «и» перед предлогом – доказательство наличия отношений суммирования между сочинёнными компонентами. Ср.: *Сказать про субботники и тяжёлую работу.*

Наличие же предлога или союза только в начале сочинительного единства указывает на функционирование сочинительного единства как зависимого синтаксического целого и не свидетельствует об отношениях соединения или суммирования между компонентами. *Стол был сервирован с полным блеском – чего там только не было! – ... вазочки с земляничным и малиновым вареньем, ... (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой).* Ср.: *вазочки с земляничным и малиновым вареньем (одни и те же вазочки с земляничным и малиновым вареньем) и вазочки с земляничным и с малиновым вареньем (одни вазочки с земляничным вареньем, а другие с малиновым).*

Аналогична позиция союза и в сложных предложениях. При отношениях суммирования союз «и» обязательно предшествует подчинительному союзу.

Ненавидели по ночам, засыпая в смутной тревоге, днём в ресторанах, читая газеты, в которых описывалось, как большевики стреляют из маузеров в затылки офицерам и банкирам и как в Москве торгуют лавочники лошадиным мясом, заражённым сапом (М. Булгаков. Белая гвардия).

При наличии сложноподчинённого придаточного, а значит отношений соединения, союз «и» не обязательно стоит перед подчинительным союзом: *И мне страстно захотелось, чтобы надежды меня не обманули и дальше не появились бы нигде грозная твёрдая первичная язва (М. Булгаков. Звёздная сыпь).*

Сопоставление описанных выше явлений в сложном и простом предложениях показывает, что и в тех и других конструкциях эти явления имеют общую не только семантическую, но и синтаксическую природу, о чём свидетельствует целый ряд грамматических показателей. Как при анализе сложных предложений с однородными придаточными, так и при анализе простых предложений с однородными словоформами приходится прежде всего обращать внимание на характер отношений между однородными компонентами: влечёт ли грамматическая связь между ними «логическое перемножение десигнантов» или же она является показателем семантического процесса, аналогичного простому арифметическому суммированию, ибо конструкции первой и второй разновидности имеют каждая свои грамматические средства выражения отношений между компонентами, во многом различающиеся и лишь частично совпадающие.

Следует отметить, что предложения с отношениями суммирования «представляют собой переходное явление между сложносочинёнными предложениями, где в качестве сочинённых выступают сложноподчинённые конструкции с повторяющейся главной частью и однотипными придаточными» [Гаврилова Г.Ф., 1979: 157]. Как справедливо отмечает В.В. Щеулин, «... между типичными (ядерными) сложноподчинёнными предложениями, с одной стороны, и интеральными и сочинённо-подчинёнными предложениями, с другой, нет свободного пространства, а есть

зона постепенных переходов, есть система структурных посторений, в разной мере обладающих дифференциальными признаками сложноподчинённых предложений» [Щеулин В.В., 1978: 45].

Предложения с отношениями суммирования и представляют это переходное звено, так как они содержат и признаки усложнённого сложного предложения, и признаки конструкций с однородным соподчинением придаточных.

Как показал анализ, не все сложносочинённые конструкции могут функционировать в качестве придаточной части сложноподчинённых предложений с отношениями соединения. Таким образом, должно быть несколько уточнено утверждение о том, что «в предложениях усложнённого типа представлены те же структурные схемы, какие существуют в минимальных конструкциях сложных предложений, но в комбинациях друг с другом» [Грамматика, 1970: 654].

В качестве придаточной части не могут выступать сложносочинённые предложения с разной модальностью частей: *Она плачет, и ты не тревожь её* (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметьевой*), повествовательно-вопросительные сложные предложения: *Это такая редкая болезнь и где ты её подхватил?* (М. Булгаков. *Морфий*), сложносочинённые предложения, содержащие экспрессивно-эмоциональные частицы: *Он красив, и как образован* (М. Булгаков. *Белая гвардия*).

Предикативные единицы в составе таких сложносочинённых единств не могут функционировать в качестве однородных так, как «однородные придаточные не могут быть разнофункциональными» [Валимова Г.В., 1967: 321].

Возможность функционирования соподчинённых компонентов в качестве однородных определяется их однофункциональностью, одинаковой функционально-экспрессивной окраской и другими признаками однородности строения семантики. Компоненты, не удовлетворяющие данным требованиям,

не могут функционировать в качестве подчинённой части сложноподчинённого предложения с однородным соподчинением.

Несмотря на большие различия, обе разновидности рассматриваемых конструкций (с отношениями соединения и суммирования) могут быть включены в разряд однородных, но не на основании одинаковой отнесённости придаточных к одному слову, а на основании функциональных признаков. Для однородности словоформ и подчинённых предикативных единиц в составе усложнённого предложения наиболее существенно то, что они связаны между собой сочинительным союзом «и» и позиция каждого последующего из однородных членов определяется позицией первого из них. Кроме того, основным условием однородности и при отношениях соединения, и при отношениях суммирования является сложение их семантики с одной и той же семой опорного слова, образование одинаковых интеративных сем.

Придаточные разной семантики могут быть однородными лишь только в том случае, если в результате семантического приращения различия в семантике придаточных нивелируются. Таковы придаточные времени и условия с формами несовершенного вида в них и главной части, придаточные со значением времени и места, когда придаточное места меняет своё значение на временное. *Она старалась не перебивать, где чувствовала накал страстей и когда ей сложно было восстановить нить событий (Е. Мещерская. Жизнь некрасивой женщины).*

Придаточные причины и цели могут быть однородными, так как значение придаточного цели по существу передаёт и причину, но не реальную, а желаемую – причина представлена как желание видеть какой-то факт, действие реализованным. *Он заглянул к нам потому, что дети сильно шумели и с тем, чтобы предупредить о завтрашней поездке (В. Хайрюзов. Сербская девушка).*

В качестве однородных не могут выступать придаточные со значением места и времени, изъяснительные с невопросительным значением, придаточные условия и цели, каждое из которых способно образовывать

сочинительное единство с придаточным причины, ибо для первого в качестве интеративной семы (повторяющейся в глаголе и придаточном) выступает значение гипотетичности, альтернативности, для второго, цели – значение целенаправленности.

«И» является универсальным показателем однородности независимо от характера соединяемых им компонентов, что свидетельствует о наличии в нашем сознании представления о разновидностях сходства предметов или явлений объективного мира, которые проецируются в языке в качестве разновидностей сочинительных отношений независимо от характера соединяемых ими компонентов (словоформ или придаточных).

Таким образом, стремление к экономии языковых средств заложено уже на уровне когнитивной модели сочинительных отношений, и в принципе одни и те же средства и техника использования обсуживают как уровень простого, так и сложного предложений.

Ещё академик В.В. Виноградов выделил из числа сочинительных сочетаний слов такие, которые «довольно широко употребляются в номинативной функции и тем самым раздвигают пределы словосочетаний в сторону так называемых словесных рядов. Сюда относятся сочинительные словосочетания типа: «Отец и мать (родители), день и ночь (сутки) и т.п.» [Виноградов В.В., 1954: 45]. Некоторые лингвисты относят такие сочетания к синтаксически неразложимым на том основании, что они могут выступать как один член предложения [Слободинская Т.Ф., 1968: 20; Райне З.М., 1958: 184-194].

Всё это свидетельствует о том, что подобные сочетания действительно обозначают органически тесно связанные между собой явления, одинаково относящиеся к тому общему, разновидностям которого они выступают. *Оттого, что батюшка и матушка (родители) учили её к скуке себя приучать (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой); Власть рабочих и крестьян (народа) (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); ...не спускал умилённых*

глаз с жениха и невесты (молодых) (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой).

В отличие от других сочинительных сочетаний, эти сочетания обладают способностью подчинять другие словоформы: «мать и отец друга», однако невозможно построить сочетание «отец и собака друга», хотя в отдельности каждая из сочинённых форм способна сочетаться с подчинённой формой «друга» («отец друга», «собака друга»). Невозможность подчинения общей словоформы связана с тем, что понятия «отец» и «собака» не относятся к общему родовому понятию.

Таким образом, в роли подчинённых могут выступать любые сочинительные сочетания, а в роли подчиняющего элемента могут выступать только те, которые академик В.В. Виноградов отнёс к сочинительным словосочетаниям.

Е. Беличова-Кржижкова обращает внимание на изоморфизм данных построений и сложных конструкций, где сочинительные части несут в своей совокупности комплексное, целостное представление об определённой ситуации, состоянии или событии [Belicova-Krizkova, 1978:2]. *Когда я заглянула к ним в комнату, мама что-то читала и отец смотрел телевизор (А. Маринина. Светлый лик смерти).*

Предикативные единицы в составе усложнённого сложного предложения могут подчинять одно и то же придаточное, лишь находясь в составе сочинённого единства, выражающего одно целостное представление о каком-то событии или явлении, то есть во многом аналогичного сочинительным сочетаниям = одному понятию.

Здесь при помощи разных сочинительных союзов между одними и теми же предикативными частями устанавливаются одинаковые отношения: *Когда мы приехали в имение, хозяева накрывали столы и (а) музыканты играли грустную мелодию (П. Краснов. Цесаревна)*, т.е. «и» может быть синонимичен другому союзу. Такое недопустимо в сложносочинённом предложении,

содержание частей которого лежит в разных логических плоскостях. Ср.: *мать, да и отец товарища; не мать, а отец товарища* и т.п.

В предложениях со сложносочинённой главной частью смысловые отношения определяются семантическим наполнением, а союз «и» имеет широкое отвлечённое синтаксическое значение, и часто этот союз можно легко заменить другим.

Таким образом, в данном случае налицо экономия языковых средств, основанная на том, что одна когнитивная модель, проецируется на языковые структуры, требует одинаковых (или почти одинаковых) языковых средств своего воплощения, независимо от того, оперирует говорящий простым или сложным предложением, ибо отношения в них оказываются (по терминологии Г.А. Золотовой) «изосемичными».

Для того, чтобы оперировать при построении предложения фактами или явлениями, способными осознаваться в связи с другими фактами или явлениями как единое сложное целое, необходимо, чтобы концепты данных фактов и явлений существовали в сознании говорящего в определённых связях с другими концептами – прежде всего с позиции одинакового их отношения к этому сложному целому.

То есть исследование функций «и» в простом и сложном предложении в какой-то мере делает более ясным и когнитивное построение моделей с данным союзом.

Когда подвергается сомнению предикативность объединяемых союзом «и» компонентов, возникает вопрос о границах между ССП и ПП. Одни учёные считают, что предикативные многосубъектные сочинённые единства могут относиться к сложносочинённым предложениям, а другие не относят эти моносубъектные предложения к сложносочинённым, третьи считают, что в одних условиях эти предложения могут выступать как двусказуемые построения, в других образовать единое нерасчленённое сказуемое в рамках простого предложения [Белошапкина В.А., 1977: 170; Русская грамматика, 1980: 462; Бабайцева В.В., 1967; Спектор Т.Р., 1982; Михеева Н.С., 1974].

Серьёзное исследование отношений в данных предложениях предпринято А.П. Леонтьевым.

Традиционно основным отличием сложного предложения от простого является наличие минимум двух предикативных центров, каждый из которых находит своё воплощение в соответствующих категориях времени и модальности. Но семантическая самостоятельность отдельных значений словоформ, претендующих на роль выразителей предикативных центров, является важной при определении статуса сложного предложения. *Брат работал на заводе и (он) часто ездил в командировки* – такого рода предложения, несомненно, следует относить к моносубъектным ССП.

Но ещё А.М. Пешковский писал о таких сочинённых сочетаниях: «При сочинении такие сложные целые образуют чрезвычайно цельные группы, стоящие как бы на грани между слитным предложением или сложным целым: он пришёл и сказал, приди и возьми, лежит и храпит, любит и не любит, светит, да не греет и т.д.» [Пешковский А.М., 1956: 476]. Таким образом, важным в понимании двух сочинённых предикативных форм как отдельных, самостоятельных сказуемых является наличие в каждой из них своего собственного, отдельного элемента семантики.

Так, сложносочинённое единство образуется, если глаголы имеют общую сему (гипосему) и эта общая семантическая часть двух глаголов равна интенционалу одного из них. *В коридорах что-то ковано гремело и стучало, и слышались офицерские выкрики – Судзинский сам разводил караул* (М. Булгаков. *Белая гвардия*); *Тут наш артист, крайне молчаливый за последние два часа, начал просто орать и буянить, требуя от жены объяснения, что значит это таинственное посещение; Женица начала плакать и рыдать и говорить, что это её сослуживец и что она действительно к нему заходит попить чаю с пирожными* (М. Зощенко. *Забавное приключение*); *Внизу, как петарды стали ухать и взрываться человеческие голоса; Всё шло, ехало и маршировало к новому трамвайному депо ... голоса* (И. Ильф, Е. Петров. *Двенадцать стульев*). В этих предложениях один из глаголов просто

повторяет существенный элемент семантической структуры другого глагола и отношения между ними близки к синонимичным.

Семантика одного глагола повторяется в семантической структуре другого. Чаще всего это сочетания метафорического характера типа: *летит и парит*.

Семантика одного из глаголов может быть равна одному из второстепенных компонентов семантической структуры другого (*спит и храпит, слушает и молчит*), где семантика глагола *храпит* предполагает сему «сон», а семантика глагола *слушает* – сему «молчание субъекта». Таковы сочетания, в которых один из компонентов обозначает внутреннюю эмоционально-психологическую сферу деятельности человека. Признак, обозначающий сидячее, лежащее, стоячее положение тела входит в индуктивно-эмпирическую характеристику этих классов ситуаций как вероятно-примечательный. *В Москве дивились на то великое зрелище и гадали: уж не старые времена ли наступают, не станет ли опять Москва столицей* (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметьевой*); *Треухов фыркал и шёл пилить в кухню дрова; Неведомая птаха сидела на ветке и пела соло* (И. Ильф, Е. Петров. *Двенадцать стульев*). Глаголы говорения также непосредственно связаны с характеристикой мимики, жестов, сопровождающих речь (*крикнул и ударил по столу*). Глаголам, связанным конверсивными отношениями, свойственна общая сема движения из одной точки в другую (*дверь впускала и выпускала*).

Во всех вышеназванных предметах чаще всего семантика одного из глаголов выполняет служебную роль, подчёркивая один из компонентов семантики другого. Говорить об однородности функций и семантики данных словоформ, видимо не приходится, как и о наличие двух предикативных центров в составе сочинительного единства.

Антонимичные глаголы-сказуемые обозначают одно событие, одну ситуацию, совпадающую по значению с гиперсемой глаголов-антонимов: *Он и осуждал властолюбца, и сожалел о том, что Верховный совет не внял его*

просьбе, ведь князь истинно захворал, просил об отставке, хотел повиниться (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметьевой*) – «осуждал и сожалел» = он переживал.

Соединение семантики глаголов в сочинительное единство, где наблюдается идиоматизация, происходит на другой семантической основе. Здесь идиоматизации подвергается только всё сочетание в целом (*служить верой и правдой* = *преданно*).

К монопредикативным следует отнести и предложения с простыми поворотами, где за счёт этого достигается эмоционально-экспрессивное усиление. *На севере воеет и воеет вьюга; Сверчок всё пел и пел свою песню; Металась и металась тревожная дремота; Всю весну, начиная с избрания гетмана, он наполнялся и наполнялся пришельцами* (М. Булгаков. *Белая гвардия*); *Слухи подобно осам жалят и жалят* (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметьевой*).

В предложениях с глаголами-синонимами семантика глаголов ориентирована на обозначение одного и того же процесса, и распространение их не ведёт к образованию полисобытийных конструкций. *А в окнах настоящая опера «Ночь под Рождество», снег и огонёчки, дрожат и мерцают; Играл светом и переливался, светился и танцевал, и мерцал Город по ночам до самого утра, а утром угасал, одевался дымом и туманом* (М. Булгаков. *Белая гвардия*).

Не могут быть сложными предложения, в которых сочинённые сказуемые, повторяясь лексически и различаясь грамматической формой времени, указывают в совокупности на постоянство какого-либо действия во времени. *Русь стояла и стоять будет* (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметьевой*); *Да только и это уж уходит и ушло* (М. Зощенко. *Китайская церемония*).

Союз «и» в таких конструкциях является чаще всего показателем семантического сходства предикатов, ибо семантика одного из глаголов так или иначе включает в себя в качестве одной из существенных сем значение

другого глагола – предиката, либо оба они содержат одну и ту же повторяющуюся сему (как при конверсионных отношениях).

Таким образом, и в предложениях с «однородными сказуемыми» употребление союза «и» определяется механизмом сходства соединяемых им компонентов.

В моносубъектных ССП перед союзом «и» запятая не ставится, хотя такая практика выходит за пределы правила постановки запятой в ССП и противоречит ему. Например, в предложении: *Приехал человек из Москвы в самый разгар революции и о себе (он) не распространялся* (М. Зощенко. *О чём пел соловей*). Но ведь в таком примере всего лишь отсутствует дубль-подлежащее. Обязательна же запятая в моносубъектных СПП перед союзом: *Приехал человек из Москвы в самый разгар революции, так что о себе не распространялся*.

Таким образом, близость простого и сложного предложений обнаруживается и в наличии в языке переходных между ними конструкций.

В моносубъектную полипредикативную, но монопредикативную конструкцию достаточно ввести распространители одного из предикатов, актуализирующие его потенциальные семы, чтобы она стала полипредикативной. Ср.: *Старик сидел и удил рыбу*, где семантика слова «удил» предполагает сему «физическое положение тела» субъект действия «удил» и ср.: *Старик сидел на крутом берегу под развесистой ивой и удил рыбу*, где «сидел» включает в свою семантику сему местонахождения субъекта, которой нет в глаголе «удил». В силу этого в предложение легко подставить дубль-предложение: *Старик сидел на крутом берегу под ивой, и он удил рыбу*.

Если представить ниши конструкции на шкале переходности, обозначив **А** – простое предложение, **В** – сложное предложение, то схема их будет выглядеть так:

А-Ав-АВ-аВ-В, где **АВ** – моносубъектные конструкции с нулевым дубль-подлежащим, а **Ав** – конструкции, где дубль подлежащего не может быть; **аВ**,

где дубль подлежащее восстанавливается с трудом и **В** – сложносочинённое предложение с эксплицитным дубль-подлежащим.

Итак, несмотря на большие различия, обе разновидности рассматриваемых конструкций (с отношениями соединения и суммирования) могут быть включены в разряд однородных, но не на основании одинаковой отнесённости придаточных к одному слову, а на основании функциональных признаков. Для однородности словоформ и подчинённых предикативных единиц в составе усложнённого предложения наиболее существенно то, что они связаны между собой сочинительным союзом «и» и позиция каждого последующего из однородных членов определяется позицией первого из них. Кроме того, основным условием однородности и при отношениях соединения, и при отношениях суммирования является сложение их семантики с одной и той же семой опорного слова, образование одинаковых итеративных сем.

2.2. Синонимичность союза «и» и других сочинительных союзов в простом и сложном предложениях

Предложения с союзом «и» являются самыми распространёнными не только среди предложений с сочинительными союзами, но и среди всех предложений современного русского языка.

«Благодаря широкому значению слова «и», сочинительная связь в предложениях с этим союзом может выражать богатый комплекс частных значений, устанавливающих на основе соотношения вещественной и грамматической семантики соединённых компонентов» [Холодов Н.Н., 1975: 33].

Наиболее близки по своему значению к союзу «и» союзы «ни ... ни», «тоже», «также», «даже». Все эти слова могут именовать отношения сходства. Различие их состоит в типах сходства и в позициях. Наиболее абстрактный из них – «и». Он именуется всякое сходство, всякую аналогичность, что приводит к синонимичности этих союзов и возможности их замены без изменения семантики предложения.

Слово «а», «но», «да» в системе сочинения противопоставлены «и» в плане «сходное – разное». «Однако в глобальных масштабах все они вместе бледнеют перед могуществом «и», свободно плавающего и в глубинах, и на поверхности как монологической, так и диалогической речи» [Холодов Н.Н., 1991: 98].

Синонимика союза «и» союзам «а», «но», «да» в сложносочинённых предложениях закрытой структуры доказывает то, что не во всех разновидностях таких предложений союзы «определяют характер отношений между явлениями, о которых говорится в частях сложного предложения» [Белошапкова В.А., 1967: 134]. *У многих на домах нарисованы цветы, деревья, диковинные птицы, а (и, но) кое у кого – вырезанные из дерева фигуры, все большие амурь, покрашенные в красный цвет; Уже жалела она о таком своём поведении, но (и, а) поделаться с собой ничего не могла (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой).*

В ССП неоднородного состава отношения сопоставления обязательно сопровождаются дополнительными оттенками. Так, в предложении: *При матери, Анне Владимировне, это был праздничный сервиз в семействе, а (и, но) теперь у детей пошёл на каждый день (М. Булгаков. Дни Турбиных)* – отношения между частями сопоставительные, но они осложнены соединительно-распространительным оттенком, который выражен соотношением вещественного наполнения частей «при матери» – «у детей». Это создаёт возможность для вариативного использования союзов, хотя использование «и» сопровождается резким приглушением отношений сопоставительной семантики.

В предложениях с союзом «но», где отношения несоответствия осложнены соединительно-результативными распространителями допускается употребление «и» наряду с «но»: *Сейчас я делаю исследование, но (и) от этого не легче ни мне, ни роженице (М. Булгаков. Крещение переворотом).*

Союз «но» в данном случае восстанавливает имплицитное звено: «Если сделать исследование, то можно чем-нибудь помочь», а союз «и» лишь

подчёркивает результативное значение второй части ССП, погашая значение логического несоответствия. Меняется оценка второго события. С «но» первая часть – положительная, вторая – отрицательная. При «и» – обе с отрицательной оценкой.

Наконец встречаются случаи, когда соотношение вещественного наполнения частей таково, что совмещаются три ряда отношений: логического несоответствия, сопоставительные и соединительные: *Целый город людей, и (а, но) ни одной живой души* (К. Федин. *Наровчатская хроника*). Союз «и» в данном предложении подчёркивает соединительно-распространительную семантику. Союз «а» подчёркивал бы значение несоответствия, а союз «но» имплицировал бы недостающее логическое звено: «Если целый город людей, то все они живые» – положительная оценка. «Ни одной живой души» – отрицательная оценка.

В присоединительном значении союзы «а», «но», «да» не могут передавать простого суммирования явлений, они всегда дают ту или иную семантическую характеристику вводимому ими второму компоненту и употребляются только в конструкциях с отношениями соединения: *Молодые, но (а, и) сильные деревья*.

Повторяющийся союз “ни-ни” синонимичен союзу “и” и является показателем отношений суммирования и в простом и в сложном предложениях. Ср.: *Не смывается ни холодной, ни горячей водой, ни мыльной пеной, ни керосином* (И. Ильф, Е. Петров, *Двенадцать стульев*) и *Не смывается и холодной, и горячей водой, и мыльной пеной, и керосином*. В таких конструкциях сказуемое, подчиняющее сочинительные элементы, всегда отрицательное. *Не знала она его никогда. Ни тогда, когда он был воспитанником духовного училища, Федей, ни когда он был усатым семинаристом, Фёдор Ивановичем* (И. Ильф, Е. Петров, *Двенадцать стульев*). Ср.: *Она вернулась поздно, когда ни (и) транспорта не было, ни (и) такси не ходили*. При отношениях суммирования и соединения порядок следования сочинительного и подчинительного союзов разный.

В конструкциях, где придаточная часть представляет собой сложносочинённое предложение, союз «ни-ни» стоит после подчинительного союза, что свидетельствует об отношениях соединения между ними. *Возвращалась она поздно, когда ни (и) транспорта уже не было, ни (и) возможности уехать даже на такси (А. Маринина. Светлый лик смерти).*

Относительно оппозиции «и»/ «или», которую иногда используют при толковании «и» [Киклевич А.К., 1982: 82-90], следует сказать, что она верна только в тех случаях, когда «или» рассматривается как знак взаимоисключения, т.е. как потенциальный квалификатор каузальности. *И сожалеет ли обо всём Былинкин, или всё сделал с полным сознанием и решимостью (М. Зощенко. О чём пел соловей).*

Там, где «или» не выражает взаимоисключения (т.е. в случаях слабой дизъюнкции, где вступает в силу идея выбора), синонимика «и» и «или» становится возможной.

Союз «или» может быть замечен союзом «и» и сочетаниями «и также», «а также» в силу того, что отношения чередования передаются не столько союзом «или», сколько особенностями построения и лексического наполнения предложения.

Ещё академик В.В. Виноградов заметил, что союз «или» может иметь значение, близкое к семантике союза «и», значение присоединительно-заключительное, что и подтверждают, с нашей точки зрения, следующие примеры: *Когда говорил он о чём-нибудь, даже самом обыкновенном, например, о деревьях, зверях или (и,) о море, его нельзя было слушать без улыбки или без слёз, и казалось, что в душе его звучали такие же струны, как и в органе (А. Чехов. Без названия); Головкиной пришло в голову стянуть с кавалера парик – и мужчины вынуждены были обнаружить дурные причёски или (и), хуже того, голые лысины; Стоят лошади, запряжённые и (или) в простые кошевы небогатые, и (или) в сани с меховыми плюшевыми покрытиями (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой).*

В.В. Виноградов писал, что все значения союза «или» «одинаково опираются на признак разделительного или объединительного сопоставления мыслей, исключающих или заменяющих друг друга» [Виноградов В.В., 1947: 716]. Однако значение «объединительного сопоставления мыслей», близкое к значению слова «и», свойственно не только присоединительно-заключительному употреблению союза «или», но и употреблению его между зависимыми однородными компонентами, связанными отношениями суммирования. Подобные отношения наблюдаются тогда, когда в главной части речь идёт о повторяемости или типичности какого-либо явления, и в качестве актуализатора такого синтаксического явления выступает, как правило, форма несовершенного вида глагола в подчинённой части. *Они спорили, когда гуляли по коридору или (и, а также) когда стояли за спиной Евсей Львовича (И. Ильф, Е. Петров. Светлая личность). Ср.: Они поспорили, когда гуляли по коридору или когда стояли за спиной Евсей Львовича (с ярко выраженными отношениями дизъюнкции).*

То же наблюдается и в простом предложении. *Он часто читал об этом в газетах или (и, а также) журналах и Он прочитал об этом в газете или журнале.* Таким образом, при форме совершенного вида глагола в главной части, употребления «и» исключительно, так как возникают отношения взаимоисключения явлений.

Следует отметить, что в предложениях, где отношения между компонентами заключаются в образовании смыслового единства, синонимичности союзов «или» и «и» не наблюдается, ибо здесь, как и в сложносочинённом предложении, разделительные союзы являются «необходимым элементом структуры сложного предложения, так как именно они вносят в значение предложения тот специфический модальный оттенок потенциальной возможности, который составляет существо разделительных отношений». [Белошапкина В.А., 1967: 133]. *Нужно было решить – оставаться ли в Москве для розысков пропавшего в просторах Каланчевской*

площади стула или выехать вместе с трупной в гастрольное турне (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Рассмотрим предложения с составным союзом «не только, но и». Позиция частей этого союза в предложениях с отношениями суммирования своеобразна, так как аналогична позиции предлогов при однородных словоформам. Как уже отмечалось раньше, если перед однородными словоформами имеется предлог, то предлог это повторяется и части составного союза, передающие отношения суммирования, строят перед предлогом. *И не только от власти государственной, но и от матушки претерпел (М. Зощенко. Рыбья самка); И не только во внешней жизни, но и в человеческих отношениях (М. Зощенко. Китайская церемония).* Ср.: *И от власти государственной, и от матушки претерпел; И во внешней жизни, и в человеческих отношениях.*

Однако если же предлог стоит перед первой частью сочинительного союза, то здесь уже можно говорить об отношениях соединения между сочинёнными компонентами. *Были одеты в не только длинные, но и пышные наряды (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой).* Ср.: *Были одеты в длинные и пышные платья.* Аналогичное явление наблюдается и в сложных предложениях, где сочинительный союз – показатель соединения. *Она понимала, что не только нет времени для разговоров, но даже и проститься не дадут (П. Краснов. Цесаревна).*

В предложениях, где между компонентами наблюдаются отношения суммирования, части соединительного союза находятся перед каждым из подчинительных союзов, подчёркивая независимость соединяемых ими придаточных друг от друга. *Свадьбу решили играть 18 января. И не только потому, что за день до того Наталье исполнялось шестнадцать лет, но и оттого, что на тот же день назначена государева свадьба, а двойные свадьбы, известно, к счастью (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой).*

Сочинительный союз «и» легко, как мы видим, вступает в синонимические отношения с союзами «а», «но», «или», «даже», «также»,

«тоже», «не только, но и», «ни-ни». Однако, синонимика эта ограничена как характером отношений между компонентами (соединение или суммирование), так и вещественным содержанием сочинённых частей.

2.3. Употребление в простых и сложносочинённых предложениях конкретизаторов служебного слова «и»

Комментирование, аргументация, разъяснение, конкретизация образуют особую область отношений, обслуживаемую специальной группой реляционных средств.

В составе этой группы преобладают аналогии союзов – вводные единицы и наречия, которые приспособляются к выполнению союзной функции (в рамках предложения и за его пределами) и вовлекаются языком в сферу «связывания, соотнесения» [Шведова Н.Ю., 1983: 49].

Базовой семьей, с которой взаимодействуют эти реляционные единицы, является прежде всего сема «и».

В силу неоднозначности и полифункциональности союза «и» его дифференцирующая способность ограничена: его значение всегда в той или иной степени определяется контекстом или уточняется при помощи специальных конкретизаторов. Выявление смысловой доминанты затрудняется тем, что союз «и» является «потенциальным носителем широкого круга значений, с одной стороны, соединительно-результативного, соединительно-следственного характера (он способен передавать информацию типа «и в результате», «и таким образом», «и значит», т.е. согласно или вопреки ожидаемому), с другой стороны, соединительно-противительного и соединительно-уступительного («и все-таки», «и однако», «и тем не менее», т.е. вопреки ожидаемому)» [Русская грамматика, 1980, §3111].

Конкретизаторы – это лексические элементы, в состав которых входят служебные слова (частицы, модальные слова) и местоименные наречия, занимающие в структуре ряда особую позицию при союзе.

Употребление союзных конкретизаторов расширяет объём семантико-синтаксических отношений, которые выражаются при помощи союза «и». Интересен тот факт, что, наблюдая жизнь союза «и» в древнерусских текстах раннего и более позднего периода, Е.А. Ларина увидела, что для этих текстов совсем не были характерны сочетания типа *и потому, и поэтому* ... и т.д. То есть «и» в древности выполнял свои функции, не прибегая к помощи конкретизаторов [Ларина Е.А., 1987]. В современном же русском языке роль конкретизатора как маркера семантико-синтаксических отношений настолько сильна, что позволяет не только элиминировать «и», но и активно включать его в синонимический ряд с союзом «а»: *На небе появились тучи, и (а) значит скоро будет дождь.*

Следует отметить, что употребление конкретизатора при союзе «и» ограничено. Отсутствует конкретизатор (его не может быть) при отношениях суммирования: *Лежали спелые и сладкие яблоки. Ср.: Лежали спелые, и поэтому сладкие яблоки* – соединение. То есть в первом случае отсутствуют логические отношения в силу того, что подчинённые компоненты никак семантически не связаны между собой, но одинаково подчинены третьему компоненту.

Конкретизаторы синтаксической семантики не могут присутствовать в предложениях однородного состава и в простых предложениях со «слитным» сказуемым, где сказуемые составляют одно сложное семантическое целое, фактически выражают одно действие: *Он шёл по дороге и думал о смерти...; ...ел и переглядывался с матерью...; (А.П. Чехов. Тяжёлые люди); ... лёг на диван и стал зубрить лёжа; ... сидела и думала... (А.П. Чехов. Анюта); Дымов сел и стал дожидаться (А.П. Чехов. Попрыгунья).*

То есть отсутствие логической связи между компонентами, их логическое равноправие или их семантическое тождество исключает наличие или возможность наличия конкретизаторов, ибо их функция – переводить отношения в план логического неравноправия, и там, где его нет, они отсутствуют.

Главными антагонистами «и» являются реляционные единицы каузальной семантики, так как информация, вводимая союзом «и», не способна выполнять роль коммуникативной предпосылки по отношению к предшествующей части. «Секрет этой закономерности заключается, очевидно, в том, что смысловой потенциал «и» лишён эвристического начала. Конкретизаторы каузальной семантики, регулярно сопутствующие «и», восполняют его эвристическую недостаточность: и значит, и потому, и тем не менее, и всё-таки» [Ляпон М.В., 1986: 68].

Конкретизаторы в сочетании с союзом «и» могут встречаться в сочинительных рядах с «осложнёнными внутрирядными отношениями» [Клопова Е.С., 1986: 1], в ССП неоднородного состава и в ССЦ.

Сочинительные ряды с осложнёнными внутрирядными отношениями представляют интерес для исследования. Функциональная особенность таких конструкций может быть определена как синтаксическое различие сочинительных словоформ. Это факты следующего типа: *солнечно и в то же время прохладно; маленький и всё-таки сильный*.

Суть таких отношений можно раскрыть, подойдя к данным фактам с позиции конструкции сочинительного ряда. Термин «ряд» позволяет описать конкретное явление как особую модель, особую конструкцию, имеющую свои законы построения, свою семантику, в определённой степени автономную от семантики предложения. Таким образом, можно говорить об отношениях между словоформами внутри ряда, не учитывая их роли как членов предложения. Однако следует отметить, что ряд как синтаксическая конструкция всегда связан с компонентами другой синтаксической конструкции, куда он сам входит как составной элемент.

Рассмотрим ряд с синтаксически дифференцированными членами. Признаками такого ряда являются:

- 1) наличие минимум двух словоформ, не связанных друг с другом подчинительной связью, но соподчинённых;
- 2) наличие между ними союза «и» как показателя связи;

3) в позиции при союзе наличие конкретизатора [Клопова Е.С., 1986].

Именно этот конкретизатор является показателем неэквивалентности членов ряда друг другу, корректором семантических отношений между сочинёнными членами и показателем добавочного значения выделенного члена или части ССП.

На уровне конструкции дифференциация членов ряда осуществляется при помощи конкретизаторов и «дифференцирующих членов» [Клопова Е.С., 1986: 6].

Дифференцирующий член – это полнозначное слово, словосочетание или предложение, состоящее в той же позиции, что и конкретизатор, и выделяющее второй член ряда. Ср.: ...*только не задерживайся больше часа и к концу службы приходи* за мной в церковь (Е. Мецкерская. Жизнь некрасивой женичины) и ... его нахальный тон *и теперь* явление на рассвете ... (Е. Мецкерская. Жизнь некрасивой женичины).

Анализ текстов показал, что наиболее употребительными внутри сочинительного ряда являются конкретизаторы: *даже, теперь, потом, тут же, вдруг, к тому же, вместе с тем.*

Обивка его была, правда, немного повреждена, но всё же это был прекрасный стул *и к тому же* точь-в-точь как первый (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); ... и было в нём даже что-то детское *и*, пожалуй, *даже* трогательное ...; растерянно несколько раз оборачиваться на Васильева *и даже* пытался встать с места ... (Е. Мецкерская. Жизнь некрасивой женичины); ...приказчиками *и даже* лакеями (А.П. Чехов. Пустой случай); Он шёл по дороге и думал о смерти, о горе близких, о нравственных мучениях отца *и тут же* рисовал себе всевозможные дорожные приключения ... (А.П. Чехов. Тяжёлые люди); ... поужинает вместе с женой *и потом* завалится спать (А.П. Чехов. Попрыгунья). Лопухина медленно оглянулась и тут увидела внука (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой); Повела собачица глазом, понюхала воздух *и вдруг* к гражданину управдому подходит (М. Зощенко. Собачий нюх); Гейне опустил бы руки, если бы ему предложили

сказать что-нибудь смешное **и вместе с тем** общественно полезное по поводу неправильной тарификации грузов малой скорости (И. Ильф, Е. Петров. *Двенадцать стульев*). Все эти предложения, где сочинённые компоненты каждый предполагает наличие своего субъекта, пусть дублируемого: его всегда можно подставить.

В ССП однородного состава указание на степень факультативности присоединяемого осуществляется при помощи таких сочетаний как (**и притом, и причём, и вдобавок, и ещё, и к тому же, и впрочем, и между прочим, и кстати, и помимо того, и помимо этого, и кроме того, и также, и тоже, и например, и особенно, и в частности, и потом, и наконец**) [Русская грамматика, 1980: 620].

Я терпеть не могу машин, и вдобавок я водить боюсь; Ему очень хотелось выговориться, сказать вслух, в полный голос о том, как ему больно, и ещё ему очень хотелось помянуть Юрия Ефимовича Тарасова (А. Маринина. Шестёрки умирают первыми); Мише не давал покоя один вопрос, и наконец он решился его задать (А. Маринина. Стечение обстоятельств).

Вторая предикативная единица по своему содержанию выполняет роль как бы фона дополнительного сообщения, и без конкретизатора ССП невозможно: его нельзя отпустить.

Подобные сочетания придают предложению соединительно-присоединительное значение.

Союзные способности этих конкретизаторов предопределены их семантической спецификой: все они являются потенциальными носителями «и-отношения»; их использование предполагает предтекст (непосредственный или отдалённый), который служит поводом для спонтанной ассоциации, порождающей информацию-присоединение. Каждый из конкретизаторов модифицирует «и-отношение» в соответствии со своей лексической семантикой.

Конкретизаторы *причём, притом, при этом, при том что, впрочем, между прочим, кстати* несмотря на функциональную близость, не всегда свободно заменяют друг друга.

Наибольшая близость обнаруживается у конкретизаторов *причём, притом, при этом*, присоединяющих сообщение о детали касающейся подтекста; фрагменты сообщаемого распределены, как правило, по принципу: менее конкретное, более конкретное. *Тот был уже у выхода в Патриарший переулок, и притом (и причём, и при этом, и между прочим) не один* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*). Здесь употребление конкретизатора объясняется потребностью обратить внимание на одну из деталей, в которой говорящий усматривает нечто характерное, специфическое или интересное в рассматриваемом контексте. В этом случае сочетанием *и притом* передаётся информация типа *«и что характерно, и что особенно интересно, интригующе»*.

Союз «и» способен передавать не только отношения следования, но и следствия, что закономерно [Кручинина И.Н., 1988: 41]: «... отношения предыдущего и последующего может служить образом причины и следствия, или другими словами, причинность может представляться последовательностью во времени» [Потебня А.А., 1977: 139]. Следственное значение может быть акцентировано дополнительными союзными средствами, которые в сочетании с союзом «и» образуют разнообразные соединения в предложениях неоднородного состава: *и потому, и поэтому, и оттого, и из-за этого, и тогда, и тем самым, и таким образом, и значит, и следовательно, и стало быть, и вот, и вот почему* [Русская грамматика, 1980: 620]. В составе соединений *и потому, и поэтому, и вот* соположение компонентов строго фиксировано, и в том случае, когда «и» следует за конкретизатором (*потому и, поэтому и, вот и*), его союзная функция ослабляется и сближается с функцией усиленной частицы. Ср.: *Дама эта была крайне подозрительна, потому и содержимое своей сумочки проверяла по пятьдесят раз на день; Колобок прекрасно знал ту работу, которую*

выполняли его подчинённые, **и потому** мог их учить и помогать им (А. Маринина. Призрак музыки).

Следует отметить, что в отличие от названных ранее конкретизаторов, такие уточнители семантики союза можно опустить. Ср.: *Крал он постоянно, постоянно стыдился, **и потому** его хорошо бритые щёки всегда горели румянцем смущения, стыдливости, застенчивости и конфуза* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) *и Крал он постоянно, постоянно стыдился, **и** его хорошо выбритые щёки всегда горели румянцем смущения, стыдливости, застенчивости и конфуза;*

*Будто подмешивала она молодому Петру яды, **и оттого** у него стали припадки* (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой) *и Будто подмешивала она молодому Петру яды, **и** у него стали припадки.*

*Ты боишься планировать, рассчитывать, **и оттого** терять ощущение перспективы собственной жизни; Всё тело болело, было трудно дышать, прикушенный язык всё ещё кровоточил, **и из-за этого** во рту был неприятный металлический привкус; Типичный способ начальственной «давилочки»: крик, натиск, оскорбления, **и вот** уже ты чувствуешь себя виноватым и начинаешь оправдываться, хотя грехов на тебе вовсе не так много* (А. Маринина. Мужские игры); *Ему хотелось добра, **и вот** он уже шепчет Остерману про то, чтобы бабушке выдать полный пансион, дать штат служанок, дабы ни в чём она не нуждалась* (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой); *Через два года Кира Левченко завоевала все мыслимые призы и медали, **и тогда** в её голову пришла мысль о том, что этим можно зарабатывать деньги* (А. Маринина. Шестёрки умирают первыми).

Несмотря на характер последующего действия, его приуроченность к предыдущему может быть показана ограничительным сочетанием **и в это время**.

Он, глядел на неё слащаво и жуя, поцеловал ей ручку и попросил позволения бывать ещё и уехал, а она стояла среди гостиной, изумлённая, очарованная, не веря, что перемена в её жизни, удивительная перемена,

произошла так скоро; **и в это самое время** вошёл её муж ... (А.П. Чехов. Анна на шее).

Но мало-помалу и громадного офицера прорвало; он оживился, заволновался и, уже поддавшись очарованию, вошёл в азарт и двигался легко, молодо, а она только поводила плечами и глядела лукаво, точно она уже была королева, а он раб, **и в это время** ей казалось, что на них смотрит вся зала, что все эти люди млеют и завидуют им (А.П. Чехов. Анна на шее).

Выделительно-ограничительное значение возникает в предложении при наличии таких сочетаний как: **и только, и лишь**. В грохоте приближающегося поезда он сперва не услышал её отчаянных рыданий, **и только** по вздрагивающей спине понял, что девушка больше не сдерживается и дала волю своему горю (А. Маринина. Мужские игры); Он долго думал над этим вопросом, **и лишь** через два дня пришёл к определённом выводу (А. Маринина. Шестёрки умирают первыми); С указанными конкретизаторами в соответствующем контексте может быть употреблён и союз «но».

Долгий пост и страстная молитва перед великим возложением короны, перед высшим таинством, **и лишь** после того – коронация в главном Успенском соборе (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой); Ночь начиналась над лесным краем, долгие сумерки густели в лесных чащах, **и только** костёр трещал и разгорелся, нарушая лесную тишину (К. Паустовский. Последний чёрт).

Акцентирование неожиданного осуществляется за счёт употребления сочетания **и вдруг**. Короче, упёрся я в тот момент и бормочу что-то невнятное, только что бы документы начальнику не показывать, **и вдруг** он мне объявляет, что на счёт фирмы, где работает моя жена, перечислено двести пятьдесят тысяч долларов (А. Маринина. Шестёрки умирают первыми); Морозной декабрьской ночью дьячок спал в своей сторожке, **и вдруг** почудилось ему, что кто-то стучит в окно, велит благовестить (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой). Как уже отмечалось выше, конкретизатор **и вдруг** свободно заменяется наречием *тогда*, которое в

сочетании с союзом «и» приобретает значение неожиданности, внезапности. При опущении союза «и» структура конструкции не меняется, а если опустить наречие *вдруг*, исчезает сема неожиданности, внезапности.

Представляет интерес предложения с сочетанием **и хотя (хоть)**, где уступительность нередко поддерживается интенсификацией ограничиваемого признака, его усиленной констатацией посредством служебного слова «и» приближающегося по значению к подтверждающему «да» [Кручинина И.Н., 1988: 91]. *Выжженная солнцем трава глядит уныло, безнадежно: **хоть и** будет дождь, но уж не зеленеть ей ... (А.П. Чехов. Егерь).* Союзы «**хотя**» и «**и**» инверсивны относительно друг друга; ср.: *Только в тоске подвывания собаки, **и хотя** я по природе не боязлив, мне стало не по себе перед лицом тени неизвестного человека на занавеси окна (К. Федин. Наровчатская хроника).*

Отношение очерёдности может быть осложнено значениями быстрого или мгновенного следования. Самый простой способ указания на быстрый или мгновенный характер следования событий – лексический, когда союз «и» выступает в сопровождении темпоральных определений ***сразу (же), тотчас (же), сейчас (же), в то же мгновение, в тот же миг, мигом*** и т.п. (обычно после реплики диалога).

- *Бросай чай, идём водки выпьем перед ужином.*

- ***И тотчас** и навсегда ушёл мой мучитель солдат из головы (М. Булгаков. Пропавший глаз);*

- *Ты спи, я не буду спать.*

- ***И сейчас же** после этого заснул как мёртвый, одетым на кровати (М. Булгаков. Белая гвардия);*

С такими конкретизаторами возможно не только употребление союза «и», но и союзов «но», «а», «однако» и др., т.е. сочетаемость таких уточнителей шире. Кроме того, они часто употребляются дистантно по отношению к «и» и следовательно, лишь приближается к сфере союза-конкретизатора, являясь одновременно членом предложения.

Наблюдения над изоморфностью функций служебного слова «и» а ССП и в ССЦ позволяют выделить группу конкретизаторов, употребляющихся только в ССЦ [Малычева Н.В., 1994: 19]. Такие конкретизаторы можно объединить в следующей схеме:

Какую же всё-таки роль играют конкретизаторы? При анализе функций союза «и» обычно подчёркивается, что основное его значение – выражать отношения соединения. Но в зависимости от лексического наполнения предикативных единиц, объединяемых союзом «и», характер отношения между ними может выражаться по-разному: как одновременность, последовательность, а в предложениях закрытой структуры – как причинно-следственное, условное, уступительное отношение. Например: *Погода в конце испортилась, и Короткову пришлось весь день просидеть в кабинете, составляя никому не нужные отчёты* (А. Маринина. Мужские игры). Формальных показателей причинных или уступительных отношений здесь нет, но они легко конструируются носителями языка на базе подобных фраз. Ср.: *Погода в конце испортилась, **и поэтому** Короткову пришлось весь день просидеть в кабинете, составляя никому не нужные отчёты*. Присоединённое к союзу «и» слово с семантикой следствия, вывода, уступки актуализирует соответствующие отношения, делает их эксплицитными.

В сочетаниях типа ***и поэтому**, **и потому**, **и от того*** компоненты находятся в отношениях семантического согласования. Поэтому в таких предложениях можно легко элиминировать любой из контактирующих компонентов и оставшийся передаст те же отношения, хотя и несколько упрощённо. Ср.: *Я не хочу ставить тебя в сложное положение, **и поэтому** больше возвращаться к этому вопросу не буду* (А. Маринина. Мужские игры); *Я не хочу ставить тебя в сложное положение, **и** больше возвращаться к этому вопросу не буду; Я не хочу ставить тебя в сложное положение, **поэтому** больше возвращаться к этому вопросу не буду*.

Таким образом, можно сделать вывод. Если союз «и» семантически согласует свой смысл с последующим регулярно контактирующими конкретизатором, то тесного сращивания между ними не происходит. Второй компонент действительно остаётся конкретизатором отношений, уже намеченных союзом «и». В случае же когда между союзом «и» и наполнителем следующей позиции семантического соответствия нет, их

сочетание приобретает идиоматичность, союзное сочетание становится более целостным. Например: *и всё же, и всё-таки, и однако, и между тем*.

В подобных случаях, при отсутствии внутреннего семантического согласования между составляющими союзного сочетания, вторая её составляющая часть выполняет уже не конкретизирующую, т.е. уточняющую, а квалифицирующую функцию. Устранение такого квалификатора может привести к заметному сдвигу в семантике высказывания: *Погода испортилась и всё-таки (= но) мы пошли к морю*; Ср.: *Погода испортилась, и мы пошли к морю*.

Итак, союз «и» может образовывать с конкретизатором:

- 1) идиоматическое сочетание;
- 2) может сочетаться с факультативно употребляющимся сочетанием;
- 3) может с отдельными конкретизаторами представлять собой единственно возможный при данной семантике союз;
- 4) может в таких сочетаниях быть синонимичен союзам «а», «но» и др.

Кроме того, следует отметить неупотребительность конкретизаторов в ПП и СП при отношениях суммирования, что лишний раз подчёркивает изоморфизм разноуровневых конструкций с данными отношениями и союзом «и».

В ССП однородного и неоднородного состава используются соответственно разные конкретизаторы. В первых – с присоединительным значением. Во вторых, со значением каузальности.

2.4. «И» в репликах диалога

Центральной особенностью реплик диалогических единств (ДЕ) с союзом «и» является то обстоятельство, что компоненты образований с союзом «и» представлены в них прежде всего как относительно самостоятельные и относительно равновеликие единицы структурного целого, составленные чаще всего из компонентов, принадлежащих разным речевым авторам.

Проблема осмысления ДЕ в соотношении их с предложениями (простыми и сложными) – один из важнейших аспектов изучения ДЕ в современном

русском языке (см. работы Т.Г. Винокур, Н.Ю. Шведовой, И.П. Святогора, Г.Ф. Гавриловой, Е.Н. Ширяева, Г.В. Бырдиной).

Необходим анализ характера и особенностей логико-смысловых связей между репликами, связанными словом «и». Обращает на себя внимание в этом плане замечание Э.В. Валюсинской, которая считает, что требует дополнительного глубокого осмысления и доказательств вопрос об определении характера синтаксической связи между репликами диалога, как и вопрос о понятии ДЕ определённых типов в плане их отношения к понятию предложения [Валюсинская Э.В., 1979: 311].

Между репликами диалогической речи имеют место не только специфические для данной формы общения связи, но и связи, сходные с отношениями между теми или иными отрезками монологической речи, и, в частности, с теми логико-смысловыми связями, которые обнаруживаются в ССП.

В ДЕ «и» является конструктивно-синтаксическим средством связи реплик, которое используется преимущественно строго между основными составляющими в начале второй реплики.

- Всё что угодно, - уверенно молвил тяпнутый.

- И я того же мнения ... (М. Булгаков. Собачье сердце).

«И» здесь выполняет присоединительную функцию.

Между ДЕ и соответствующими ССП есть некоторое структурное и семантическое сходство. То же самое следует сказать о семантическом и функциональном родстве слова «и», в вышеупомянутых синтаксических образованиях. Всё это подтверждается возможностью свободного преобразования простых ДЕ в ССП.

- Топор мой тоже каюк ...

- И лодка ушла (Д. Ерёмин. Великая салма).

Ср.: *Топор мой тоже каюк, и лодка ушла.*

Однако «и», объединяя первую реплику со второй, превращает её из самостоятельного простого предложения в часть ССП и меняет её авторство.

Второй собеседник, заимствуя реплику первого и дополняя её своим высказыванием, строит сложносочинённое предложение, используя для этого союз «и».

Преобразованиями вышеупомянутого типа могут подвергаться не только простые диалоги. ССП могут образовываться и из отдельных сложных ДЕ, и, что особенно показательно, именно из компонентов устанавливаются стержневые логико-смысловые и грамматические контакты двух основных частей диалогов сложной формы. Эти компоненты могут быть расположены не только контактно, но и дистантно:

- А от того, мой друг, что всякому человеку свой предел от бога положен. Одному – в гусарах служить, другому – в чиновниках быть, третьему – торговать, четвёртому ...

- Ах, да! Четвёртому, пятому, шестому ... Я и забыла. И всё это бог распределяет ... так ведь? (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Ср.: *Одному в гусарах служить, другому – в чиновниках быть, третьему – торговать, четвёртому ..., и всё это бог распределяет ...*

В ДЕ сложной формы «и» показывает основную линию смысловой связи реплики-реакции с репликой-акцией или в целом, или через её первое, или через центральное, или через последнее предложение, превращая самостоятельные простые предложения в предикативные части ССП.

В образованиях такого типа наиболее наглядно проявляется конструктивная роль «и». С его помощью здесь устанавливаются автором реплики-акции связь между основными составляющими диалога. Вместе с соответствующими фрагментами «реплик-текстов» «и» образует центральный семантический стержень, на который «нанизывается» развёрнутое, сложное содержание диалогического общения.

И в ДЕ с «и» и в ССП наблюдаются одни и те же основные логико-синтаксические отношения, которые известны их синтаксиса ССП.

Ср., например:

- Это я вам говорю, есть такие артели в Московской губернии.

- *И у нас в Сибири кое-где есть (Д. Ерёмин. Перед прыжком);*

- *Бросил я пост и тоже в лопухи ...*

- *И со мной такое было (Е. Носов. Карманный фонарик).*

- *Я во сне ... - говорила Даринька, - мне трудно дышать, нет воздуха ...*

- *И мне. К грозе (И. Шмелёв. Пути небесные).*

В последних двух примерах «и» начинает собой высказывание-реакцию согласия и сопричастности к событию аналогичному тому, которое изложено в первой реплике. Все три предложения отличаются некоторым согласием, сходством смыслов. Несомненно эти данные показывают, почему в русской грамматической традиции XIX века сочинительно-соединительные отношения в сложном предложении так настойчиво именовались отношениями согласия.

В приведённых примерах присутствие соединительных отношений между составляющими диалога налицо. Таким образом, ДЕ со служебным словом «и» как конструктивно-синтаксическим средством связи реплик имеет ярко представленные черты сходства с такими единицами монологической речи как ССП, хотя представить их в качестве ССП можно, лишь переориентировав первую реплику в плане лица (с первого лица на второе).

1. В рассматриваемых единствах в качестве составных компонентов, как и в ССП, могут выступать не только простые предложения, но и сложные.

2. Слово «и», используемое для связи реплик, как и в ССП, и в ССЦ, размещается между основными составляющими. С его помощью осуществляется связь реплик в единое целое.

3. Связь реализуется через установление соединительных отношений.

Из этого следует вывод:

1) связь, при помощи которой реализуется объединение реплик а ДЕ рассматриваемого типа – сочинительная;

2) используемое в ДЕ для связи реплик слово «и» выступает в качестве сочинительного союза;

3) отношения, которые передаёт «и» в ДЕ те же, что и в простом и сложном предложениях. Функции «и» в данном случае синкретичны. Этот союз служит для связи реплик в составе диалогического единства и в то же время является форматором ССП, предикативные части которого чаще всего принадлежат разным авторам.

Такой вывод поддерживается данными экспериментального порядка: многие ДЕ простых форм со словом «и» как средством связи реплик свободно преобразуются в соответствующие ССП; во многих случаях ССП образуются из фрагментов ДЕ сложной формы.

Объяснить параллелизм ДЕ а ССП можно лишь предположением, что исторически ССП – производные диалогической формы общения, и исходное значение «и» - значение согласия, близкое к частице.

Однако, несмотря на известное родство типа синтаксической связи, используемой для объединения составных компонентов в некоторое целое, сопоставляемые единицы располагают принципиально-существенным своеобразием.

Данное своеобразие заключается прежде всего в том, что составляющие диалога - это речевые произведения минимум двух лиц; составляющие же ССП – произведения одного и того же лица. Этим обусловлена специфика обозначения лиц (непосредственно участвующих и непосредственно не участвующих в общении) различного рода лексическими средствами (прежде всего местоимённого порядка), а также средствами морфологии (личными формами глагола, формами рода и числа). Кроме того, многие ДЕ со словом «и» не допускают преобразования их реплик в ССП.

Первая реплика, поступая в распоряжение собеседника, теряет свою коммуникативную самостоятельность, превращаясь в структурный элемент ССП.

Причиной невозможности преобразования является наличие двух разных авторов, представление двух разных точек зрения. Например, реплики диалога:

- *Посижу часа полтора, надо бумажки разгрести.*

- *И я примерно столько же. Отвезу тебя куда-нибудь к метро (А. Маринина. Мужские игры)* не могут стать компонентами ССП, так как их разные субъекты обозначены не с точки зрения одного лица, а с точки зрения разных лиц (авторов реплик). Ср.: *Посижу часа полтора, и я примерно столько же* – предложение невозможно. Для образования необходима переориентация грамматического лица.

На данной основе между составными компонентами в том и другом случае устанавливаются отношения однородности. В соотношениях составляющих ДЕ реплик, представленных как однородные, обязательно наличие компонентов семантики сходства. Актуализация средствами самих составных компонентов и союзом обеспечивает функционирование единств как соединительных.

В ДЕ с «и» реплики могут быть тождественны по нейтральности, положительности и отрицательности оценок.

Как и в ССП с «и», в соответствующих ДЕ могут обнаруживаться частные отношения наиболее общего плана, не только соединительного, но и противительного типа. Ср. соответственно:

1) - *Да нет, милая ... не могу заснуть, есть хочу ... - сказал он, смеясь - копчёную колбасу ем.*

- *И я хочу колбаски ... (И. Шмелёв. Пути небесные);*

2) - *... Как это человек может знать, где его после смерти посадят? Поди, иной не знает даже, на каком кладбище похоронят ...*

- *И всё-таки, уверяю вас, Александр Семёнович, что Александр Сергеевич это знал ... (Б. Лавренев. Комендант Пушкин).*

Для диалогов соединительного типа характерны различного рода распространительные отношения:

- *Я, товарищ, Коротков, Вэ Пэ, у которого только что украли документы ... Все до единого ... Меня забрать могут ...*

- *И очень просто ... (М. Булгаков. Дьяволиада).*

Значительно менее распространены в речи ДЕ соединительного типа с отношениями результативно-следственного порядка:

- *Город тогда опустеет.*
- *И мы уедем (А. Чехов. Три сестры);*

Но нельзя преобразовывать в ССП ДЕ, где «и» приближается к усилительной частице.

- ... *Туши свет, зажигай ёлку.*
- ... *И как стало сразу уютно (М. Булгаков. Дни Турбиных).*

Частные значения ДЕ с союзом «и» противительного типа прямо противоположны результативно-следственным значениям, так как общим значением первых является значение несоответствия, а значение последних – значение соответствия [Холодов Н.Н., 1975: 54-83].

Нужно отметить, что значение несоответствия создаётся лексико-грамматическим наполнением реплик конкретизаторами, соотношением смыслов высказываний, но не союзом «и» (синтаксическая семантика, порождаемая логико-смысловым взаимодействием реплик, в исследуемых единствах противоречит постоянному значению «сходного, тождественного, аналогичного» [Холодов Н.Н., 1991], присущего союзу «и»).

В исследуемых единствах возможны и противительные частные значения ограниченного типа:

- *По закону вы получите четвёртую часть из движимого и восьмую из недвижимого.*
- *И это только потому, что нет третьего свидетеля? (Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб).*

Образовать ССП из данных реплик нельзя в силу разной функциональной направленности.

Таким образом, и в составе диалогического единства «и» полифункционально: может объединять в ССП реплики диалога, превращая их из самостоятельных предикативных единиц в семантически взаимосвязанные части ССП (по воле второго собеседника, ибо первый

планирует своё высказывание как семантически и структурно самостоятельное и независимое). Но «и» может также во второй реплике выполнять роль частицы, усиливая стремление второго собеседника к контакту с первым. В этом плане интересна точка зрения Г.В. Валимовой. «Союзы принадлежат к строевым средствам, создающим определённую структуру предложения, в силу чего они являются элементами его модели. ... частицы выражающие отношение говорящего к речи, т.е. связаны с субъективным планом высказывания. Известно, «что класс частиц» глубоко внедряется в категорию модальных слов» [Валимова Г.В., 1967: 129] [Виноградов В.В., 1986: 544-554]. «И» в начале вопросительной части служит для выражения её модального значения, а не для связи частей сложного предложения. Между репликами в такого рода диалогах нет тех синтаксических отношений, которые могут быть выражены сочинительными союзами, и поэтому союзная связь между этими частями исключена.

Приведённый материал достаточно определённо свидетельствует о том, что по своему содержанию сочинительная связь в диалогических единствах с «и» есть в принципе то же явление, что и в ССП с союзом «и».

Однако, следует отметить, что для ДЕ с «и» совсем нехарактерны собственно соединительные частные значения (в сложном предложении они имеют место). Неярки и нечастотны результативно-следственные значения.

Итак, рассмотренные ДЕ с «и» в качестве конструктивно-синтаксического средства обнаруживают безусловное сходство своей синтаксической организации с такими единицами монологической речи дискурса, как ССП. Такой вывод поддерживается не только сходством структуры реплик ДЕ, с одной стороны, и компонентов ССП – с другой, но и сходством отношений, которые могут устанавливаться между составляющими тех и других синтаксических единиц (т.е. между репликами диалога, с одной стороны, и между частями ССП – с другой).

Однако исследовавшиеся единства характеризуются и существенным своеобразием сравнительно с соответствующими ССП. Различия касаются, в

первую очередь внешней структурной организации тех и других построений. Сочинительная связь в ДЕ отличается большей свободой и стабильностью, так как она способна соединять в одно целое синтаксические структуры самых разнообразных типов (в том числе и целые тексты), а союз «и» может объединять дистантно расположенные компоненты.

Однако союз «и» как связующее средство между репликами оказывается структурно более значимым, чем в ССП, ибо именно он служит образованию сочинительного единства с частями одного субъективно-оценочного плана. Собеседник, подхватывая первую реплику, превращает её в компонент одного структурно-семантического и коммуникативного целого. При отсутствии союза «и» этого, как правило, не происходит. Ср.: ДЕ без союза:

- *Топор мой тоже каюк ...*

- *Лодка ушла.*

Реплика вторая свидетельствует в этом случае об отсутствии подхвата и контакта с собеседником, тональность их разная. В то время как наличие «и» свидетельствует о единстве оценок собеседников:

- *Топор мой тоже каюк ...*

- *И лодка ушла.*

Оба высказывания представлены как гармонирующие в оценочном плане (оба характеризуют событие как негативное).

Принципиальное сходство сопоставляемых единиц обуславливается прежде всего тем, что между составляющими этих единиц регулярно реализуются отношения аналогичности, сходства, тождества, но сходство это часто связано с резким различием модусно-диктумного характера.

В диалогическом единстве «и» не всегда маркирует собой сочинительные отношения. Как уже отмечалось выше, в ряде случаев оно приближается к частице. Подобное явление наблюдаем, когда вторая реплика всего лишь реакция согласия или когда конструкции-реплики диалога-высказывания разные по цели: повествовательные и вопросительные, побудительные и повествовательные и т.д. «И» здесь всего лишь сигнал второго собеседника

как-то обеспечить контакт, своё единство с собеседником согласие-соучастие с его мыслями, чувствами, намерениями.

Итак, последовательный анализ конструкций со служебным словом «и» в их связи друг с другом помог выявить:

1) изоморфизм функций союза «и» на разных синтаксических уровнях: ПП и ССП, ПП с однородными членами и СПП с однородными придаточными (с отношениями соединения и суммирования), ССП и ДЕ;

2) изосемичность союза «и»;

3) синонимичность союза «и» союзами «а», «но», «да», «или», «даже», «также тоже», «не только, но и», «ни-ни»;

4) сочетание служебного слова «и» с различными конкретизаторами, применительно к ССП и связному тексту (монологическому и диалогическому), где союз «и» функционирует избирательностью по отношению к конкретизатору.

Выводы такого характера возможны лишь при изучении конструкций со служебным словом «и» в вертикальном разрезе. При данном подходе синтагматический аспект пересекается с прагматическим.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИИ СОЮЗА «И» В РАЗНЫХ ТЕКСТОВЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

3.1. «И» в монологическом тексте (в ССЦ)

Работы многих исследователей в области сложного синтаксического целого (ССЦ) с союзом «и» позволяют рассмотреть данную синтаксическую конструкцию в системных связях и отношениях со сложносочинённым предложением (ССП), что открывает возможности сопоставительного анализа функций служебного слова «и» в изоморфных структурах.

Ещё И.А. Фигуровский отмечал, что «между самостоятельными предложениями могут быть те же отношения, какие встречаются между частями сложноподчинённого и сложносочинённого предложений» [Фигуровский И.А. 1948: 25].

Формальным показателем аналогичности ССЦ и ССП являются одинаковые семантико-синтаксические отношения, «Сложное предложение позволяет соединять разные по своей коммуникативной предназначенности (регистровой закреплённости) пропозиционные единицы» [Онипенко Н.К., 1993]. Наличие союза «и» между компонентами ССП и ССЦ якобы является показателем того, что эти соединительные части принадлежат к разным коммуникативным регистрам.

Сочинительные союзы в ССП, как и в ССЦ «обнаруживают движение человеческой мысли и, прежде всего, её поворот от прямого отражения действительности к интерпретации, обобщению наблюдений, от прямой констатации в условиях монолога к диалогическим обусловленным суждениям, от мира вещей к миру мыслей» [Онипенко Н.К., 1993: 20-23]. Однако существуют и такие точки зрения: «При анализе связного текста с сочинительным союзом не следует отождествлять его с соответствующим сложносочинённым предложением, ибо совпадение отдельных синтаксических конструкций ещё не свидетельствует об их структурно-семантическом тождестве. Отождествление отдельных форм сложносочинённого предложения со связным текстом ведёт к полному

отрицанию тех свойств и признаков, которые свидетельствуют о статусе сложносочинённого предложения и связного текста как самостоятельных синтаксических единиц, хотя во многом изоморфных» [Гаврилова, 1985: 29-30].

Г. Я. Солганик справедливо отмечал, что «неправомерно... переносить связи, присущие членам простого или частям сложного предложения на отношения между самостоятельными предложениями» [Солганик Г.Я., 1973: 49].

Другие же ученые считают, что отношения между самостоятельными предложениями не отличаются от отношений в сложном предложении (В.В. Бабайцева. Н.И. Диброва, С.Д. Кацнельсон, И.П. Распопов и др.)

Итак, функциональные особенности служебного слова «и» приводят к возникновению еще одной проблемы, проблемы структурно-семантического тождества и различия связного текста и сложносочиненного предложения.

Как уже отмечалось выше, в связном тексте с союзом «и» можно обнаружить основные логико-синтаксические отношения, характерные для синтаксиса сложного предложения.

Сравним отношения между частями текста и сложного предложения. Изобретатель работал три дня, и из его рук вышел «бицикл Бабского» (И. Ильф, Е. Петров. Светлая личность); Потом кто-то догадался открыть ставни. Всего-то и надо было дать свет в окошки. И задышала изба, очнулась, натянулась вся, подставила солнышку маленькие ослепшие глаза, заслезилась, принимая тепло, и за два дня скинула с себя смертный вид (В. Распутин. Изба). В обеих конструкциях отношения между частями соединительно-результативные, выраженные союзом «и», который начинает собой вторую предикативную часть.

Некоторое структурное и семантическое родство между сложносочиненным предложением и связным текстом подтверждается и возможностью трансформации связного текста в сложное предложение и наоборот.

<i>Пилат объясняйся. Римская власть ничуть не покушается на право духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).</i>	<i>Пилат объяснился. Римская власть ничуть не покушается на право духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка, и в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована.</i>
<i>Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).</i>	<i>Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла. И все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета.</i>

онного рисунка. Органически тесная связь частей сложного предложения прерывается паузой. Предложения обретают интонационную и смысловую законченность. «В тексте значительно более важным оказывается факт, изложенный во второй части: в фокусе оказывается информация о нем, а информация, высказанная в первой части, - лишь фон для второго сообщения» [Гаврилова. 1985: 28]. В связном тексте второе предложение всегда выделяется высотой тона.

Однако встречаются случаи, когда трансформация невозможна. Так, например, если в двух контактно расположенных предложениях одно из них передает факт объективной действительности, а второе – содержание мыслей, чувств, переживаний, воображения человека, то между такими предложениями возможна только точка. *Отправился, вернулся и сообщает: ладно устроим. И такая у нас радость сделалась, не возможно выразить (М.*

Булгаков, Белая гвардия).

Ставится точка и в тех случаях, когда второе предложение присоединяется к первому сочетаниями союза «и» и наречия «вдруг», частицей «вот», обозначающими внезапный переход к другому событию, его внезапное, неожиданное возникновение [Малычева Н.В., 1994]. *Звонок в швейцарской. Никто не отворяет. Тихо. И вдруг резкий стук в дверь, в мозг; ... появилось трое в каскетках. Один из них перебежал улицу. Это был Шамборен. И вдруг они оглушительно начали стрелять из револьвера в кучу сыщиков под фонарем (А. Толсто. Похождения Невзорова, или Ибикус). Это очень просто. Была бы кутерьма, а люди найдутся. И вот появился откуда-то полковник Торопец; Елена сидела в полумгле, смятый венец волос пронизало пламя, по щекам текли слезы. Убит. Убит... И вот тоненький звоночек затрепетал, наполнил всю квартиру (М. Булгаков. Белая гвардия).* Следует отметить, что очень часто встречаются случаи постановки запятой перед такого рода сочетаниями. *Тут в темных окнах фельдшерского домика показались лица, прилипли к ним, хлопнула дверь, и вот я увидел, как заковылял по траве ко мне человек в рваненьком пальтишке и сапожишках (М. Булгаков. Полотенце с петухом); Ему хотелось добра и мира, и вот он уже шепчет Остерману про то, чтобы бабушке выдать полный пансион, дать штат служанок, дабы ни в чем она не нуждалась (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметевой).*

Точка в разных контекстах перед союзом «и» может выполнять разную роль. Во-первых, она может маркировать значимость следующего за ней компонента; во-вторых, точка может служить сигналом различения омонимичных конструкций; в-третьих, может служить показателем того, что компоненты текста являются речевыми произведениями разных авторов. *Начались ужасные боли. И через это я побежал в амбулаторию (М. Зощенко. Что-нибудь особенное);*

Разбежался народ. Опустел двор. Остались только собака да агент. И вот подходит вдруг собака к агенту и хвостом виляет (М. Зощенко Собачий нюх):

Шариков тем временем потянулся к графинчику и, покосившись на Борменталья, налил рюмочку.

- И другим надо предложить, - сказал Борменталь, ... (М. Булгаков. Собачье сердце);

- Тогда поставим несколько! Одну большую колонну, ... , посередине, а по бокам - портики, для прогулки граждан.

- И сквер.

- И скамейки для тех, кто захочет посидеть и полюбоваться на памятник. (И.Ильф, Е. Петров. Светлая личность).

По аналогии со ССП в составе ССЦ можно выделить разновидности простой и сложной формы, двучленные и многочленные, однородного и неоднородного состава [Гаврилова Г.Ф., 1985: 23; Малычева Н.В., 1994].

Сложносочиненные предложения с союзом «и» однородного и неоднородного состава на «шкале переходности» [Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю., 1987: 31] находятся на разном расстоянии от связного текста.

Г.Ф. Гаврилова считает, что значительно ближе к связному тексту на «шкале переходности» стоят предложения неоднородного состава [Гаврилова Г.Ф., 1985: 23].

Существует целый ряд признаков, сближающих сложносочиненные предложения неоднородного состава и связный текст. К ним принадлежит «эллипсис, репрезентация, замещение, использование элементов, сопровождающих обозначение содержания, аналогично упомянутому в тексте ранее» [Почепцов, 1978: 97]. *Все светлело в мозгу, и вдруг без всяких учебников, без советов, без помощи я сообразил – уверенность, что сообразил, была железной, – что сейчас мне придется в первый раз в жизни на угасающем человеке делать ампутацию. И человек этот умрет под ножом (М. Булгаков. Полотенце с петухом). Впрочем, я никогда и не думала об этом. И никогда я не думала о ребенке (Б. Пильняк. Рождение человека). И ведь недавно еще читал. И еще подчеркивал, внимательно вдумываясь в каждое слово, мысленно представлял себе соотношение частей и все*

примеры. И при чтении казалось, что весь текст отпечатывается на веки в мозгу (М. Булгаков. Крещение переворотом). По знаку энергичной дамы в четыре руки бегом оттаскивают откуда-то справа два столика на гнутых ножках, совсем новых, пахнущих деревом, сияющих полировкой, устанавливают справа и слева от дверей, возле столов пристраивают мальчика и девочку, ставят перед девочкой хрустальную корзиночку, а перед мальчиком хрустальное глубокое блюдо. И, уж с облегчением смеясь и набираясь удали, опускают что-то со звоном в корзиночку, шелестят чем-то в блюде (В. Распутин. Новая профессия). А рядом с гражданкой – пакет. Этакий в газету завернутый и бечевкой перевязан. И лежит этот пакет не совсем рядом с гражданкой, а несколько поодаль (М. Зощенко. На живца).

В последнем предложении установлению синонимичных отношений со ССП мешает парцеллированный компонент - он отделяет сочиненную часть от основного текста. В предыдущих двух примерах этому же мешает субъективно-оценочная разноплановость частей, соединяемых «и»: в первой части - диктумное событие, во второй - модусное, субъективно-оценочное.

Как показало исследование Н.В. Малычевой, сочинительный союз «и» - далеко не всегда свидетельствует об аналогичности его функций в ССП. И наш анализ подтверждает это.

Чаще всего вторая часть текста начинается с повторов. Существует два вида повторного воспроизведения предшествующих элементов речи - это «конденсирующий повтор и перенос» [Кручинина И.Н., 1988: 59].

Замещение посредством местоимения «это» - самый распространенный способ конденсирующего повтора. Отличительная особенность такого повтора в том, что он всегда имеет деконкретизирующий, обобщающий характер. *Серьезно я задумалась о ребенке только тогда, когда он начал двигаться! ... И это заставило меня думать именно об инстинктах, и эти мысли привели меня к воспоминаниям детства (Б. Пильняк. Рождение человека). Среди рожденных валялись трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие быт ужасны (М. Булгаков.*

Роковые яйца);

«Повтор в виде лексического переноса имеет место там, где развертывание текста идет не через его предварительное свертывание, а по линии ответвления отдельных элементов и построения на их основе отдельных высказываний» [Кручинина И.Н., 1988: 61].

И только он хотел приподнести ее ручку к своим шершавым губам, как раздайся неистовый стук в дверь. И за дверью слышится тревожный голос подруги; ... (М. Зощенко. Забавное приключение); Внутри здания тоже были только колонны. И в колоннадном лесу чахнул от безлюдия комендант в толстовочке. (И.Ильф, Е. Петров. Светлая личность).

Каждому приходилось представляться:

- Доктор такой-то.

И каждый обязательно поднимал брови и спрашивал.

- Неужели?... (М. Булгаков. Полотенце с петухом).

Он тотчас постарался ее (боль Е.М.) объяснить, и объяснение было странное: показалось смутно прокуратору, что он не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Благодаря своей семантике и способности выражать значение следования союз «и» «конструирует текст по принципу сукцессивности, т.е. так, что одна фраза как бы вызывает, или тянет за собой другую, в результате чего образуется равномерная и согласованная в своем движении речевая цепь, протяженность которой всецело определяется коммуникативными установками говорящего» [Кручинина И. Н., 1988: 57]. Здесь союз «и» не является носителем грамматического значения, он указывает на синтаксическую связь между соединенными им частями, обозначающими чаще всего «событие» - «реакцию на это событие» субъекта.

Как справедливо заметил К. Боост, в ССЦ «нити, протянутые от одного предложения к другому, столь многочисленны и отличаются такой плотностью, что можно говорить о переплетении, о сплетении предложений в

единую сеть, так что каждое отдельное предложение как бы неразрывно связано с остальными» [цит. Сильман Т.И., 1967: 18]. «Суть этого явления состоит в том, что каждое последующее предложение ... опирается в коммуникативном плане на предшествующее, продвигая высказывание от известного «данного» к новому, вследствие чего образуется тематическая цепочка» [Москальская О.И., 1981:21].

Семантико-синтаксическое и грамматическое значение ССП выражается соотношением реального содержания частей, лексическим наполнением частей. То же мы наблюдаем и в тексте. *Полным доверием пользуются только профессора, но посещать их мешает бедность. И все обращаются к собственному медику (И. Ильф, Е. Петров. Светлая личность). Ср.: Полным доверием пользуются только профессора, но посещать их мешает бедность, и все обращаются к собственному медику.*

По аналогии со сложным предложением в связном тексте союз «и» может легко заменяться синонимичными союзами «а», «но», «да», что не оказывает влияния на характер семантико-синтаксических отношений. *Иные врать начинают - дескать, живу роскошно, лучшие не надо, получаю по шестому разряду, семьей доволен. И (Но) только один человек ответил мне на этот вопрос серьезно и обстоятельно; Эх, и пил я тогда. Два месяца пил. И (Но) покупки, кроме того, сделал: серебряное кольцо и теплые стельки (М. Зощенко. Счастье).* «В таких случаях семантико-синтаксические отношения передаются путем частичного смыслового перекрытия соединяемых союзом частей, т.е. средствами текстовой связи» [Гаврилова Г.Ф., 1985: 24].

Что касается ССП однородного состава с союзом «и», то их отличие от ССЦ оказывается более существенным.

Так, в ССП однородного состава информация о фактах, изложенных в первой и во второй частях, интерпретируется как абсолютно равнозначная, также наблюдается органически тесная связь частей. В связном тексте вторая часть оказывается по своему содержанию более важной для говорящего, а первая часть выступает как фон для второго сообщения. На этом основании

выявлено общепризнанное свойство ССЦ - автосемантичность первого и семантичность всех остальных предложений в их последовательности.

Иногда, в отличие от ССЦ, трудно отграничить ССП однородного состава от предложений со значением причинно-следственной обусловленности. *Справок не давали, касса не работала, и в задней комнате потухал брошенный курьерами кипятильник (И.Ильф, Е. Петров. Титан).* Здесь отношения могут быть интерпретированы и как однородные и как причинно-следственные. *Ср.: Справок не давали, касса не работала. И в задней комнате потухал брошенный курьерами кипятильник.* В тексте неоднозначность семантико-синтаксических отношений снимается за счет смысловой значимости, самостоятельности второго предложения.

ССП однородного состава характеризуются обратимостью частей, которая исключена в ССЦ, т.к. здесь информация второй части интерпретируется как наиболее важная, значимая. *Сморщенное коричневое личико глядит из белого ободка, и не прерывается тоненький плаксивый писк (М. Булгаков. Крепление переворотом). В каждом из этих окон горел огонь под оранжевым абажуром, и из всех окон, из всех дверей, из всех подворотен, с крыши и чердаков, из подвалов и дворов вырывался хриплый рев полонеза из оперы «Евгений Онегин» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Ср.: Не прерывается тоненький плаксивый писк, и сморщенное коричневое личико глядит из белого ободка; Из всех окон, из всех дверей, из всех подворотен, с крыши и чердаков, из подвалов и дворов вырывался хриплый рёв полонеза из оперы «Евгений Онегин», и в каждом из этих окон горел огонь под оранжевым абажуром.*

Обратимость конструкций в тексте привела бы к пониманию второй части как наиболее важной, а первая стала бы фоном для другого явления. *Ср.: Как ни был расстроен Иван, все же его поражала та сверхъестественная скорость, с которой происходила погоня. И двадцати секунд не пошло, как после Никитских ворот Иван Николаевич был уже ослеплен огнями на Арбатской площади (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Двадцати секунд*

не пошло, как после Никитских ворот Иван Николаевич был уже ослеплен огнями на Арбатской площади. И как ни был расстроен Иван, все же его поражала та сверхъестественная скорость, с которой происходила погоня.

Различия между ССП и ССЦ наблюдаются и в постановке общего предикативного члена. *На мозаичном полу у фонтана стояло кресло и лежал пергамент (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).* Замена препозиции общего предикативного члена на постпозицию не приведет ни к каким изменениям. Ср.: *Стояло кресло и лежал пергамент на мозаичном полу у фонтана.* В ССЦ в связи с заменой позиции происходят изменения. Ср.: *На мозаичном полу у фонтана стояло кресло. И лежал пергамент; На мозаичном полу у фонтана стояло кресло. И лежал пергамент на мозаичном полу у фонтана.* Постановка сочетания *на мозаичном полу у фонтана* в конце второй части относит его к содержанию только этой части.

В тексте, как справедливо указывает Н.В.Черемисина «предложение - интонационно оформленный и интонационно завершенный отрезок речи» [Черемисина Н.В., 1982: 119], а простые предложения в составе сложного не имеют интонационной законченности, так как они объединены интонацией сложного предложения. В связном тексте второе предложение всегда выделяется интонационной самостоятельностью и высотой тона как наиболее значимое, чего не наблюдается в сложносочиненном предложении. Ср.: *Она поглядела на меня, и щеки её залило розовой краской (М. Булгаков. Полотенце с петухом);*

Я исподлобья взглянул на лица. И у всех - и у Демьяна Лукича, и у Пелагеи Ивановны - заметил в глазах уважение и удивление (И. Булгаков. Полотенце с петухом).

Итак, наследуя от сложносочиненного предложения основные логико-семантические отношения (отражая однородность - неоднородность соединяемых «и» компонентов и т.п.), ССЦ тем не менее представляет собой в ряде случаев гораздо более гибкое явление как в композиционном плане, так

и в плане комбинации диктумного и модусного, субъективно-оценочного содержания.

Союз «и» в ССЦ часто выражает сочинительные отношения с дистантно расположенным по отношению к нему компонентом (если их разделяет чужая речь или парцеллированная часть). С рядом стоящим же компонентом обнаруживаются лишь отношения контактного соприкосновения. Вторая часть с «и» может резко переключать повествование с диктумного повествования об актуальной действительности в сферу модусно-оценочного, виртуального представления о ней, что фактически невозможно в ССП.

Такой переход часто осуществляется с помощью осложнения «и» частицами «и вот», «и вдруг» и т.п.

Как показала в своей диссертации Н.В. Малычева, такие сочетания возможны только в ССЦ и невозможны в ССП.

Все это лишний раз подтверждает положение о том, что текст (в том числе и с союзом «и») представляет собой коммуникативное (а не структурно-семантическое, как ССП) единство, но обладающее определенными грамматическими признаками. ССЦ гораздо свободнее в комбинации модусных и диктумных смыслов, не стремится к их строгой координации (как ССП), хотя сохраняет свойственные ему логические отношения, что и выражается в употреблении союзного средства «и».

3.2. Служебное слово «и» в присоединительных конструкциях

Мнимую ассоциацию присоединенного компонента с предикативной частью нередко провоцирует расстановка знаков препинания. В современном русском языке присоединение чаще всего отражено на письме точкой или многоточием, реже запятой или тире. Расстановка знаков препинания в присоединительной конструкции (ПК) соотнобразуется с сопутствующей ей субъективно-экспрессивной нюансировкой.

В лингвистической литературе наблюдаются разночтения в толковании присоединительных конструкций. Одни ученые относят их к ССЦ [Гаинова

М.Т., 1973: 8], другие - рассматривают ПК в составе ССП [Крючков С.Е., РЯШ №2, 1950: 12]. Однако большинство ученых считают ПК с союзом «и» самостоятельным типом синтаксической связи.

Н.И. Гамбург справедливо заметил, что «графически отражая замену одних семантических отношений другими, знак препинания сигнализирует в ряде случаев и об образовании качественно новой семантики, обладающей принципиально новыми свойствами» [Гамбург Н.И., 1977:140].

И действительно, отсутствие, в большинстве случаев, запятой перед «и» в таких предложениях типа: *Маме моей щенок, как я и думал, понравился ... весь, словно шарик, толстый, с гладкой шерстью и глаза черные (Л.Уварова. На даче)* подтверждает то, что некоторые авторы воспринимают описательную часть как часть предикативную. Но «делать далеко идущие выводы из пунктуации затруднительно на том основании, что здесь может либо действовать традиция литературного языка ... либо может проявиться какая-либо индивидуальная пунктуационная манера ...» [Адмони В.Г., 1972: 43].

Однако, на наш взгляд, не все предложения, приведенные в качестве примеров В.К. Покусаенко в статье «К вопросу о границах сложносочиненных предложений», можно рассматривать как простые. Так, например, в предложении «Старик крепкий, красный волосатый, и сапоги пуда два / С. Сергеев-Ценский. Благая честь/» [Покусаенко В.К., 1983: 42] постановка запятой обоснована. В данном предложении во второй части опущен предикат. Ср.: Старик крепкий, красный волосатый, и сапоги весят пуда два.

Другие предложения, действительно, можно отнести к простым, так как вторая часть соотносится с членом предложения. «Говоря о «призначном» значении второй части конструкции, мы имеем в виду широкое значение этого слова: это может быть предикативный, атрибутивный или (реже) обстоятельственный признак. Предикативный: Вообще мать у меня грациозный человек. Очень сильная и воля железная ... (Е.Маркова. Чужой звонок); ... Атрибутивный: Антон не отрывал глаз от стрелки, напряженный и

губы стиснуты (В. Сбитнев. Покой нам только снится); Обстоятельный: ... юноша стоит себе прямо и грудь вперед (С. Сергеев-Ценский. Сказочное имя)» [Покусаенко В.К., 1983: 43]. В таких предложениях союз «и» включает описательную часть в однородный ряд. «Включение информативно-описательных частей в ряд однородных членов, зависящих от опорного слова, «поглощение» их однородным зависящим рядом — это один из показателей не только семантической, но и грамматической зависимости информативно-описательной части от опорного слова» [Покусаенко В.К., 1983: 44].

Наряду с отсутствием запятой «признанное» значение второй части подтверждает и трансформация. Ср.: «...щенок весь черный, как вакса, пушистый и на лбу белая звездочка» и «щенок весь черный, как вакса, пушистый и с белой звездочкой на лбу» [Покусаенко В.К., 1983: 46].

Таким образом, здесь можно говорить о существовании «шкалы переходности», где одни предложения стоят ближе к сложносочиненным, а другие - к простым предложениям.

Характеризуя присоединительные связи, В.В. Виноградов писал: «Присоединительные конструкции не связаны исключительно ни с формами сочинения, ни с формами подчинения. Они меняют смысловой строй и функции тех и других» [Виноградов В.В., 1941: 581].

Изоморфность функций служебного слова «и» в ПК и ССП, а также в ПК и ССЦ дает основание для сопоставления этих конструкций.

В отличие от ССП, где предикативные части характеризуются двусторонней зависимостью, ПК свойственна односторонняя зависимость. «Односторонность присоединения базируется на том, что к самостоятельной части, структура и семантическое наполнение которой не требует добавлений, разъяснений со стороны последующего текста, присоединяется зависимый компонент. Его значение и оформление мотивируется предыдущей основной частью» [Ринберг В.Л., 1987: 13]. Ср.: *И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур большие. Только глазами стрищет. И зуб во рте блестит* (М. Зощенко.

Аристократка); Владимир Петрович по нездоровью не присутствует, и за старшего от Шереметьевых - Петр Борисович (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметевой).

Присущий данной структуре (ПК) интонационный разрыв приводит к нередкому семантическому смещению и автосемантичности второй части. «... Части... логически не объединяются в целостное ... но образуют цепь последовательных присоединений, смысловое соотношение которых не усматривается из союзов, а выводится из намеков, подразумеваний или из сопоставления предметных значений синтагм» [Виноградов В.В., 1936: 140].

ПК может быть представлена одночленным, двучленным или многочленным составом, но присоединение как синтаксическая часть будет функционировать только между основной и зависимой частями: зависимая присоединяется к главной. «Ничто не препятствует тому, чтобы присоединительных предложений было несколько. В этом случае, чтобы не получилось перечисления, каждая новая каденция должна быть более сильной, чем предыдущая ... речь идет о структуре открытой» [Карцевский С.О., 1961: 125]. В.В.Виноградов аттестует открытое строение присоединенной части присоединительной конструкции следующим образом «открытый и бесконечный ряд последовательных присоединений, который может быть оборван говорящим и замкнут мгновенно и неожиданно» [Виноградов В.В., 1941: 392]. ... *кое-что о гражданине Василии Васильевиче Былинкине. О том, какой это человек. Откуда он взялся. И благонадёжен ли он политически. И какое отношение имеет к уважаемым Рундуковым. И не родственник ли он им (М. Зощенко. О чем пел соловей); Эта действительно ушла от мужа. И стала самостоятельно жить. И ничего себе жила (М. Зощенко. Нервы).*

К эксплицитным параметрам ПК относится фиксированное расположение частей: основная в препозиции, присоединенная в постпозиции. Нет, позову-ка я в самом деле девицу. И расходов куда как меньше, и благородней, если на то пошло. И корыстных расчетов никаких – полфунта

момпасье, и все довольны (М. Зощенко. Мадонна).

Неизменным структурным атрибутом союзного присоединения является союз «и», по-особому отражающий специфику присоединительной конструкции. Присоединительный комплекс сочетается со стержневой частью союзом «и», который не выражает логико-смысловых отношений, какие ему свойственно передавать между предикативными частями, сочетающимися сочинительной связью.

Употребление «и» после паузы, характеризующей конец предложения, не могло не повлиять на его грамматический профиль.

Идея выделить присоединительные союзы в самостоятельную группу принадлежит академику Л.В. Щербе. Он писал: «Можно спрашивать себя, есть ли основание для установления двух категорий ... когда дело идет об одних и тех же словах. Но если вспомнить, что задачей исследования является не классификация слов, а подмечание тех общих категорий, под которые говорящие подводят те или другие слова, то разделение не покажется чересчур искусственным» [Щерба Л.В., 1974: 81].

«И» активно участвует в образовании новых союзных сочетаний присоединительного характера: да и, да и то, и то, и еще, а то и, и даже, даже и не только, но и, да и, и притом, и к тому же, и все же, и потому, и поэтому, хотя и, хоть и, и в частности, и в особенности. На другой день, знаете, ихний дворник Семен приносит стакан. И еще нарочно в трех местах треснувший (М. Зощенко. Стакан); Потоптался я, потоптался, а уходит неохота. И жрать к тому же хочется это ужасно как (М. Зощенко. Отхожий промысел); Я когда-то был с ней таким, но ... мне не совсем ловко к ней идти. И к тому же я плохо одет ... (А. Чехов. Пустой случай).

Итак, можно выделить группу структурных параметров, отличающих ПК с союзом «и» от ССП:

- 1) односторонняя зависимость;
- 2) зависимость присоединяемой части и автосемантичность главной час-

ти;

3) открытое строение присоединенного компонента (факультативный для ССП);

4) фиксированное расположение компонентов (препозиция главной части и постпозиция присоединительной);

5) возможность наличия перед «и» разных знаков препинания (точки, запятой, нулевого знака).

При рассмотрении ПК с союзом «и» возникает вопрос об изоморфности ПК и ССЦ с союзом «и».

Постараемся суммировать ряд отличительных признаков ССЦ. На наш взгляд, эти данные открывают возможность сопоставления ПК со ССЦ в интересах объективного познания реальности ПК с союзом «и».

ССЦ - это группа предложений, объединенных микротемой и образующих структурно-смысловое единство. ССЦ присущ особый интонационный план, особый тип связи (переплетённость), замкнутость строения, граничащая с замкнутостью содержания.

ПК	ССЦ
1. Двухкомпонентная структура;	1. Многочленная и редко двучленная структура;
2. Односторонняя зависимость присоединённой части от основной;	2. Взаимосплетение предложений, основанное на их последовательной тематической обусловленности;
3. Открытое незамкнутое строение.	3. Замкнутое строение; «... границей ССЦ считать то предложение, в котором отсутствуют элементы (структурные, семантические), связывающие его с предыдущим предложениями структуры» [Ринберг В.Л., 1987: 32].
<i>И с перепугу поскорее захлопнула свой чемодан. И при этом довольно сильно тянула военного за палец (М. Зощенко. Весёленькая история); В довершение всего он был женат. И вдобавок ко всему жил со своей старухой в крошечной комнатке (М. Зощенко. Неравный брак)</i>	<i>Тут опять про себя недобрым словом помянули Михаила Александровича: все столики на веранде, натурально, оказались уже занятыми, и пришлось оставаться ужинать в этих красивых, но душных залах. И ровно в полночь в первом из них что-то грохнуло, зазвенело, посыпалось, запрыгало. И тотчас тоненький голос отчаянно закричал под музыку: «Аллилуйя» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).</i>

Итак, анализ функции союза «и» в присоединительном значении также приводит к выводу об изоморфизме таких синтаксических структур, как ПК и ССП, ПК и ССЦ.

3.3. «И» как элемент вставных конструкций

Не только лингвисты но и писатели отводят особую роль союзу «и» в предложениях, где однородными конструкциями выражаются скрытые смыслы. Так, Ю.Н. Тынянов говорил: «Следует обратить особое внимание на служебные слова и частицы: «и», «или», которые, выдвигаясь, передают совершенно новый вид конструкции предложения; чем незначительнее, малозаметнее выдвинутое слово, тем выдвигание его более деформирует речь» [Тынянов Ю.Н., 1993: 70].

Широко известно положение о дополнительном предикциировании в конструкциях с сочинительной связью [Дмитриева Л.Г., 1988: 127-139], которое подтверждают примеры из художественных текстов: *С этой стороны лавры американских изобретателей и спекулянтов несколько меркнули и понижаются* (М. Зощенко. Диктофон). Нейтральное слово «изобретатель» при соположении с отрицательно коннотативным «спекулянт» приобретает «налет социальной сомнительности».

Весьма интересен вопрос о постановке знаков препинания в конструкциях, где однородные члены соединены союзом «и». Так, в сочинительных конструкциях с союзом «и» распространенным стало употребление тире для выражения быстрой смены событий, неожиданного результата, резкого противопоставления [Валгина Н.С., 1983: 81-82], что может быть распространено и на сочинительные конструкции однородных членов предложения. Тогда как собственно авторский знак – тире для выявления тождества – способствует актуализации целого «букета» контекстуальных значений. *Именно это, при всей разности, вплоть до контрастности и даже полярности творчества и судеб, - Алексей Толстой и Михаил Булгаков - объединяет их и делает вполне закономерным соседство под одною обложкой* (С. Боровиков. Русская советская сатирическая повесть).

Индивидуально-авторские знаки содержат художественную информацию гораздо в большем объеме, чем стилевые штампы, поскольку их употребление и вызывается прежде всего необходимостью автора выразить

такую информацию.

Постановка скобок даёт возможность расширить информационное содержание высказывания. Они используются как средство совмещения двух коммуникативных заданий, то есть практически двух высказываний – одного минимального, другого расширенного. Без компонента в скобках реализуется минимальное коммуникативное задание, а с компонентом в скобках – расширенное. Ср.: *CLR, конечно, дороговаты по сравнению с местными машинами, однако за известное имя надо платить (и за рекламную кампанию, активно развернутую на центральном ТВ) (газ. Город N, 1999, №10)* и *CLR, конечно, дороговаты по сравнению с местными машинами, однако за известное имя надо платить*. С точки зрения высказывания введение второго компонента с помощью союза «и» и выделение его скобками создает в высказывании некий «приращенный смысл». Этот смысл теряется, исчезает в том случае, когда скобки снимаются.

Функция тире – указание на особую важность компонента для содержания высказывания. В этом случае компонент, выделенный при помощи тире, тесно связан со всем высказыванием и несет полную информативную нагрузку. *И все-таки нелегальное существование книги – и пример с «Собачьим сердцем» это доказывает – не может быть и вполнину полноценным. (С. Боровиков, Русская советская сатирическая повесть).*

Таким образом, скобки приравнивают компоненты, соединенные при помощи союза «и», нейтрализуют различие между ними, если оно есть, а тире – привлекает внимание к этому различию.

Как справедливо утверждает С.Г. Онишко, союз «и» во вставных конструкциях выполняет несколько иную функцию, чем в простом и сложном предложениях.

В предложениях, где допускает введение в основную ткань вставки, содержат «и» по своим функциям, приближающееся к маркеру однородности: По современным представлениям красный костный мозг, а также вилочковая железа считаются центральными органами кроветворения (и иммунологиче-

ской защитой) (Л. Гаврилов. Анатомия).

Однако, здесь союз «и» приобретает новые функции и «получает возможность оформлять отношения, не типичные для данного союза, в частности пояснительные» [Онишко С.Г., 1997: 36].

Типичные функции союза «и» – оформлять в единое целое однородные сходные части простого или сложного предложения – в условиях вставочности утрачиваются.

В данном случае роль слова «и» иная – расчленять предложение на основную и дополнительно вставленную часть (иногда с целью акцептации смысла последней). «Функция структурного квалификатора сочинительными союзами во вставном положении утрачивается» [Онишко С.Г., 1997: 41].

Однако, на наш взгляд, в целом ряде случаев наличие «и» можно считать вполне оправданным, ибо в позицию вставки присоединяемое им высказывание переводит либо элиминация каких-то членов, либо особый порядок компонентов, объединяющая же их с основным высказыванием семантика «сходства» остается.

Встречаются и случаи употребления тире перед союзом «и» на месте запятой между главным и придаточным предложениями в ССП. Это предложения с семантикой результата или следствия. *Однако дунул ветер – и ангел исчез; Не прошло и несколько минут – и дом вдруг задвигался, всколыхнулся, зашумел (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметевой).*

Итак, при определении правил постановки знаков препинания перед союзом «и» необходимо пользоваться не только грамматическими и семантическими критериями, но и учитывать коммуникативный аспект речеобразования, стремление автора к актуализации семантики выделенного компонента.

Позиция однородности является универсальным средством выражения скрытых смыслов в силу своей синтаксической природы – возможности соединения разноплановых понятий и явлений. Следствием такого объединения становятся контекстуальные приращения значений слов и

появление авторской вторичной предикативности. Все это возможно лишь благодаря полифункциональности союза «и».

Анализ нашего языкового материала позволил сделать следующие выводы:

1) соединяя самостоятельные предложения ССЦ, союз «и», с одной стороны, указывает на «тяготение» предложений друг к другу, выступая как скрепа и сигнал синсемантики, а с другой – обуславливает, употребляясь после точки, прерывистость такой связи;

2) в ССЦ с союзом «и» между компонентами наблюдается гармония, некоторое сходство смыслов, общая семантика тождества, аналогичности;

3) ССЦ с союзом «и» и ССП – явления системно взаимообусловленные и взаимосвязанные, но тем не менее не тождественные, так как наблюдаются определенные различия в их семантике и структуре;

4) в ПК союз «и» приобретает способность соединять части, характеризующиеся грамматической неоформленностью, некоординированностью в ряде смысловых аспектов, что не наблюдается в ССЦ.

ГЛАВА 4. СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО «И» В ФУНКЦИИ СОЮЗА- ЧАСТИЦЫ И ЧАСТИЦЫ

4.1. Служебное слово «и» в функции союза частицы

Вопрос о границах классов союзов и частиц не утрачивает своей актуальности. Эта проблема осложняется явлениями переходности и полифункциональности в сфере этих служебных слов.

Необходимость изучения парадигматических и синтагматических особенностей класса слов переходного характера диктуется целью выявления тех сдвигов, которые произошли в их семантике и синтаксическом функционировании.

Ещё академик В.В. Виноградов писал, что «... знание правил сложения смыслов, отчасти опирающегося на исследование законов взаимодействия грамматических и семантических уровней слова, с одной стороны, и законов сочетаний слова, а также сцепления сочетаний и фраз, с другой, помогло бы яснее и точнее воспроизводить систему функционирования и соотношения всех этих единиц в структуре языка и в речевой коммуникации» [Виноградов В.В., 1965: 5].

Традиционно служебное слово «и» относится к союзам или частицам, подобное деление основывается на особенностях функционирования этого слова в определенных конструкциях. Однако, говоря о слове «и», необходимо учитывать функциональные и семантические условия, которые приводят к употреблению «и» в качестве союза-частицы.

Чешский лингвист Я. Бауэр отмечал, «что в плане синхронии возможно говорить об омонимии частицы и союза, о частицах с закрепленной вторичной функцией союза, о союзах с вторичной функцией частицы, о частицах-союзах одновременно, а также обусловленных контекстом применения частицы как союза» [Bauer, 1972: 383].

Возникновение разногласий в вопросе о первичности происхождения союза или частицы заставляет принять определенную позицию. Несомненно

первенство – за союзом «и». Семантика и функции союза представляют собой сложную систему. Возникновение частицы на базе союза объясняется наличием в них некоторых общих сем, однако, не следует забывать и об отличительных признаках, которые проявляются у слова «и» в функции частицы.

Функционально-семантические особенности служебного слова «и» – союза являются той базой, которая в известных случаях способствует сближению союза и частицы. «Происходит функциональное и семантическое совмещение союза и частицы и у категории слов, являющихся союзами, и у частиц» [Пешковский А.М., 1966: 167].

Возможность подобного использования служебного слова определяется тем, что границы между различными разрядами служебных слов отличаются нечеткостью, изменчивостью и прозрачностью. Данное свойство отмечается рядом исследователей, в частности академиком В.В. Виноградовым, который обращал внимание на возможность функционирования союзов в роли частиц.

Весьма тонкая грань между союзом «и» и частицей «и» наблюдается при функционировании частицы «и» в усилительном значении. А.М. Пешковский писал: «Самая усилительность их, по существу дела, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусилительного, и этот фон дается (или предполагается) в предыдущей речи» [Пешковский А.М., 1966: 167]. На это указывал и В.В. Виноградов: «По-видимому, усилительные функции легче совмещаются с союзными значениями, чем ограничительные» [Виноградов В.В., 1947: 667].

Согласно наблюдениям, переход «и» на положение союза-частицы чаще всего встречается в сложных предложениях или в составе ССЦ, когда, выполняя связующую функцию между двумя предложениями, он в то же время вносит в предложение экспрессивно-эмоциональные оттенки.

Переходную функцию выполняет служебное слово «и» в тех предложениях, в которых «и» повторяется перед однородными членами предложения или перед однородными предикативными частями. Оно

соединяет эти части и в то же время фиксирует внимание на каждой из них: Ведь этак будут ездить на санях и в январе, и в феврале, и в марте (М. Булгаков. Вьюга); Давно уже начало мети с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже (М. Булгаков. Дни Турбиных); И смотрины он делал, и своих зазывал, и с цветками по пять раз в сутки хаживал, и папашу невесты уламывал, и мамашу улещивал, и теткыны ручищи целовал, и попу богослужение заказывал ... тьфу (М. Зощенко. Китайская церемония); И для него ясно, и что мир изменился и что жить на свете уже никак невозможно (А.П. Чехов. Унтер Пришибеев).

Этот факт объясняет разную квалификацию подобного рода конструкций отдельными учёными. Некоторые из них считают такие конструкции бессюжными [см. В.А. Мишланов В.А., 1999]. Может быть, это и так, ибо союзная функция «и» затушевывается функцией частицы. Скорее всего, перед нами переходное, синкретичное синтаксическое явление.

Думается, что оказываясь синонимом нулевого знака связи, слово «и» не перестает быть в конечном итоге самим собой, т.е. выполнять связующие функции и быть союзом. Об этом свидетельствует и его материальный облик, и определенное, вносимое им, синтаксическое значение, которое резко изменяется при замене его другим союзом. Например: *Все время что-то нарушало тишину. Журчал ручей, и пели птицы, и постукивал дрозд. Ср.: Все время что-то нарушало тишину. То журчал ручей, то пели птицы, то постукивал дрозд*, где вместо соединения возникают отношения разделительные – чередования явлений. То есть на фоне других союзов «и» является маркером соединительных отношений. Другое дело его соотношение с нулевым показателем связи, присутствие которого резко изменяет ритмику высказывания, лишая его плавности и музыкальности, а также акцентации смысла сочиненных компонентов. Однако, общий характер его структуры (открытый ряд) остается неизменным. В силу этого, как нам кажется, такие конструкции можно отнести к переходным между сочинением

и бессоюзием, а слово «и» к категории слов, совмещающих функции союза и частицы.

Близость функций частицы «и» к союзным функциям прослеживается и когда частица «и» указывает на то, что говорящий на основании тождества или сходства объединяет элементы одного множества: *Новодевичий монастырь – место заточения и царевны Софьи, о которой ходили злые слухи* (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметевой*).

В данном примере «и», с одной стороны, присоединяет лицо или предмет к группе аналогичных лиц или предметов, а с другой стороны, выполняет выделительную функцию. Выделенный объект становится центральным для данного повествования. Тем самым частица «и» выступает здесь и как показатель определённости.

В результате употребления «и» расширяется семантика такого рода предложений, здесь подразумевается множество объектов, ситуаций и т.п. В предложениях такого типа «и» легко синонимизируется с лексемами «тоже», «также». Ср.:

В остатках крови в жилах у девушки теперь плавал и кофеин (М. Булгаков. Полотенце с петухом) и В остатках крови в жилах у девушки теперь плавал также кофеин.

Служебное слово «и» – одно из основных средств, способствующих выражению дополнительных смысловых оттенков как в сложных, так в осложнённых простых предложениях. Так, например, в сравнительный оборот «и» вносит значение совместности действия, признака, свойственного субъекту предложения или объекту сравнения, т.е. выполняет соединительную и усилительную функции. Например: *Екатерина таких же простых кровей, как и он* (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметевой*); *Никодим Егорыч был гол, как и всякий голый человек, но на его лысой голове была фуражка* (А. Чехов. *В бане*); *Тут тек же, как и в зале, окна были открыты настежь и пахло тополем, сиренью и розами* (А. Чехов. *Поцелуй*); *Жизнь так же, как и в*

двадцать пять лет назад, была темна и загадочна (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Ср.: *Сын так же, как и отец, махнул рукой и выбежал на двор (А. Чехов. Тяжелые люди) и Сын так же, как отец, махнул рукой и выбежал на двор.*

Стоит опустить служебное слово «и», как значение совместимости исчезает и возникает значение собственно сравнения, уподобления двух субъектов и способов осуществления ими одного и того же действия. Следовательно, слово «и» значимо и выступает как маркер отношений и как частица в простом предложении со сравнительно-сопоставительным оборотом.

Употребляясь в сочетаниях с союзными словами и подчинительными союзами, «и» выражает смысл близкий к причинно-следственному, однако более слабый. *Избрав для строения пустырь между городом и товарной станцией, помещик Вакуров доказывал неизбежность распространения Наровчата к железной дороге, где и должен был возникнуть российский Чикаго (К. Федин. Наровчатская хроника); ... И работники прилавка, пыхтя от усилий, выкатили на задний двор, общий с двором отца Фёдора, бочку гнилой капусты, которую и свалили в выгребную яму (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев).*

Союзные слово который и его синонимы где, когда свободно сочетаются с постпозитивным и, который выполняет функцию корректирующую временные, таксисные отношения между главной и придаточной частью. Ср.: *Избрав для строения пустырь между городом и товарной станцией, помещик Вакуров доказывал неизбежность распространения Наровчата к железной дороге, где должен был возникнуть российский Чикаго; ... И работники прилавка, пыхтя от усилий, выкатили на задний двор, общий с двором отца Фёдора, бочку гнилой капусты, которую свалили в выгребную яму.*

При отсутствии «и» наблюдается неопределенность временного соотношения. Таксисные отношения соответствуют и предшествованию и следованию действия придаточной по отношению к главной части.

Таксисная неопределённость снимается с помощью «и». Видимо, это объясняется тем, что в сложносочиненном предложении (ССП), при последовательности действий, действие второй части всегда следует за действием первой, а не наоборот, что и присуще значению таксисной конструкции с союзным словом – осложненным словом «и».

В силу того, что «и» в данном случае как бы вносит в предложение некоторые **особенности** свойственные этому слову в паратаксисе, вероятно, можно **говорить** применительно к приведенным выше конструкциям о совмещении в них **признаков** гипотаксиса (признаков для них основных) и паратаксиса, т.е. считать **эти** структуры переходными. Кстати, факт наличия таких конструкций, в **которых** «и» активно участвует в установлении таксисных отношений между частями, - может явиться одним из доводов в пользу семантичности союза «и».

Причинно-следственные отношения наблюдаются и в предложениях типа: *Практику с лошадьми ему запретили, ну, он и обиделся* (М. Горький. *Рассказы о героях*), где в разговорной речи «и» в сочетании с «ну» (часто дистантно расположенными, начинающими конструкцию = «но, так как»). Очевидно, что основа семантики предложений данного типа – «нормальное развитие событий», которое окрашено причинно-следственными отношениями.

Не столько в плане таксиса, сколько в плане семантико-синтаксическом «и» способно уточнять значение союза «если», причем как в простом предложении, так и в сложном. «И» создает возможность актуализации второго компонента. Кроме того «и» в сочетании с «если» в простом предложении может выполнять значение ограничительной частицы, причем ограничению подвергается второй компонент. Такого рода конструкции обычны в сочетании с «только»: *Если он и напишет, то только через месяц* (П. Краснов. *Цесаревна*).

В СПП частица «и» придает союзу «если» уступительное значение. *Если вы и сообразовите когда-нибудь снизить до работы, то подавай вам*

канцелярию, русский хор, маркерство, где бы вы ничего не делали и получали бы деньги! (А.П. Чехов. Нищий); Гражданин Баран если и спасётся от скарлатины в детстве, то все равно проворуется и зрелые свои годы проведет в исправительно-трудовых домах (И. Ильф, Г. Петров. Светлая личность); И лунок не ломаю, а если бы и сломал, не испугался бы (И. Ильф, Е. Петров Пропаший глаз).

Как видно из примеров, «и» занимает не обязательно контактное положение по отношению к союзу «если». То есть и здесь он активно включается в сферу предложенческих семантических маркеров, в сферу взаимодействия с подчинительными союзами.

В простых и СП предложениях с уступительным значением «и» усиливает семантику несоответствия двух событий: *Хотя дуракам он (закон) и не писан, но вам, может быть, понаслышке известно, что мебель может стоять еще две недели (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); У нас хотя и не Париж, но милости просим к нашему шалашу (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); Баба она и есть баба, хоть и царица. (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметевой); По сравнению с нашей концессией это деяние, хотя и предусмотренное Уголовным кодексом, все же имеет невинный вид детской игры в крысу (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); С ней такое случалось, хотя и не часто (А. Маринина. Светлый лик смерти).* В последнем примере «хотя и» выполняет ограничительную функцию, обозначает ограничение действия во времени.

Уступительность нередко поддерживается интенсификацией ограничиваемого признака, его усиленной констатацией посредством частицы «и» приближающейся по значению к подтверждающему «да»: *Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев).*

Уступительный оттенок слово «и» может вносить в СПП со сравнительным союзом «как будто». Например: *«Она была спокойна, как будто и не было ссоры» (хоть была ссора) (Е. Мещерская. Жизнь некрасивой*

женщины). То есть функция служебного слова «и» и в условных и в сравнительных предложениях приблизительно одинаковы, так как там и там внесится уступительный оттенок.

Итак, в современном русском языке встречаются разнооформленные неполнозначные сочетания, отличающиеся между собой лишь наличием или отсутствием одного частичного компонента. Сравните, с одной стороны, *так же, как и; как и; где и; который и; если и ..., то; хоть и..., но*, с другой стороны, те же сочетания, но без компонента «и». На первый взгляд может показаться, что в пределах одной пары неполнозначные сочетания «и» и без него выступают в качестве вариантов одного союза. В действительности, и это доказали предыдущие примеры, сочетания с «и» обладают принципиально иными союзными функциями, чем их подобия без «и».

Для выявления синтаксических условий функционирования частицы «и» необходимо определить ее грамматическую природу, место среди смежных явлении языка, в частности отличия от омонимичного союза.

На наш взгляд, об омонимии союза «и» и частицы «и» можно говорить лишь в том случае, когда функции частицы проявляются наиболее ярко. Это касается переходных явлений, то, как уже отмечалось выше, в лингвистической литературе нет единого мнения о квалификации служебного слова «и», в данных конструкциях. Одни ученые считают их бессоюзными (В.А. Мишланов), другие квалифицируют такие предложения как СС открытой структуры (Г.В. Валимова), а третьи говорят о том, что перед нами частица «и».

Соединительный союз «и», оформляющий сочинительные отношения в высказывании, выражает смысловые и синтаксические связи между однородными членами предложения, частями сложного предложения. В отличие от союза частица «и» используется для выражения определенных оттенков значения, возникающих в результате соединения данной частицы с отдельным словом, группой слов или предложением в целом, без указания грамматической связи уточняемых слов с другими словами. В семантическом

отношении для частицы «и» характерно подчеркивание смысла определенного слова и предложения в синтаксическом же плане соотносённость только с одним членом предложения или с предложением в целом, тогда как для союза характерна соединительная, присоединительная и связующая функции.

В отдельных случаях частица «и», устанавливая смысловое соотношение между двумя словами или предложениями, приближается по своей функции к союзу. «Союзный потенциал» частицы «и» в этом случае оказывает влияние на появление дополнительных оттенков значения в семантике сложного предложения в целом. «Функции соединителя двух сообщений или их частей... и уточнителя какого-либо компонента сообщения (функция частицы) – пишут по этому поводу М.И. Черемисина и Т.А. Колосова, – могут выполняться одной и той же языковой единицей» [Черемисина М.И., Колосова Т. А., 1987: 99]. Подобная полифункциональность частицы «и», на наш взгляд, определяется её парадигматической и синтагматической диффузностью, её функциональной противопоставленностью союзам.

С другой стороны, союзная функция, сама по себе, включает в себя и функцию частицы [Слободская Э.И., 1987: 90].

Можно с уверенностью сказать, что способность служебного слова «и» выполнять и союзную функцию, и функцию частицы является также отражением одного из самых существенных процессов в лексике и грамматике современного русского языка, – а именно процесса «втягивания» в категорию союзов частиц, которые начинают выполнять необычную для них функцию связи предикативных частей сложного предложения.

Таким образом, служебное слово «и» обладает признаками и частицы, и сочинительного союза. Именно поэтому, как нам представляется, И.В. Кичева, анализируя уступительные конструкции, квалифицирует неполнозначное слово «и» как компонент составного союза, не называя его ни частицей, ни союзом [Кичева И.В., 1998].

Итак, «и» широко используется как в роли союза так и в роли

синкретичного союза-частицы, совмещающего функции союза и частицы, то есть в роли союза-частицы. Кроме того, служебное слово «и» широко используется как в простом, так и в сложном предложениях не только при сочинении, но и при подчинении, осложняя подчинительный союз и внося новые оттенки значений. При этом «и» иногда вносит в значение те оттенки, которые типичны для него в ССП как сочинительного союза. Все эти свойства служебного слова «и» должны быть указаны при его лексикографическом описании.

4.2. Релятивные свойства частицы «и»

Наряду с союзом «и» в русском языке существует и усилительная частица «и». Ср.: *Ему позвонили, он и приехал; Все ушли, ушёл и брат*. Связаны ли в лексической системе современного языка союз «и» и усилительная частица «и»? Толковый словарь русского языка под редакцией Ушакова [Толковый словарь русского языка, 1935-1940] считает их лексемами одного слова. На сходство этих единиц указывается и в лингвистической литературе, см., в частности, [Николаева, 1985]. Однако МАС считает эти единицы омонимами [МАС, 1985-1990]. При этом ни то, ни другое решение не имеет надежного семантического основания не предъявлено такое описание семантики союза и усилительной частицы «и», из которого можно было бы делать вывод о наличии или отсутствии у этих единиц какой-либо семантической близости.

Для служебных слов важным является вопрос о том, какое из них, союз или частица, является первичным по происхождению. Решение этого вопроса необходимо для точного, полного лексикографического описания, для установления дефиниций и их иерархий, а также разграничения омонимичных служебных слов.

Одна из функций частицы «и» в монологическом тексте – участие в организации его связности. В этом отношении она близка другим связующим компонентам высказывания – к союзам, вводным словам союзного характера. «Некоторые частицы, – пишет в связи с этим Е.А. Стародумова, – способны передавать довольно определённые синтаксические отношения и

приближаются в ряде случаев к союзам» [Стародумова Е.А., 1981:112]. То же можно сказать и о некоторых союзах.

Союзы оформляют синтаксические отношения, в основе которых лежит определенная логическая связь (сопоставление, противопоставление, причина и следствие, условие и результата и т.д.), а частицы – это показатели оценочных, субъективно-модальных значений, акцентирующие те компоненты текста, смысл которых особенно важен в общем содержании.

Выделительный и усилительный оттенки, реализуемые частицей «и», свидетельствуют о полном обособлении ее от союза, об утрате с ним соотносительности; оттенки же присоединительности, соответствия/несоответствия, следствия, наоборот, говорят о близости частицы «и» к союзным средствам, о совмещении в отдельных случаях значения частицы с значением союза.

Именно параллельно с рассмотрением союзов мы встречаем замечания о частице «и» в работе А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении». Все соединённые сочинительными союзами члены должны быть сочинены или соподчинены, а не включены, то есть должны все относиться к одному и тому же общему члену ... «Там, где сочинение или соподчинение невозможно, невозможен и союз; нельзя, например, сказать «* Я подошёл к дому и отца» (если только не переводить союз в усилительное слово в смысле «и к дому отца») ... » [Пешковский А.М., 1956: 441].

А.М. Пешковский отмечает отличие «и» в роли союза от «и» в функции частицы, называя частицу «и» «усилительным словом» и подчеркивая возможность соединения в ней и усилительного и союзного значений.

В качестве самостоятельного разряда слов частицы были выделены акад. А.А. Шахматовым, который частицу «и», в частности, рассматривает как препозитивную и иллюстрирует ее значение одним примером: «*Он и плясать и плясать*» [Шахматов А.А., 1941: 507].

Академик В.В. Виноградов включает частицу «и» в число усилительно-ограничительных и укачивает на возможность ее употребления в функции

присоединительной частицы [Виноградов В.В., 1972: 668].

В учебных и академических пособиях по современному русскому языку частица «и» квалифицируется как усилительная, которая также может выступать в функции выделения [Современный русский язык, 1987: 245], то как эмоционально-выделительная [Крючков С.Е., Максимов Л.Ю., 1977: 6168].

«Грамматика русского языка»-80 отмечает данную частицу среди таких, которые подчеркивают сообщение или какую-то его часть и, в свою очередь, вносят эмоциональные и другие оценки, выражают непосредственную реакцию говорящего [Русская грамматика, 1980: 728].

Более детальный анализ частицы «и» предлагается в «Очерках по синтаксису русской разговорной речи» Н.Ю. Шведовой. В конструкциях с частицей «и» данным исследователем выделены следующие значения.

- «1) следственной обусловленности,
- 2) соответствия или своевременности («именно», «как раз»),
- 3) акцентирования (с разными оттенками),
- 4) усиления и
- 5) уступительного противопоставления» [Шведова Н.Ю., 1960: 179].

Н.Ю.Шведова также отвечает: «Предлагаемый обзор наиболее распространенных в разговорной речи предикативно значимых построений с частицей «и» не является полным: исследование конструкций с этой частицей должно быть предметом специальной большой работы» [Шведова Н.Ю., 1960: 179].

Исследования Н.Ю. Шведовой легли в основу классификации, предложенной Е.В. Урысоном. Он считает, что союз «и» и частица «и» являются одним и тем же словом. «Разные значения частицы объединяются в блоки с каким-то значениями союза – семантическая общность этих единиц оказывается сильнее, нежели их частеречная разъединённость и различие в коммуникативных функциях» [Урысон Е.В., 2000: 113].

По мнению Е.В. Урысона, частица «и» имеет следующие значения:

- «и» включения во множество»

Веснушки исчезли, но ведь и я тоже исчез (И. Ильф, Е. Петров. Светлая личность); У него дифтерит носовой полости ... Уже и сердце неважно работает (А. Чехов. Попрыгунья);

- «и» нормального развития событий»

Какой пример подданным подаст государь – так они и будут поступать, правда матушка (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой).

- «и» единства времени и места»

Только подумала о вас, а вы и пришли (Е. Мецкерская. Жизнь некрасивой женщины);

Следует отметить, что, обсуждая такого рода примеры, Н.Ю. Шведова говорит о «временном совпадении» ситуаций и раскрывает семантику частицы «и» через «как раз». Е.В. Урысон отмечает, что указывая «на единство времени и места ситуаций, частица «и» придает тексту особую спаянность. Она в определенной степени сближается с лексемой – союзом «и» нормального развития повествования, образуя с ней единый блок» [Урысон Е.В., 2000: 115].

- «и» собственно дейксиса»

Не знаю кого и пригласить (Е. Мецкерская. Жизнь некрасивой женщины); Данное употребление частицы «и», наиболее близкое к лексеме «и единства времени и места».

Согласно Е.А. Широковой, при описании функций частицы «и» недостаточным оказывается их выявление только как результат взаимодействия данной частицы с отдельным словом, группой слов или предложением в целом (метод, примененный А.В. Знаменской). Для этих целей должно быть еще использовано такое понятие, связанное с коммуникативной организацией предложения, как рема [Широкова Е.Г., 1982: 172]. Частица «и» относится к слову или группе слов, являющейся ремой. Если частица «и» ставится тогда, когда в реме выражается старая информация, то этот факт может расцениваться как нарушение презумпции, поскольку слушающий ожидает,

что в реме будет сообщена новая информация. Ср.: *Он-то и открыл им дверь.*

Реме свойственно также передавать и новую информацию. Предложение, в котором О-рема, имеет презумпцию: в О совершается новое. Если эта презумпция нарушается, то предложение оказывается семантически аномальным. У слушающего возникает ощущение, что говорящий не знает, что именно известно слушающему. Употребление адресантом частицы «и» показывает адресату, что первый понимает, что сообщаемая информация известна последнему, но он сознательно её сообщает с какой-либо целью (например, чтобы подтвердить и уточнить предположения слушающего об этой информации. Ср.: *Меня пригласили, я и пришел*). В этом случае функция частицы «и» связана с презумпцией о новизне сообщаемого в реме. Таким образом, с коммуникативно-функциональной тощей зрения, частица «и» рассчитана на изменение презумпции у слушающего, нарушение первоначальной презумпции. Эта функция, как указывает Е.А. Широкова, является основной для усилительных частиц в целом [Широкова Е.Г., 172].

Частица «и», как частица усилительная, может присоединяться к компонентам любой грамматической природы, выполняющим различные функции в предложении. Она всегда предшествует тому члену предложения, к которому относится, выступая как актуализатор. Особенно характерно, как замечает Н.В. Усова, положение «и» перед местоимением [Усова Н.В., 1982: 45]. Частица «и» выделяет анафорическое местоимение, которое само по себе не информативно, так как имеет тот же референт, что и подлежащее (или другой член предложения) в первой части. Без «и» местоимение было бы темой высказывания, частица делает его рематичным.

Оттенок усиления, реализуемый частицей «и», может быть интенсифицирован за счет частицы «даже». Согласно А.Е. Орлову, сочетание «даже и» выступает в качестве частицы, если в контактном сочетании ярко выражена усилительно-кульминационная функция [Орлов А.Е., 1978. 109]. В таких случаях сочетание не выражает связи того элемента текста, к которому

оно относится, с предыдущим или последующим предложениями, не связывает членов или частей предложения. Например: *Но когда, по временам, даже и в нём поднимался какой-то тусклый голос, который бормотал, что все-таки разрешение семейного спора самоубийством- вещь по малой мере подозрительная, тогда он выводил на сцену целую свиту готовых афоризмов...* " (М. Салтыков-Щедрин). \

В семантическом единстве «даже и» \ «даже» оказывается усилителем второй степени, её можно назвать «усилителем усилителя» [Орлов А.Е., 1978: 109].

Таким образом, одни из оттенков (выделительный, усилительный) свидетельствуют о полном обособлении её от союза, о полной утрате с ним связи и соотносительности; другие (присоединительный, соответствия / несоответствия), напротив, говорят о близости частицы «и» по выполняемой функции к союзу. Анализ семантико-синтаксических условий совмещения значения частицы «и» со значением омонимичного союза, с одной стороны, и возможность перехода в современном русском языке союза «и» в разряд частиц при соответствующих сдвигах в семантике – с другой, составляет актуальную задачу синтаксиса русского языка, заключающуюся в исследовании всех способов структурных отношений, создающих внутреннее единство предложения.

Как усилительная частица «и» используется в предложениях, которые представляют собой отрицательный ответ на вопрос общемодального характера. Это отрицательные конструкции с частицей «не». Такого же рода отрицательный ответ может быть и в том случае, если адресат настаивает на каком-то действии:

- ... *Но по моему глубокому убеждению, другого выхода нет...*

- *И не соблазняйте, даже и не говорите.* (М. Булгаков, *Собачье сердце*).

В такие диалогические реплики, где настояния адресанта отвергаются собеседником, «и» вносит оттенок характера категорического отрицания, простота:

- Ты даже не узнал принцип его работы, а сразу - бредятина!

- И узнавать не хочу! (В. Шукшин, Упорный).

«И» может наблюдаться во второй реплике диалога, в тех случаях, когда предшествующая реплика представляет собой отрицательное предложение:

- Не бойся.

- А я и не боюсь (П. Краснов, Цесаревна)

В других отрицательных контекстах типа:

Я и не знала о ...

Я и не подозревала о ...

Я и не думала о ...

Я и не мечтала о ... и т.п. «и» предполагает множество ситуаций, аналогичных данной.

Такие отрицательные контексты сходны с неотрицательными. Ср.: *Наконец вошел и он, весь пропитанный морозным свежим воздухом* (Е. Мещерская. *Жизнь некрасивой женщины*) – т.е. в комнату вошло несколько человек, к которым он и присоединился; *Он и не подозревал о существовании этой комнаты* (П. Краснов. *Цесаревна*) – отрицание данной ситуации приводит к мысли о существовании других ситуаций. Действительно, если субъект не подозревал о существовании комнаты, то он не мог интересоваться ей и заходить в нее.

Следует отметить, что в таких отрицательных конструкциях частица «и» синонимична лексеме «даже». *Размышляя таким образом, я и (даже) не заметил как оделся* (М. Булгаков. *Вьюга*): *Да как независима, на бывшую царицу и (даже) не глядит* (А. Алексеева. *Кольцо графини Шереметьевой*); *Я, браток, повоевал так, как тебе, пожалуй, не придется, да я тебе и (даже) не желаю* (М. Горький. *Рассказы о героях*).

В простых предложениях частица «и» может выполнять функцию актуализации семантики контактного с ней компонента: *А тот знает и сам не рад своему счастью* (М. Зощенко. *Серенада*); *Однако, не посидев и десяти минут, проговорила: «Пора фриштыкать»* (А Алексеева. *Кольцо графини*

Шереметьевой); Я, может быть, и за пять лет не успею этого сделать (И. Ильф, Е. Петров. Светлая личность); Проследили и его: оказался - московский журналист Топорков (А. Толстой. Похождения Невзорова или Ибикус).

Здесь, происходит акцентуация семантики того слова, перед которым стоит «и»: *и сам; и десяти минут; и за пять лет; и его.*

В роли актуализирующей частицы «и» выступает в сочетании со сравнительной степенью наречия. «И» выражает сравнение интенсивности качества или действия с интенсивностью предыдущего действия или действия, которое выполняет другой субъект: *Он нарисует и красивее.* Причем, действие представлено в будущем времени, или так или иначе устремлено в будущее. «И» в последнем случае выражает возможность более интенсивного проявления действия или признака: *Машина может ехать и быстрее.*

Частица «и» может выражать в предложении «единство времени и места» [Урысон Е.В., 2000: 6114-115]. *И вот плыву я грустный на пароходе, а капитан мне и говорит: ... (М. Зощенко. С луны свалился).* Именно наличие частицы указывает на единство времени и места двух событий. Ср.: *И вот плыву я грустный на пароходе, а капитан мне говорит: ....*

«Допускается, чтобы «единство времени и места» понималось не вполне буквально. Достаточно, например, чтобы одна ситуация следовала за другой через относительно небольшой промежуток времени: *Так садись, пиши просьбу, завтра и подашь (И. Гончаров)*» [Шведова Н.Ю., 1960].

Указывая на «единство времени и места», «и» придаёт предложению особую спаянность.

Известно также, что «русское «и» обладает способностью активно вступать в соединение с другими частицами, образуя комплексы, которые одни авторы считают соединениями частиц, а другие – единой сложной частицей. Ср.: так и, вот и даже и, и то, и тот» [Николаева Т.М., 1985: 37].

Союз «и» легко превращается в часть составной частицы или союза.

Например «И вот купил часы» (В. Шукшин. Упорный) – сочетание «и вот» передаёт информацию о переходе к новому событию. Ср.: «Вот и купил часы» – переход к ожидаемому событию, как результату необходимости. «Вот купил часы и пошёл домой» – переход к ожидаемому, о в то же время, в известной мере неожиданно начавшемуся событию.

Как было видно из примеров, в сочетаниях с «и» играет роль его позиция по отношению к основной частице. В зависимости от этого меняется семантика самого служебного сочетания. Анализ художественных текстов показал, что чаще всего встречаются следующие составные частицы:

Умён, велик Пётр Алексеевич, да только ведь и он не Бог – обошлись ли тогда без оплошек (А. Алексеева. Кольцо графини Шереметьевой); Вот вам и слава, доктор, поздравляю (М. Булгаков. Стальное горло); Так же! Так и нужна им твоя деревня! (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).

А народу, господа, осталось одна четверть в России, да и те в леса разбежались (А. Толстой. Похождения Невзорова или Ибикус); И мало того человек ежедневно пищу жрёт, а ещё и костюмы носит, и пьёт, и в баню

ходит; Вот тут и проводи режим экономии (М. Зощенко. Отчаянные люди); Будто невидимый уже и не человек (И. Ильф, Е. Петров. Светлая личность).

Отнесенность «и» к союзу или частей составной частицы выражается в линейном расположении: в качестве союза слово «и» предшествует линейно конкретизатору.

Ср.: И вот раз в глухую полночь они поднялись от сна... и пошли в чащу (В. Короленко. Фёдор Бесприютный), где «и» союз в составе ССЦ. И Вот и лежащая плаха. Под нею краснеет шерсть прихлопнутого зверя (В. Короленко. Сон Макара), где слово «и» часть составной частицы, в которой оно всегда следует за частицей «вот» и которая актуализирует семантику слов, следующих за ней.

Итак, анализ языкового материала показал, что дефиниции «и», представленные во многих толковых словарях, дают поверхностное и далеко не полное описание функциональных особенностей служебного слова «и». Отсюда перед лексикографами можно поставить такие задачи:

- 1) задачу отражения в словарной статье условий функционирования слова «и» в разных служебных функциях (в роли союза, частицы, союза-частицы);
- 2) фиксацию особенностей взаимодействия служебного слова «и» с семантикой подчинительных союзов, с которыми оно сочетается;
- 3) описание условий появления экспрессивности и коннотаций, вносимых союзом-частицей «и»;
- 4) включение в дефиниции слова «и» его синонимии и описания места данного служебного слова в системе других служебных слов.

Все эти проблемы грамматико-логического и лексикологического описания «и» обусловлены многообразием его функционирования и семантики, но, к сожалению, в Толковых словарях не отражены или отражены частично.

Думается, что частица «и» и слово «и» как часть составных частиц должно быть описано в отдельной словарной статье. Ибо функции «и» как

отдельного слова в результате ассимиляции здесь полностью поглощаются семантикой сложного образования, частью которого они являются.

Отдельно должны быть описаны семантика и функции «и» как имеющего тенденцию слияния с отдельными подчинительными союзами и союзными словами.

Существенным кажется и представление о Словаре омосинтаксичных структур, обслуживаемых союзом «и», и представляющих собой конструкции с сочиненным рядом предикатов-сказуемых, а также слитных сочинённых структур, выражающих в совокупности одно гиперпонятие или сложное событие. К сожалению, такие функции в словарях не указаны.

Как отмечала Т.Х. Каде, в языке «процессы преобразований функций связаны с процессами преобразования ресурсов» [Каде Т.Х, 1997: 22]. Это явление мы наблюдаем на примере союза «и», которое, как отмечают исследователи, «все более обогащается» конкретизаторами передаваемых им значений» [Черемисина М.И., Колосова Т.А., 1987].

Кроме того, «и» вклинивается даже в сферу подчинения, образуя единства с подчинительными связующими средствами.

Слово «и» таким образом, обладает множеством значений и функций, оставаясь в сфере служебных слов, обслуживающих все синтаксические уровни.

Слово «и» по своей семантической структуре оказывается сложнее отношений, выражаемых им в конкретном предложении. Его семантическая структура, скорее всего, представляет собой тот комплекс значений и функций потенциально существующих и закреплённых за ним в языке.

Слово «и» реализует свою семантику только в высказывании или тексте, и только через то синтаксическое окружение, в котором оно оказывается в каждом случае. Придавая слову или предикативной единице способность так или иначе реализовать те или иные отношения, слово «и» как представитель особого с структурного типа языковой единицы (союза или частицы), выделяется благодаря его отношениям и взаимодействию с другими

языковыми единицами – предикативными частями СП, самостоятельными предложениями и словоформами. Слово «и» обеспечивает соотношение этих единиц с определенными концептами мысли. При этом в силу тенденции к экономии и в силу изосемичности единиц языка, один и тот же мыслительный концепт, например, концепты соответствующие отношениям соединения и суммирования, позволяют слову «и» передавать эти отношения как между словоформами, так и между предикативными единицами в ССП и ССЦ.

Слово «и» представляет собой некоторый функциональный тип слова, который, с точки зрения его функций в языке, можно рассматривать как нечто единое – объединение его в единый тип в силу закреплённости за ним определенных языковых функций и потенциальных значений, которые могут находить свое выражение лишь в составе высказывания или текста, в сочетании с другими языковыми единицами, участвуя как элемент этого сочетания в воспроизведении какой-то мысли.

Слово «и» – общий структурный тип более сложных языковых единиц, хотя оно и не является в изолированном виде (само по себе) средством выражения определенной мысли, но является лишь потенциальным ее носителем.

Такое расхождение между значением «и» и его потенциями позволяет говорящему использовать его в разнообразных языковых условиях, обходясь одним этим словом для выражения разных отношений (однородности, соединения \ суммирования и др.), и отношений между единицами разных уровней, отношений, которые изменяются за счет соотношения содержания соединяемых словом «и» компонентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ конструкций со служебным словом «и» подтвердил полифункциональность данного служебного слова и позволил установить, что оно сможет выступать в предложении как союз, частица и как союз-частица, т.е. как служебные слова омонимичные друг другу.

Семантическая структура служебного слова «и» реализуется в конструкциях разного типа, в том числе и в предложениях, лежащих на зоне переходности. Типология конструкций, в которых слово «и» способно реализоваться как союз, частица или союз-частица, включает в себя разновидности как простых, так и сложных предложений.

Так, наш анализ показал, что отношения суммирования в сфере ССП используются значительно реже, чем соединение (при однородном соподчинении суммирование составляет всего 15% от общих отношений однородных придаточных с союзом «И»).

В то же время в сфере однородных словоформ суммирование и соединение в количественном соотношении одинаково распространены, т.е. «И» в сфере отношений суммирования преимущественно распространено в простом предложении. То есть одна и та же функция «И» может на разных уровнях синтаксиса проявляться с разной интенсивностью.

Кроме того, есть функции «И», специфические лишь для одного синтаксического уровня. Такова функция «И» в простом предложении, где оно соединяет сказуемые, обозначающие фактически в совокупности одно сложное действие. Только в ССЦ употребляется «И» в сочетании с некоторыми конкретизаторами и т.п. Многие из конкретизаторов не употребляются в ССП, части которых распределены между разными репликами.

Наше исследование приводит к выводу, что, познав отдельные свойства языковой единицы, необходимо установить её связи с другими единицами, реализующимися в процессе её функционирования, выявлять, уточнять, её системный характер и по возможности создать системную модель уровня её связей и отношений, а также закономерностей ее функционирования,

сформированными на основании наблюдений над конкретными фактами. Кроме того, становится ясным, что применительно к исследованию полифункциональных языковых единиц, в круг последних представляется возможным включить не только те из них, которые в зависимости от условий употребления варьируют свое значение и функции, но и те, которые способны, сохраняя свое общее значение, функционировать (в силу тенденции к экономии языковых средств) на разных уровнях языка, ибо эмпирическая категоризация сущности объективных фактов и их отношений, объективируется в языковых категориях. Функциональные возможности, заложенные в языковой единице, определяются ее связями и отношениями с соответствующими общими, статическими универсальными когнитивными моделями и их способностями проецироваться и реализоваться в языке с помощью данной (одной и той же) единицы (в данном случае слова «и») на разных синтаксических уровнях.

Когнитивные же модели сами могут варьироваться, сохраняя мыслительный инвариант (таково инвариантное значение сходства, присущее конструкциям с союзом «И», и вариативные значения соединения и суммирования, соответствующие каждое своим вариативным моделям сочинения в языке).

Семантика и функции слова «И» - открытая система, позволяющая ему переходить из системы союзных средств в систему экспрессивных частиц, а также занимать переходную позицию в сфере частей речи.

Слово «И» в конструкциях неоднородного состава легко обрастает «путчиками», что наблюдается как в случаях его союзных функций, так и в составе неоднословных частиц. Сочетания союза «И» с лексическим конкретизатором выполняют функции, свойственные сочинительной союзной связи: во-первых, они являются показателями сочинённости частей сложного предложения, во-вторых, эти сочетания, становясь неотъемлемыми оформителями синтаксической конструкции, выражают определенные отношения между её частями. Если сложносочиненное предложение имеет

один показатель связи – сочинительный союз «И», то этот союз и выполняет отмеченные функции; если же части ССП объединяются союзным сочетанием «служебное слово «И» + конкретизатор», то эти функции могут по-разному распределяться между собственно союзом и его лексическим конкретизатором.

В союзном сочетании функции между союзом «И» и его лексическим конкретизатором могут распределяться следующим образом: союз «И» всегда является показателем сочинительной связи, а лексическим конкретизаторам эта функция не всегда свойственна, исключение составляют лишь некоторые слова, способные быть самостоятельными союзами. Лексический конкретизатор может акцентировать одно из частных значений, свойственных союзу «И»; в этом случае он факультативен. Лексический конкретизатор может активно участвовать в выражении семантико-синтаксических отношений; в этом случае, он обязателен.

Различное распределение функций между союзом «И» и его лексическим конкретизатором определяет и различную степень слитности компонентов союзного сочетания. Наиболее высока она тогда, когда оба компонента необходимы для организации сложносочиненного предложения. В этом случае можно говорить уже не о союзном сочетании, а о составном союзе.

Думается, что функция сочинительного союза «И» шире, чем соединение синтаксически однородных структур, и включает в себя еще одну функцию – выражение сходства значений соединяемых им компонентов. В современном русском языке союз «И» переходит в разряд служебных слов, имеющих значение сходства, соединения и суммирования. В силу этого наблюдаются некоторые изменения в структуре сочинительной связи в предложениях с этим союзом. Например, если союз «И» употребляется в сложносочиненных предложениях, имеющих значения следования, следствия, то обязательным становится использование конкретизаторов типа **потому, поэтому, оттого, тогда, тем самым, таким образом, стало быть, вот, вот почему и т.д.** Союз «И», сигнализирующий о каком-то различии соединяемых

компонентов, в этих случаях вступает в противоречие с семантикой лексических конкретизаторов, которая согласуется только с частными значениями сочинительной связи.

Если при исследовании служебного слова «И» ориентироваться на функциональный подход, то есть стремиться объяснить наблюдаемые явления, то неизбежным оказывается выход в «экстралингвистические» сферы и поиск когнитивных объяснения употребления союзных конкретизаторов, которые расширяют объём фиксируемых в языке семантико-синтаксических отношений, выражаемых союзом «И». В основе выбора говорящим того или иного конкретизатора союза «И» лежит способность этого компонента выражать разнообразные модусные смыслы, экспрессивно выделяемые и усиливаемое словом «И». Спектр значений очень широкий: акцентирование неожиданности, внезапности, противоположность ожидаемому, быстрое или мгновенное следование событий и т.д. Частицы-конкретизаторы, стоящие рядом с союзом «И», выполняют не связующую функцию, а свою функцию, именно функцию, близкую к частице, потому что они свободно перемещаются в составе сложносочинённого предложения. Можно с уверенностью сказать, что значение союза-инварианта «И» дифференцируют грамматикализировавшиеся конкретизаторы вот, вдруг, тогда, оттого, потому и т.д., способные передавать тончайшие семантические оттенки синтаксического смысла предложения. Тенденция к расширению и активизации однозначных союзных соединений «служебное слово И» + конкретизатор» влияет на сокращение полифункциональных связывающих средств. В конструкциях с союзами, содержащими элемент «И», реализуется модальная перспектива, отвечающая авторскому видению динамики описываемой ситуации.

С другой стороны, на примере анализа предложений с союзным соединением «служебное слово И» + конкретизатор» можно сделать вывод о том, что не следует связывать союзный элемент, даже, казалось бы,

семантически однозначной и узко специализированной, только с одним типом смысловых отношений и квалифицировать смысловые отношения в сложносочинённом предложении союзного средства. В некоторых типах ССП это союзное средство может быть употреблено как сигнализатор асимметрии грамматической и семантической структуры данного предложения.

В заключении хочется отметить, что динамизм структурно-синтаксического аспекта анализируемых единиц свидетельствует о том, что исследование служебного слова «И» и его системных отношений ещё не исчерпано.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного русского языка: Система отношений и система построений. – Л., 1973.
2. Андреева И.П. Роль частиц, оформляющих синтаксические связи и отношения между положениями и тексте // Неполнозначные слова как средство оформления в синтаксисе: Межвуз. сб. науч. тр. – Ставрополь, 1988 – С. 3-20.
3. Андрамонова Н.Н. К вопросу о союзности частицы // Учен. зап. Казан. ГПИ. – 1976. – № 161. – С. 34-42.
4. Анощенко В.Н. Диалогические единства с сочинительной связью в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1991.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М., 1974.
6. Апресян Ю.Д. Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика. – М., 1991. – Вып. 32.
7. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995. – Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
8. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967.
9. Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. – М., 1979.
10. Бабалова Л.Л. Об употреблении союзов и, а, но в сложном предложении // Рус. яз. за рубежом. – - 1980. – № 4.
11. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой, В.В.Лопатиной. – М., 1989.
12. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. – М., 1967.
13. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М., 1977.
14. Брутян Л.Г. Лингвистический анализ языковых выражений конъюнкции. – Ереван, 1983.

15. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык. – М., 1964.
16. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М., 1978.
17. Валимова Н.В. Предложение как единица языка и речи // Вопросы изучения русского языка и речи // Вопросы изучения русского языка. – Ростов н/Д, 1964.
18. Валимова Г.В. Сложное предложение и сочетание предложений // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – М., 1975.
19. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений. – Ростов н/Д, 1967.
20. Валюсинская Э.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. – М., 1979.
21. Ван Дейк Т. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. VIII: Лингвистика текста.
22. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. VIII: Лингвистика текста.
23. Вежбицка В. Из книги «Семантические примитивы»: Введение // Семиотика. – М., 1983.
24. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1970. – Вып. V.
25. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // АН СССР. Пушкинская комиссия. – Временник 2. – М.; Л., 1936. – С. 74-147.
26. Виноградов В.В. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин – родоначальник новой русской литературы. – М.; Л., 1941. – С. 543-605.
27. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.; Л., 1947.
28. Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т.2: Синтаксис. – Ч. 1.

29. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
30. Гаврилова Г.Ф. Усложненное сложное предложение в современном русском языке – Ростов н/Д, 1979.
31. Гаврилова Г.Ф. Сочинение в усложнённом предложении // Функциональный анализ синтаксических структур: Сб. науч. тр. – Иркутск, 1982.
32. Гаврилова Г.Ф. Сложносочинённые односубъектные единства и их функционирование в составе полипредикативных сложных конструкций // Сложные элементарные и полипредикативные предложения. – Калинин, 1983. – С. 66-74.
33. Гаврилова Г.Ф. Сложносочиненное предложение и связный текст // Рус. яз. в шк. – 1984. – №2. – С. 93-97.
34. Гаврилова Г.Ф. Функционирование сложносочиненных предложений в тексте // Сложное предложение в тексте: Межвуз. темат. сб. науч. тр. – Калинин, 1988. – С. 4-16.
35. Гаврилова Г.Ф. Функции сочинительных союзов в простом и сложном предложениях // Функции и условия употребления связующих средств в современном русском языке. Тюмень, 1987. – С. 6-18.
36. Гаврилова Г.Ф. К вопросу о лексикографическом описании сочинительных союзов // Неполнозначные слова и проблема их функционального и лексикографического описания: Межвуз. сб. науч. тр. – Ставрополь, 1993. – С.11-18.
37. Гаибова М.Т. Присоединительные конструкции и их стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973.
38. Гамбург Н.И. Вариативность знаков препинания и семантика предложения // Семантические переходности. – Л., 1977.
39. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики – 1971. – М., 1972.

40. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию. – М., 1958. – С. 103-124.
41. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. – М., 1964. – Ч.2.
42. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
43. Гетман И., Ломтева Л. Синтаксическая однородность как актуализатор значения слова // Синтаксические отношения в предложении и в тексте. – Иваново, 1984.
44. Горина И.И. Союзные присоединительные скрепы с уточняющим значением как средства связи между самостоятельными предложениями в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1989.
45. Гирке В.К. К вопросу о функциях слов и, тоже и также // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. XV. – С. 81-100.
46. Грамматика русского языка. – М., 1952. – Т.1.
47. Грамматика русского языка. – М., 1960. – Т.2.
48. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1960. – Т.2. – Ч. 1.
49. Гудиева Р.К. Разнофункциональные компоненты предложения, связанные отношениями сочинения, в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1979.
50. Гудименко Н.П. Несвободные конструкции сложных предложений с союзом «и» // Современный русский язык: Актуальные вопросы лексики и грамматики. – М., 1975.
51. Дмитриева Л.К. Вторичная предикация при однородности и выделение текстообразующих потенций осложненного предложения // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. – Л., 1988. – С.127-139.
52. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
53. Знаменская А.В. Частица И в современном русском языке // Учен. зал.

- Смолен, гос. пед. ин-та. – Смоленск, 1964. – Вып. XII. – Ч. 1: Вопросы грамматики русского языка и методики его преподавания.
54. Знаменская А.В. Союз что в современном русском языке // Науч. тр. Кур. пед. ин-та. – 1977. – С. 132-140.
  55. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
  56. Золотова Г.А. О новых возможностях лексикографии // Вопр. языкозн. – 1994. – № 4. – С. 85-95.
  57. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1982.
  58. Золотухина Т.В. О смысловых отношениях сочинительного типа между репликами диалогической речи // Синтаксические отношения в предложении и в тексте. – Иваново, 1984.
  59. Исаева Л.А. О средствах выражения имплицитных смыслов художественного текста // Текст и методика его анализа. – Харьков, 1994. – Ч.2.
  60. Исламова Н.П. Сложносочиненные предложения фразеологизированной структуры в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1983.
  61. Камынина А.А. Приращенные значения предикативных прилагательных и основная позиция обособленного атрибута // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. – Красноярск, 1986. – С. 19.
  62. Каде Т.Х. Проблема потенциала русского языка // Потенциал русского языка: Проблемы и решения. – Краснодар, 1997. – С.22.
  63. Капралова Л.К. Смысловая емкость сложносочиненного предложения // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. – Красноярск, 1986. – С.43.
  64. Карцевский С.О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // Вопр. языкозн. – 1961. – № 2.
  65. Кавдельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.

66. Киклевич А.К. Семантика союза «и» и синтаксическая неоднородность // Семантика служебных слов: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1982. – С.82.
67. Киселев И.А. Частицы в современных восточно-славянских языках. – Минск, 1976.
68. Киселева Н.П. Союзы и контекст // Синтаксические связи в русском языке; Межвуз. темат. сб. – Владивосток, 1981. – С.68-78.
69. Кичева И.В. Уступительные конструкции, оформляемые составными союзами с компонентом «и» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 1998.
70. Клопова Е.С. Способы синтаксической дифференциации членов сочинительного ряда: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986.
71. Колосова Т.А., Черемисина М.И. О принципах классификации сложных предложений // Синтаксис предложения. – Калинин, 1983. – С.3-11.
72. Котова Э.Н. Основные значения союза «и» в научном стиле речи // Русский язык: Особенности стиля научной речи. – Л., 1971. – С.29-37.
73. Крейдлин Г.Е. Служебные слова в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979.
74. Крейдлин Г.Е. Служебные и строевые слова // Семантика служебных слов: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1982.
75. Крейдлин Г.Е., Поливанова А.К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопр. языкозн. – 1987. – № 1.
76. Кручинина И.Н. Textoобразующие функции сочинительной связи // Русский язык: Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. – М., 1984. – С.204-210.
77. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М., 1988.
78. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1977.
79. Кузнецова Р.Д. Сочинительные и подчинительные союзы: значения, функции, строение // Гуманитарные науки на границе тысячелетий. –

- Краснодар, 1997. – Ч.2. – С.38-44.
80. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974.
81. Ларина Е.А. Сложносочиненное предложение в русском литературном языке II половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1987.
82. Левин Ю.И. Об одной группе союзов русского языка // МП и ПЛ. – М., 1970. – Вып. 13. – С.64-88.
83. Левицкий Ю.А. К определению семантики сочинительных союзов // Тез. VI всесоюз. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1978. – С.105-107.
84. Левицкий Ю.А. Семантика русских сочинительных союзов // Проблемы структурной лингвистики - 1978. - М., 1981. – С.83-91.
85. Левицкий Ю.А. Проблемы сочинения. – Пермь, 1980.
86. Левицкий Ю.А. Сочинение в синтаксической системе языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
87. Леденев Ю.И. Неоднозначные слова и аспекты их лексикографического описания // Неоднозначные слова и проблема их функционального и лексикографического описания. – Ставрополь, 1993. – С.3-11.
88. Леденев Ю.И. Неоднозначные слова как средства оформления синтаксических конструкций, связей и отношений // Неоднозначные слова как средства оформления в синтаксисе: Межвуз. сб. науч. тр. – Ставрополь, 1988. – С.3-20.
89. Леденев Ю.И. Состав и функциональные особенности класса неоднозначных слов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М. 1973.
90. Леденев Ю.И. Неоднозначные слова как средства связи на различных уровнях синтаксиса // Неоднозначные слова как средства связи: Межвуз. сб. науч. тр. – Ставрополь, 1985. – С.3-17.

91. Лейкина Б.М. Некоторые функции слова и // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. – Л., 1979. – Вып. IV, – С.38-46.
92. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1986.
93. Леонтьев А.П. Моносубъектные полипредикативные конструкции современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1982.
94. Лютц И В. Составные частицы с компонентом «вот» в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992.
95. Ляпон МВ. Смысловая структура сложного предложения и текст. – М., 1986.
96. Майданский М.Н. Соединительные сочетания разноименных членов предложения // Рус. яз. в шк. – 1965. – № 5. – С.69.
97. Малычева Н.В. Сложносочиненное синтаксическое целое с сочинительным союзом в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1994.
98. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.; Л., 1945.
99. Михеева Н.С. К вопросу о границах простого и сложного предложения в современном русском языке (Явление однородности в составном сказуемом. «Нечленимые» сказуемые): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1974.
100. Мишланов В.А. О разграничении синкретичных недифференцированных и омонимичных сложных предложений // Вопросы русского языка и методики его преподавания. – Елец, 1999. – С.101.
101. Мишланов В.А. Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. – Пермь, 1996.

102. Мозгалова Н.В. Построения с частицей «И» и вопрос о ее семантике: Автореф. лис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1987.
103. Мокурангуолали Ж. Сложносочиненные предложения с союзом «и ... и ...»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1996.
104. Морозкина О.Б. Условия выражения отношений следования / одновременности в некоторых типах сложных предложений с союзом «и» // Синтаксис сложного предложения: Межвуз. темат. сб. – Калинин, 1978. – С.53-59.
105. Морозкина О.Б. Семантические условия употребления союзов и, а, но // Сложное предложение. – Калинин, 1979. – С.60-69.
106. Мушанов Ю.А. Зависимость выбора слова от предварительных знаний о предмете (на материале союзов и частиц) // МП и ПЛ. – М., 1964. - Вып. 8. – С. 149-160.
107. Николаева Т.М. Функции частицы в высказывании. – М., 1985.
108. Николаева Т.М. Сочинительные союзы а, но, и: история сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. – М., 1997.
109. Онипенко Н.К. Сложное предложение как результат межрегистрового взаимодействия // Актуальные проблемы сложного предложения: Материалы науч. конф. – Тверь, 1993. – С.20-23.
110. Онишко С.Г. Роль сочинительных союзов в организации построений с вставными конструкциями // Неоднозначные слова. – Тверь, 1997.
111. Орлов А.Е., Черемисина М.И. Контактные сочетания союзов, частиц в русском языке // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. – Новосибирск, 1980.
112. Орлов А.Е. О синтаксической природе «частично-союзных» сочетаний (на примере сочетаний «даже и / и даже» // Способы выражения полипредикативности: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1978. – С.106-119.
113. Пеньковский А.Б. Противительные союзы: Общая и пресуппозитивная семантика // Грамматические категории и единицы: Материалы междунар. конф. – Владимир, 1997. – С. 190-197.
114. Перетрухни В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов

- предложения в современном русском языке. – Воронеж, 1979.
115. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
  116. Пешковский А.М. Избранные труды. – М., 1959.
  117. Покусаенко В.К. К вопросу о границах сложносочиненных предложений // Синтаксис предложения. – Калинин, 1983.
  118. Покусаенко В.К. Переходные явления в области сложного и простого предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
  119. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. - Т.1-2.
  120. Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. – Киев, 1987.
  121. Почепцов Г.П. Слушатель и его роль в актах речевого общения // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. – С.26-38.
  122. Прияткина А.Ф. К изучению союзных связей «вторичного» характера // Современный русский язык. – Владивосток, 1971. – Т.ХII.
  123. Прияткина А.Ф. Об отличии союза от других связующих средств // Рус. яз. в шк. – 1977. – № 4. – С. 102-106.
  124. Прияткина А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977.
  125. Прияткина А.Ф. Союзы в простом предложении. – М., 1977.
  126. Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение. – Владивосток, 1983.
  127. Райне З.М. Синтаксически неразложимые сочинительные словосочетания в функции подлежащего в современном английском языке // Учен. зал. Ленингр. ун-та. – 1958. – Вып. 50. – № 262.
  128. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. – М., 1970.
  129. Распопов И.П. Актуальное членение предложения. – Уфа, 1961.
  130. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж, 1973.
  131. Распопов И.П., Ломова А.М. Основы русской грамматики. – Воронеж, 1984.
  132. Рогожникова Р.П. Служебные слова и принципы их описания: Автореф.

дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1974.

133. Рогожникова Р.П. Сложные предложения с союзными частицами // Синтаксис предложения. – Калинин, 1983. – С.48-57.
134. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. – М., 1980. – Т.1.
135. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. – М., 1980. – Т.2.
136. Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. – М., 1982.
137. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П.Филин. – М., 1979.
138. Санников В.З. О формальном представлении русских сочинительных и сравнительных конструкций // Формальное описание структуры естественного языка. – Новосибирск, 1980. – С.20-38.
139. Санников В.З. Смысловой компонент «норма» в значении русских сочинительных союзов // Вопросы кибернетики. – М., 1987. – С.146-153.
140. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. – М., 1989.
141. Семантика служебных слов. – Пермь, 1982.
142. Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). – Л., 1967.
143. Слабковская Э.К. Роль союза «и» в актуализации высказываний // Вопросы грамматики русского языка. Функциональный анализ морфологических структур. – Иркутск, 1987. – С.86-94.
144. Слободинская Т.Ф. К вопросу о словосочетаниях // Вопросы словосочетания и предложения в русском языке. – Волгоград, 1968.
145. Сложное предложение и диалогическая речь. – Тверь, 1990.
146. Современный русский язык: В 3 ч. / Под ред. Е.И. Дибровой. – М., 1995.
147. Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой: Учебник для филол. спец, ин-тов. – М., 1989.
148. Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. – М., 1988.
149. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). – М., 1973.
150. Спектор Т.Р. Предложения с однородными сказуемыми. – М., 1982.

151. Стародумова Е.А. О релятивных свойствах частиц (синтаксические свойства частицы «именно») // Синтаксические связи в русском языке: Межвуз. темат. сб. – Владивосток, 1981. – С.11-123.
152. Сухих С.А. Организация диалога // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. – С.95-102.
153. Троицкий Е.Ф. Синтаксические функции союзов и и а: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971.
154. Троицкий Е.Ф. Равноправные компоненты сочинительной конструкции. – Смоленск, 1988.
155. Урынсон Е.В. Русский союз и частица И: структура значения // Вопр. языкозн. – 2000. -№3. – С.97-121.
156. Усова Н.В. О некоторых свойствах частицы «и» в противительных конструкциях с союзом «но» // Функциональный анализ синтаксических структур: Сб. науч. тр. – Иркутск, 1982. – С.43-50.
157. Уханов Г.П. К вопросу о значении союзов // Проблемы современной русской лексикологии. – Калинин, 1983. – С.92-106.
158. Фигуровский И.А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста // Рус. яз. в shk. – 1948. – № 3. – С.21-31.
159. Фуко М. Слова и вещи. – М., 1947.
160. Холодов Н.Н. Сложносочиненное предложение в современном русском языке. – Смоленск, 1975. – Ч. I, II.
161. Холодов Н.Н. О семантике соединительных отношений и союзе «и» // Рус. яз. в shk. – 1976. – № 3. – С.75-82.
162. Холодов Н.Н. За древними тайнами русского слова «и» - тайны иных масштабов. – Иваново, 1991.
163. Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем: Учеб, пособие. – Новосибирск, 1979.
164. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск, 1987.
165. Чеснокова Л.Д. Однородные составные сказуемые в современном

- русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1958.
166. Чеснокова Л.Д. Семантика сочинительных связей в структуре простого предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин, 1978. – С.146-153.
  167. Чеснокова Л.Д. Связи в современном русском языке. – М., 1980.
  168. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: Учебник для студентов пед. ин-тов: В 3 ч. – М., 1987. – 4.2: Словообразование. Морфология.
  169. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М.; Л., 1941.
  170. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960.
  171. Широкова Е.Г. Частица и и некоторые функции усилительных частиц // Семантика служебных слов: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1982. – С.166- 176.
  172. Ширяев Е.Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Филол. науки. – 1980. – № 2. – С.49-54.
  173. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976.
  174. Шувалов С.А. О соотносительности смысловых отношений и союзных средств в сложносочиненном предложении // Сложное предложение в конструктивно-семантическом аспекте: Сб. науч. тр. – Калинин, 1984. – С.44-52.
  175. Шувалов С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. – М., 1990.
  176. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
  177. Щеулин В.В. Аспекты сложноподчиненного предложения и его место в системе синтаксических единиц (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1978.
  178. Bauer J. Syntactica slavica. – 1972. – S.383.

179. Belicivá-Krizkova H. Ke vztahu parataxe vetné a cienske // Ceskoslovenská rusistika. – 1978. – XXIII.

Словари

180. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
181. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – 3-е изд., стереотип. – М., 1986.
182. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. – 3-е изд., стереотип. – М., 1978.
183. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1978.
184. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского языка / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1988.
185. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М., 1975.
186. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
187. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М., 1989.
188. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994.
189. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. – М., 1991.
190. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр., и доп. – М., 1984.
191. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М., Л., 1948-1965.
192. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковина. – 2-е изд., испр. – М., 1983.
193. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940.
194. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.М. Молоткова. – М., 1978.

195. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М., 1977.